66

ЧЕГО ЖЕЛАТЬ ДЛЯ РОССІИ?

(Que faut-il désirer pour la Russie?)

От рабства спасъ народъ,
Дворянство отъ грѣха,
Россію отъ стыда.

Надпись къ портрету Александра IIго.

ЛЕЙПЦИГЪ:
F. A. BROCKHAUS.
1868.

Пров.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
103204

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страница

Предувѣдомленіе I

Предисловіе I

I. Изложеніе вопроса 1

II. Разрѣшеніе вопроса 48

III. Прибавленіе къ IIму 112

IV. Изложеніе и разрѣшеніе польскаго вопроса 125

Дополнительныя примѣчанія:

Примѣчаніе I 177

Примѣчаніе II 181

Примѣчаніе III 203

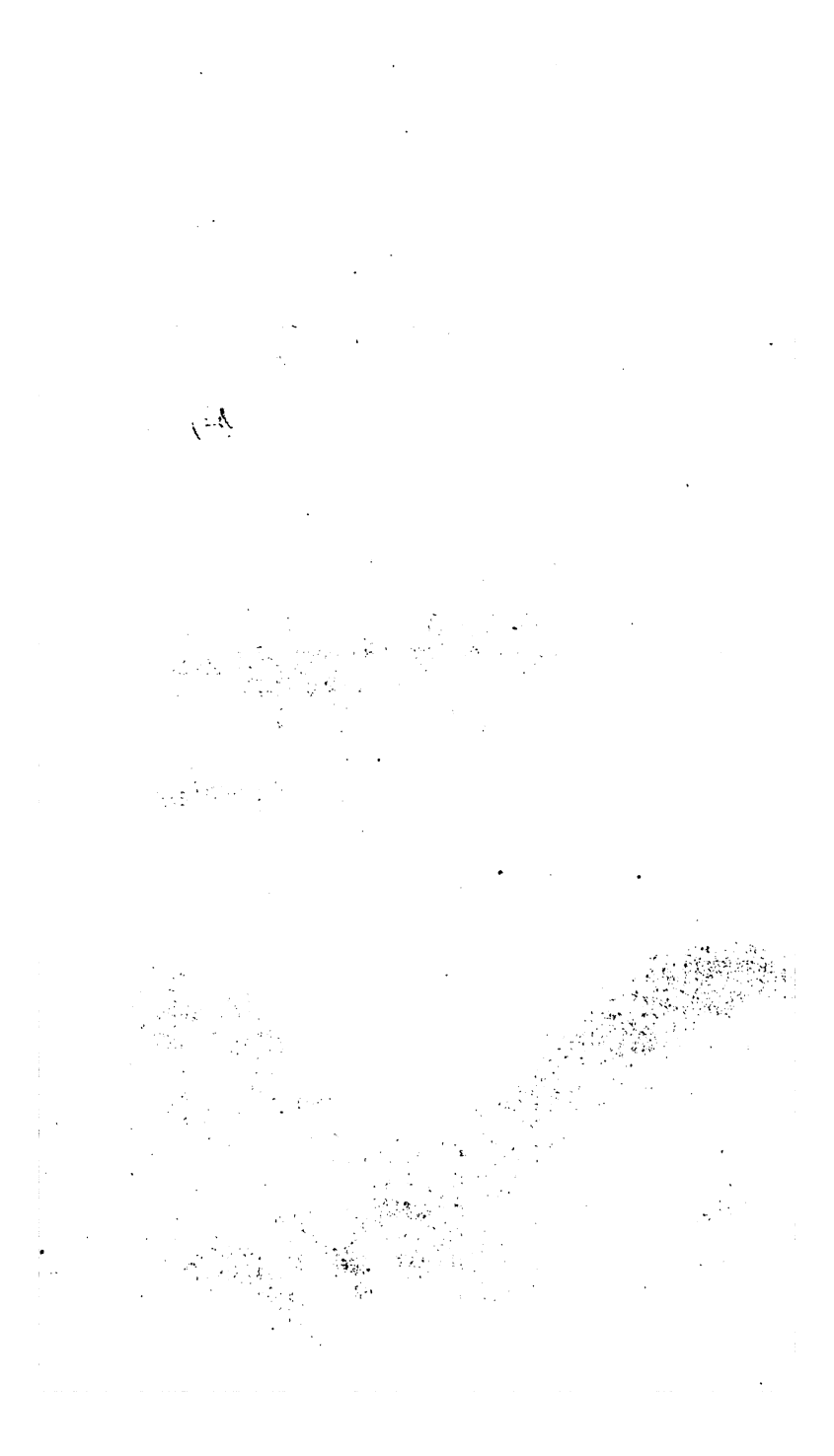
Примѣчаніе IV 211

Примѣчаніе V 216

Примѣчаніе VI 219

Примѣчаніе VII 224

Примѣчаніе VIII 227



ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Выпускаемая нами нынѣ въ свѣтъ брошюра написана въ 1864 году, какъ это означено въ предисловіи. Прибавленное къ ней въ послѣдствіи тоже означено въ самомъ текстѣ.

Съ того времени совершились важныя событія. Вспыхнувшая война въ Германіи изумила Европу необычайными успѣхами одной изъ воевавшихъ сторонъ. Самый ходъ событій, предшествовавшихъ войнѣ, ясно показалъ, что Пруссія хотѣла войны, хотѣла, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе нежели Австрія.

Пруссія могла имѣть въ виду цѣль великую, къ которой были направлены и надежды и усилія нѣмецкихъ патріотовъ, цѣль соединенія различныхъ германскихъ

государствъ во едино, въ единую Германію. На таковое объединеніе своей земли нѣмцы имѣютъ полное право. Но намъ конечно позволено сожалѣть, что это объединеніе совершается не добровольнымъ федеративнымъ союзомъ различныхъ племенъ германскихъ, а силою оружія, завоеваніемъ. Храня въ душѣ память о великомъ человѣкѣ, который болѣе нежели кто либо способствовалъ возрожденію и возвышенію прусскаго государства, мы не думаемъ, что такія средства къ достиженію столь великой и столь благородной цѣли, были бы ему по-сердцу.

Побѣды прусскихъ войскъ, изумившія Европу, обратили ея вниманіе на устройство прусской арміи. Это устройство было введено при управленіи Пруссіею Барона Штейна. Главными началами сего устройства были: обязанность каждаго къ военной службѣ, безъ возможности замѣна однаго лица другимъ; кратковременность службы въ арміи и, по выходѣ изъ дѣйствительной службы, обязанность находиться на извѣстный срокъ въ ландверѣ и наконецъ въ ландштурмѣ. Война въ 1813, 14 и 15 годахъ, достаточно доказала превосходство такаго устройства военной силы.

Но Европа убѣдилась въ этомъ превосходствѣ, какъ кажется, только теперь, послѣ войны Пруссіи съ Австріею.

Не только въ отношеніи къ устройству войскъ Пруссія подала важный и поучительный примѣръ для Европы. Въ тоже время и при управленіи того же Барона Штейна, Пруссія признала спасительное начало освобожденія крестьянъ съ землею. До того времени освобожденіе ограничивалось обыкновенно личностію крестьянъ, безъ всякаго обезпеченія личной свободы недвижимою собственностію. Послѣ сего начало освобожденія крестьянъ съ землею было признано и введено въ дѣйство въ различныхъ странахъ Германіи, въ Австріи, въ Россіи, въ царствѣ Польскомъ, однимъ словомъ вездѣ, исключая Южныхъ Штатовъ Америки для освобожденныхъ негровъ и кромѣ прибалтійскихъ губерній въ Россіи, гдѣ крестьянамъ земля была предоставлена въ пользованіе, а не въ собственность. Такъ честная, свѣтлая мысль человѣка власть имѣющаго, можетъ отражаться добромъ въ его землѣ и въ странахъ чуждыхъ и отдаленныхъ, на его современникахъ и на потомствѣ.

Вниманіе государствъ европейскихъ, обращенное на устройство прусской арміи выражается, естественно, желаніемъ подражать сему устройству. Но по сію пору особенно замѣтно только стремленіе къ увеличенію армій, къ умноженію вооруженныхъ солдатъ, — такъ что, послѣ еще столь недавнихъ и вполнѣ справедливыхъ жалобъ на чрезмѣрность постоянныхъ войскъ, обременяющихъ европейскіе бюджеты и пожирающихъ безпроизводительно плоды человѣческаго труда, Европѣ предстоитъ, можетъ быть, печальная участь видѣть уже великое зло, еще болѣе увеличеннымъ, и съ грустію ожидать пока нестерпимость недуга, приведетъ, наконецъ, къ изцѣленію.

Между тѣмъ первоначальная, основная мысль, основное начало военнаго устройства въ Пруссіи, было иное. Послѣ Тильзитскаго мира Прусское государство находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи: умаленное въ своей территоріи, въ народонаселеніи, оно было связано, по трактатамъ съ Франціею, различными условіями, тяготѣвшими надъ правительственною властію. Такимъ образомъ, Пруссіи было воспрещено имѣть войска болѣе 40т., условіе, которое,

можетъ быть, согласовалось и съ тогдашнимъ положеніемъ прусскихъ финансовъ. Между тѣмъ не могло подлежать сомнѣнію, что, для своего возстановленія, Пруссія будетъ имѣть нужду особенно въ вооруженной силѣ, и тогдашнему прусскому правительству предстояло успѣшно разрѣшить слѣдующую задачу: имѣть наибольшее войско съ наименьшими издержками. Устройство, начала котораго мы изложили выше, вполнѣ соотвѣтствовало условіямъ сей задачи: армія была не многочисленна и слѣдовательно издержки на ея содержаніе не были чрезмѣрны, но ландверъ каждые два года наполнялся тысячами выученныхъ солдатъ, которые, занимаясь каждый своимъ обыкновеннымъ дѣломъ, обязывались удѣлять нѣсколько недѣль въ году на военныя экзерциціи и смотры. Издержки на содержаніе кадровъ въ ландверѣ не могли быть очень значительны. Такимъ-то образомъ Пруссія, при появленіи русскихъ войскъ съ императоромъ Александромъ Iмъ, призванная къ возстанію сопровождавшимъ императора Бароном Штейномъ, могла вступить съ сильною арміею въ ряды союзниковъ.

Очевидно, что экономія, не менѣе многочислен-

ности людей готовыхъ къ битвѣ, всегда лежала и продолжаетъ лежать въ основаніи прусскаго военнаго устройства. Съ того времени прусская регулярная армія была всегда гораздо малочисленнѣе армій другихъ великихъ державъ: 150, 160 тысячь, не болѣе; и не смотря на излишнее пристрастіе теперешняго правительства къ регулярнымъ полкамъ, число коихъ было увеличено предъ начатіемъ послѣдней войны, перевѣсъ военной силы, по численности, всегда оставался и остается на сторонѣ ландвера и въ кровавыхъ битвахъ послѣдней войны никто не видалъ никакаго различія между регулярными полками и ландверомъ.

Желательно, чтобы тѣ правительства, которыя вздумаютъ подражать Пруссіи въ военномъ устройствѣ, не забывали, что сбереженіе въ издержкахъ составляетъ, не менѣе какъ и умноженіе вооруженныхъ людей, отличительный характеръ прусской системы.

Главнымъ дѣятелемъ при введеніи сего устройства въ Пруссіи былъ, подъ руководствомъ Штейна, военный министръ Шарнгорстъ, отличавшійся не только великими качествами по военной части, но и благороднымъ, возвышеннымъ характеромъ. Онъ палъ на

полѣ битвы въ одномъ изъ первыхъ сраженій въ 1813 году. Эти люди, о коихъ забывчивая печать вспомнила въ послѣднее время, когда такъ много начали толковать о прусскихъ военныхъ порядкахъ, эти люди завѣщали Европѣ новую мысль, здравое и честное исполненіе которой можетъ быть для всѣхъ полезно и благотворно, между тѣмъ какъ исполненіе ложное, на увеличеніи военной силы исключительно основанное, приведетъ къ большимъ пожертвованіямъ всякаго рода и будетъ пагубно для власти, которая предприметъ такое дѣло. Одинъ американскій журналъ юмористически замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ мысль и дѣло Штейна, даже и по смерти его, отзовется невыгодно для тѣхъ, противъ кого онъ дѣйствовалъ при жизни своей.

Но отдавая полную справедливость прусскому военному устройству, мы никакъ не можемъ согласиться въ томъ, чтобы одно это устройство, прибавивъ къ нему и игольчатое ружье, могло само по себѣ, изъяснить необычайные успѣхи и побѣды прусской арміи.

Не изъясняетъ достаточно этихъ успѣховъ и

обыкновенное условіе побѣды, въ искусствѣ побѣдителя состоящее. Славнѣйшіе изъ полководцевъ терпятъ иногда пораженія. Фридрихъ великій проигрывалъ сраженія противъ русской и австрійской армій.

Еще менѣе можно искать изъясненія постоянныхъ побѣдъ съ одной стороны и постоянныхъ пораженій съ другой, въ личной храбрости солдать: и тѣ и другіе были храбры и военная честь осталась для всѣхъ неприкосновенною.

Тайна побѣды и тайна пораженія лежитъ гораздо глубже. Ее слѣдуетъ искать въ общемъ устройствѣ государственномъ и въ нравственномъ положеніи народовъ сражавшихся одинъ противъ другаго.

Въ какомъ положеніи находилась Австрія предъ начатіемъ послѣдней войны?

Финансы ея, въ слѣдствіе безпрестанныхъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, дефицитовъ, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ, были въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Это не могло не отозваться и на самой арміи, такъ какъ доходы правительства никогда не равняясь съ расхо-

дами, заставляли прибѣгать къ сокращенію издержекъ по военной части.

Въ управленіи государственномъ являлись неизбѣжныя неправильности, шаткость, безпрестанныя перемѣны въ системѣ управленія. Отношенія центральнаго правительства къ Венгріи оставались неопредѣленными; въ Богеміи чешскій элементъ началъ перевѣшивать элементъ германскій; въ нѣмецкихъ земляхъ начало оказываться небывалое дотолѣ неудовольствіе, въ слѣдствіе отстраненія централистической политики, коей министръ Шмерлингъ былъ представителемъ. Венеція оставалась непримиримою, и для защиты противъ Италіи австрійское привительство должно было имѣть тамъ сильную армію; еле живой Reichsrath изпустилъ наконецъ и послѣднее свое дыханіе. Въ слѣдствіе такихъ данныхъ, армія австрійская не была и не могла быть готовою къ такой борьбѣ, каковою, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженствовала быть борьба съ желавшей войны Пруссіею. На своихъ германскихъ союзниковъ Австрія не могла полагать большихъ надеждъ, и, какъ кажется, дѣйствительно не полагала, — такъ какъ не было замѣтно, со стороны Австріи,

никакой заботливости въ отношеніи къ содѣйствію этихъ союзниковъ.

Пруссія, съ своей стороны, давно уже приготовлялась къ войнѣ. Доказательствомъ этому служатъ споры правительства съ палатою депутатовъ о военномъ бюджетѣ. Финансы Пруссіи находились въ совершенномъ порядкѣ, въ лучшемъ положеніи нежели финансы какаго либо инаго государства. Правительство имѣло, въ своемъ разпоряженіи, особенный капиталъ, невключаемый въ обыкновенную роспись, который позволилъ ему дѣйствовать независимо даже и отъ прусской представительной палаты. Все устройство внутренняго управленія Пруссіи соотвѣтствовало хорошему положенію ея финансовъ: вездѣ порядокъ, вездѣ правильность въ ходѣ дѣлъ и, не смотря на ризличныя неловкія покушенія противъ свободы печати со стороны правительства, много простора въ изъявленіи общественнаго мнѣнія и словомъ и письмомъ.

Если же мы взглянемъ на нравственное, интеллектуальное положеніе двухъ армій, австрійской и прусской, то мы найдемъ тутъ еще несравненно большее различіе между двумя странами, нежели какое

находимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Австрійскій солдатъ можетъ быть столько же храбръ, какъ солдатъ прусскій; австрійскій офицеръ можетъ столь же хорошо командовать солдатами, какъ офицеръ прусскій. Но Прусакъ стоитъ на несравненно высшей степени образованности нежели Австріецъ. Вспомнимъ, что по бюджету предназначаются въ Пруссіи гораздо сильнѣйшія средства для содержанія училищъ, нежели во многихъ другихъ странахъ; вспомнимъ превосходное устройство всѣхъ вообще училищныхъ заведеній въ Пруссіи, какъ низшихъ, такъ и высшихъ — и тогда мы поймемъ настоящія причины превосходства прусской арміи надъ австрійскою. Одинъ корреспондентъ находившійся во время войны въ прусской главной квартирѣ, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Не въ игольчатомъ ружьѣ слѣдуетъ искать тайны успѣховъ прусской арміи, а въ томъ, что каждый прусскій солдатъ провелъ 6 лѣтъ своей жизни въ училищѣ.“

И подлинно! Все на семъ свѣтѣ, болѣе или менѣе, но необходимо все, даже и удачная война, зависитъ отъ степени нравственной образованности

людей. Въ дѣлахъ человѣческихъ человѣкъ, конечно, играетъ главную роль. Каждый соотвѣтствуетъ своему человѣческому призванію по мѣрѣ своихъ силъ не только физическихъ, но и нравственныхъ, интеллектуальныхъ. Чѣмъ выше образованность человѣка, тѣмъ лучше онъ отвѣчаетъ своему призванію.

Но останавливаться на объясненіи настоящихъ причинъ побѣдъ одной арміи надъ другою недостаточно. Надлежитъ, изъ столь важныхъ и, въ нѣкоторомъ отношеніи, столь горестныхъ, столь ужасныхъ произшествій, коихъ мы были недавно свидѣтелями, надлежитъ, говорю, стараться извлечь нѣкоторыя поученія для пользы людей вообще. Убѣдившись въ превосходствѣ игольчатаго ружья, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ дать солдатамъ это ружье; но странно было бы ограничиваться такими улучшеніями, кои позволяютъ какъ можно болѣе и скорѣе убивать людей. Не надо забывать и улучшеній, кои столь очевидно способствуютъ побѣдѣ или защитѣ, и которыя дѣйствуютъ на возвышеніе уровня образованности и нравственности человѣка. „Нравственности“, говоримъ мы, такъ какъ въ послѣднюю войну прусскіе

солдаты, по многостороннимъ свидѣтельствамъ, отличались примѣрно хорошимъ поведеніемъ въ занимаемыхъ ими странахъ. Такихъ поученій изъ послѣдней войны могутъ искать всѣ государства и всѣ народы, какъ самые образованные, такъ и самые отсталые.

Свѣтъ видѣлъ какъ дѣйствовала и что̀ могла стѣлать Австрія съ одной стороны и, какъ дѣйствовала и что̀ могла сдѣлать Пруссія съ другой. Пусть каждый народъ, пусть, въ особенности, каждое европейское правительство вникнетъ въ обстоятельства и въ причины, которыя привели одну державу къ погибели, другую къ торжеству; пусть убѣдятся и признаютъ, что пути, по коимъ каждое изъ сихъ двухъ государствъ дошло до тѣхъ результатовъ, кои были ихъ удѣломъ, не только различны между собою, но противоположны одинъ другому. Пусть они согласятся, по крайней мѣрѣ, что одинъ путь лучше другаго и постараются итти по лучшему пути, даже и безъ полной надежды достичь до всѣхъ результатовъ, добытыхъ другими, въ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ обрѣтающимися: одинъ уже выборъ пути истиннаго, ведущаго къ великому добру, будетъ за-

логомъ будущаго преуспѣянія и поддержкою для людей честныхъ, благонамѣренныхъ, жаждущихъ, каждый для своей земли, правды и благополучія.

Что касается до нашей родной земли, до Россіи, то поученія, которыя мы извлекаемъ изъ важныхъ современныхъ произшествій, сводятся имянно на тѣ предметы, кои мы обсуживали въ предлежащей брошюрѣ, написанной уже въ 1864 году, но не напечатанной нами тогда, по совѣту нѣкоторыхъ уважаемыхъ нами лицъ, находившихъ такое изъявленіе нашихъ мыслей и желаній несвоевременнымъ.

Удивленные какъ и всѣ вообще необычайными побѣдами прусаковъ и столь же необычайными пораженіями австрійцевъ и находя тайну побѣдъ и пораженій въ гражданскомъ превосходствѣ побѣдителей и въ отсталости побѣжденныхъ, можемъ ли мы и послѣ сего находить несвоевременнымъ изъявленіе такихъ мыслей и желаній, исполненіе которыхъ сдѣлало бы насъ, русскихъ, въ гражданскомъ быту, болѣе похожими на первыхъ, нежели на послѣднихъ? Вотъ почему мы рѣшились напечатать нашу брошюру.

Образованный міръ находится теперь если не въ

волненіи, если даже не въ броженіи, то, по крайней мѣрѣ, въ какомъ то переходномъ положеніи отъ однаго порядка, отъ однаго строя общественнаго къ другому. Повсюду многое въ настоящемъ строѣ отжило свое время; иное изчезло, иное изчезаетъ; между тѣмъ какъ новое, добытое или добываемое мыслію человѣческою и опытомъ, еще не замѣнило стараго, отжившаго.

Въ самой срединѣ Европы, совершились недавно такія событія, которыя даютъ новый видъ, новый смыслъ европейской картѣ. Сорокомилліонный народъ германскій, какъ бы отрекаясь отъ своего вѣками созданнаго строя, который такъ много способствовалъ успѣхамъ разума, науки, при которомъ мысль и слово германское съумѣли найти довольно простора для того, чтобы поставить Германію на самую высокую степень образованности, признаваемую за нею всею Европою, этотъ народъ предпринимаетъ нынѣ самое существенное преобразованіе своей внутренней, народной жизни. Лишенные, своимъ раздѣленіемъ на различныя племена и государства, того политическаго вліянія на дѣла европейскія, которое соотвѣтствовало

бы ихъ многочисленности, нѣмцы захотѣли единства — посредствомъ сліянія всѣхъ отдѣльныхъ племенъ въ одну Германію. Какъ бы этотъ переворотъ ни совершился окончательно, свободною федераціею, или завоеваніями, очевидно, что народъ нѣмецкій будетъ имѣть въ Европѣ иное значеніе, нежели какое имѣлъ доселѣ. Во всякомъ случаѣ внутреннее устройство Германіи во многомъ должно измѣниться. Всѣ преобразованія внутреннія, озабочивая самихъ нѣмцевъ, конечно, не оставятъ равнодушными и другіе народы европейскіе. Всеобщее вниманіе устремится на событія, кои будутъ совершаться въ странѣ столь высоко образованной, и своимъ единствомъ столь могущественной. Всѣ государства, всѣ правительства, болѣе или менѣе, должны будутъ предпринимать нѣкоторыя мѣры, нѣкоторыя перемѣны, дабы сообразоваться съ новыми порядками и обстоятельствами. Невниманіе, равнодушіе могутъ отразиться весьма невыгодными, даже бѣдственными послѣдствіями для невнимательныхъ и равнодушныхъ.

Отторгнутая отъ Германіи, имперія Австрійская, если она уцѣлѣетъ, будетъ, вѣроятно, приведена

къ новымъ политическимъ видамъ, вообще къ новой политикѣ какъ внутри имперіи, такъ и въ сношеніяхъ съ другими землями. Внутри имперіи нѣмецкій элементъ будетъ, вѣроятно, принужденъ подѣлиться вліяніемъ на судьбы имперіи съ элементами другихъ народностей. Въ дѣлахъ иностранныхъ Австрія можетъ быть приведена къ необходимости устремить особенное, даже главнѣйшее вниманіе на Востокъ. Какъ бы все это ни происходило и ни совершалось, нѣтъ сомнѣнія, что Австрія, озабоченная сама собою, озаботитъ и Европу во все продолженіе переустройства своего государственнаго быта. Двоякая необходимость перемѣнъ, какъ внутри государства, такъ и въ политикѣ иностранной, особенно опредѣляетъ въ Австріи тотъ характеръ переходнаго положенія, который мы означили выше.

Франція, съ своимъ крѣпкимъ правительствомъ, на всеобщемъ голосованіи основаннымъ, можетъ, въ отношеніи къ другимъ землямъ, оставаться въ совершенномъ, ненарушимомъ спокойствіи, каковымъ она пользуется съ самаго основанія второй имперіи. Это общественное спокойствіе сопровождается замѣчатель-

нымъ развитіемъ промышлености и торговли, особенно торговли иностранной, такъ сильно оживившейся дарованною ей свободою. Но это самое спокойствіе и это благоденствіе страны не могло не привести общество къ мысли, къ чувству, что столь благопріятное положеніе государства позволяетъ наконецъ возвратиться въ полной мѣрѣ къ тѣмъ порядкамъ, кои изтекаютъ изъ началъ 1789 года. Французское правительство, признавая и съ своей стороны силу этихъ основныхъ началъ политическаго быта Франціи, пойдетъ, конечно, въ семъ отношеніи, вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ и во Франціи можно ожидать различнаго рода перемѣнъ, преобразованій, при видѣ коихъ Европа не можетъ оставаться равнодушною. Уже и теперь во Франціи много толкуютъ о преобразованіи арміи, объ учрежденіи сильнаго запаснаго войска. Какъ улучшеніе въ оружіи, такъ и увеличеніе численности войскъ въ одной странѣ, необходимо вызываютъ такія же улучшенія, такое же увеличеніе въ другихъ государствахъ.

Богатая, процвѣтающая Англія также имѣетъ свои заботы. Изъ этихъ заботъ мы укажемъ только

на возникшую съ нѣкотораго времени агитацію въ пользу разпространенія избирательнаго права. Подобные внутренніе вопросы вообще касаются только той страны, въ которой они обсуждаются и разрѣшаются и не имѣютъ обыкновенно непосредственнаго вліянія на иныя страны. Но тѣ способы, коими англійскій народъ, въ послѣдніе полвѣка, совершилъ всѣ свои внутреннія преобразованія, заслуживаютъ всякаго вниманія людей, испытующихъ пути и свойства благосостоянія обществъ человѣческихъ. Въ теченіе послѣднихъ 50^ти лѣтъ Англія совершенно обновилась и то, что̀ въ другихъ земляхъ совершалось насильственными переворотами, революціями, дѣлалось въ Англіи мирно, сознательно, послѣ обстоятельнаго обсужденія подлежавшихъ разрѣшенію вопросовъ. Такой мирный, правильный ходъ гражданскихъ и политическихъ преобразованій, доказывающій все превосходство англійскихъ государственныхъ установленій и порядковъ, конечно заключаетъ въ себѣ самыя, полезныя, практическія поученія для всѣхъ правительствъ и для всѣхъ народовъ.

Италія, во всей свой цѣлости, вступила нынѣ

въ составъ государствъ Европы. Въ моментъ своего возрожденія, заботы ея безчисленны. Общее конституціонное ея устройство уже опредѣлено. Но Италіи предстоитъ внутреннее ея устройство, устройство внутренняго управленія, финансовъ, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, и пр. и пр. Природныя качества и способности, отгичающія италіанцевъ, позволяютъ ожидать, что во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго устройства, проявятся тамъ такія попытки и такіе результаты, которые будутъ для образованнаго міра и интересны и поучительны.

Такимъ образомъ всѣ наиболѣе значительныя государства Европы находятся, какъ мы сказали выше, въ переходномъ положеніи: много перемѣнъ, много преобразованій совершится во время такаго перехода. На сіи то предстоящія и ожидаемыя событія должно быть обращено преимущественно вниманіе всѣхъ правительствъ и всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Мелочныя происшествія, неизбѣжныя неправильности, случайные безпорядки, однимъ словомъ дрязги обыденной жизни, не должны слишкомъ много озабочивать правительства и отвращать ихъ вниманіе отъ дѣлъ важныхъ,

государственныхъ, вліяющихъ на судьбы народа. Эпоху конечнаго совершенія перехода предсказать невозможно. Но самыя произшествія постепенно повсюду совершающіяся, могутъ, по крайней мѣрѣ, показать пути, по коимъ пойдутъ различные народы и дать возможность судить о пользѣ, о правильности, или о вредѣ и неправильности каждаго изъ путей. Здравый выборъ будетъ залогомъ успѣха.

Мы не упомянули о двухъ, нѣкогда сильныхъ государствахъ: одно изъ нихъ, Испанія, не переходитъ, а отходитъ; другое, Турція, исходитъ. Одно умираетъ, другое изчезаетъ изъ Европы. Но примѣръ и этихъ двухъ падающихъ державъ, заключаетъ въ себѣ столь же полезныя, какъ и ясныя поученія. Если примѣръ однихъ государствъ указываетъ чему надлежитъ подражать; то примѣръ такихъ государствъ, какъ Испанія и Турція, убѣждаетъ чего слѣдуетъ остерегаться, чего страшиться.

Обозрѣвъ такимъ образомъ современное положеніе образованнаго міра, мы обратимся съ торжественнымъ вопросомъ къ каждому русскому разсудку, къ каждому русскому сердцу: можетъ ли Россія оста-

ваться невнимательною, равнодушною ко всему совершающемуся теперь въ этомъ образованномъ мірѣ? Можетъ ли каждый разсудительный русскій человѣкъ не подумать о переходномъ положеніи и своей собственной земли, гдѣ переходный характеръ обозначается еще гораздо сильнѣе нежели гдѣ либо? Возможно ли это? Если же это невозможно, если это по крайней мѣрѣ не желательно, а желательно противное, то пусть же каждый русскій человѣкъ, имѣющій что нибудъ сказать своей землѣ, выскажетъ свою задушевную мысль, выскажетъ честно, правдиво, не заботясь о томъ, будетъ ли его слово услышано, равно какъ и о томъ отзовется ли оно для него печально и невыгодно. Мы слѣдуемъ именно этому совѣту, который предлагаемъ другимъ, рѣшаясь напечатать наши мысли о „Земскомъ Соборѣ“, какъ о главномъ, по нашему убѣжденію, средствѣ не отстать отъ образованнаго міра въ настоящую знаменательную эпоху.

Желая прежде всего и болѣе всего добра и пользы для нашей родной земли, для Россіи, вникая въ смыслъ и значеніе всего что нынѣ совершается на свѣтѣ, мы не можемъ не убѣдиться, что и для

нея добра и пользы можно достигнуть только путемъ и стремленіемъ къ общей человѣческой образованности и просвѣщенію. И на этомъ пути, какъ на всѣхъ путяхъ человѣческихъ, встрѣчаются затрудненія, препятствія, которыхъ избѣжать невозможно, но которыя иногда и весьма нерѣдко можно преодолѣвать. Въ особенности надлежитъ здраво и хладнокровно оцѣнивать такія затрудненія и препятствія, понимать ихъ важность и значеніе и не смѣшивать препятствій и затрудненій маловажныхъ, незначительныхъ, пустыхъ, съ затрудненіями существенными. Конечно было бы весьма хорошо, еслибъ всѣ люди дѣйствовали какъ существа нравственныя, логическія, и повиновались бы неуклонно всѣмъ не только гражданскимъ, но и нравственнымъ законамъ, законамъ логики и здраваго смысла. Но тогда люди не были бы людьми, или, для такихъ людей не нужно было бы никакихъ постороннихъ совѣтовъ и указаній. Въ дѣлахъ человѣческихъ здравый смыслъ всегда, болѣе или менѣе, смѣшивается съ неблагоразуміемъ, правда съ ложью, знаніе съ невѣденіемъ. Но эта примѣсь дурнаго къ хорошему, зла къ добру, никогда не превозможетъ,

если для добра останется довольно простора, чтобы явить силу свою во всемъ ея превосходствѣ.

Такимъ образомъ если, напримѣръ, дарованная бо́льшая свобода слову, печати, производитъ нѣкоторыя отступленія отъ должной умѣренности, если въ свободномъ преподаваніи наукъ проявляются какія либо неправильныя или сомнительныя теоріи, изъ коихъ молодые люди не могутъ извлечь для себя ничего полезнаго; если, какъ въ свободной печати такъ и въ свободномъ преподаваніи, молодежь будетъ искать опоры и подкрѣпленія какимъ либо безразсуднымъ, противонаучнымъ ученіямъ и началамъ; то ни въ одномъ изъ сихъ случаевъ подавленіе печати, прекращеніе преподаваній, затрудненіе доступа въ школы для учащихся, не можетъ помочь дѣлу, а можетъ уничтожить самое дѣло. Дабы дѣйствовать послѣдовательно и сознательно, надлежитъ всегда имѣть въ виду цѣль, къ коей дѣйствіе стремится. Имѣя въ виду образованность, надлежитъ неуклонно къ ней стремиться, отстраняя или преодолѣвая встрѣчающіяся препятствія. Уничтожать, конечно, легче нежели исправлять и преодолѣвать; но въ первомъ случаѣ и

самая цѣль уничтожается; во второмъ достиженіе цѣли дѣлается тѣмъ вѣрнѣе.

Оцѣнивать препятствія не всегда будетъ легко. Но какъ бы препятствія ни казались важными, отстраненіе и преодолѣніе ихъ всего вѣрнѣе предоставить силѣ добра, силѣ правды и для сего положиться на судъ общественнаго мнѣнія, въ которомъ эта сила непреложно выразится. Но кромѣ такихъ настоящихъ препятствій и затрудненій, мы часто видимъ затрудненія мнимыя, въ одномъ только больномъ воображеніи людей существующія. Въ самыхъ незначительныхъ, пустыхъ проявленіяхъ, люди часто видятъ признаки чего-то опаснаго, угрожающаго, въ будущемъ, разными вредными послѣдствіями для общества и государства. Такъ, между прочимъ, не за долго предъ симъ въ Европѣ опасались разпространенія разнаго рода сосіалистскихъ началъ, угрожавшихъ праву собственности. Собственность осталась собственностію, между тѣмъ какъ эти соціалистскія идеи изчезли, и изчезли не насильственнымъ подавленіемъ, не преслѣдованіемъ, а просто предъ силою общественнаго мнѣнія высказываемаго въ печати. Такъ у насъ почитаютъ дѣломъ

серіознымъ, что нѣкоторыя барышни прогуливаются по улицамъ съ остриженными волосами и съ синими очками. Обращать вниманіе общества на такіе предметы, заботиться о нихъ, было бы странно и въ обыкновенныя времена; но теперь, когда столь много самыхъ важныхъ, жизненныхъ вопросовъ требуютъ всеобщаго вниманія, это, по истинѣ, грѣшно. Если такимъ проявленіямъ придаютъ какой либо смыслъ, то подобныхъ признаковъ можно насчитать множество, была бы только къ тому охота и о нихъ не стоило бы труда и говорить, если бы, къ сожалѣнію, опытъ не показывалъ намъ, что эти то признаки и обращаютъ на себя вниманіе многихъ, предпочтительно предъ тѣми вѣщими предзнаменованіями, которыя, по словамъ поэта, грядущая будущность бросаетъ, какъ тѣнь, предъ собою:

'Tis the sunset of life gives me mystical lore
And coming events cast their shadows before.'*)

Парижъ 1/13 Декабря 1866.

Н. ТУРГЕНЕВЪ.

*) Campbell. Lochiel's Warning.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Излагаемыя нами желанія и надежды относительно Россіи, могутъ показаться мало соотвѣтствующими опыту, т. е. тому, какъ дѣла міра сего обыкновенно совершаются. Мы объ этомъ спорить не будемъ. Но мы вѣруемъ и будемъ продолжать вѣрить, не смотря на то что́ и какъ совершается на семъ свѣтѣ, вѣрить, что добро, что сила добра не изчезла изъ сего міра; что правда иногда торжествуетъ и что наконецъ долготерпѣніе обрѣтаетъ иногда должную награду. Залогъ и ручательство нашихъ надеждъ и упованій мы видимъ тамъ, откуда мы ожидаемъ ихъ исполненія. Уже совершенныя благія дѣянія зовутъ за собою новые подвиги на

пользу людей. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ сильно любящій кого либо за оказанныя благодѣянія, естественно ожидаетъ отъ него новыхъ благодѣяній. Торжественно и чистосердечно скажемъ, что мы вѣримъ въ царя-освободителя. Съ высоты, на которую онъ поставилъ себя въ исторіи царей и царствъ, онъ можетъ, конечно съ сочувствіемъ, съ обычнымъ благодушіемъ, но хладнокровно, равнодушно смотрѣть какъ, подъ его мощнымъ скипетромъ, разпредѣляются подробности земскаго управленія, какими путями дѣла восходятъ до высочайшаго утвержденія: чрезъ министровъ, чрезъ совѣтъ или, сверхъ сего, и чрезъ „Земскій Соборъ.“ Возвышенная, преисполненная добра душа его не можетъ не желать всѣхъ возможныхъ гарантій успѣшнаго и удовлетворительнаго хода этихъ дѣлъ. Призвавъ милліоны вѣрноподданныхъ къ гражданской свободѣ, онъ можетъ всѣмъ милліонамъ русскихъ людей, усвоивъ имъ равноправіе предъ закономъ, указать путь къ свободѣ политической. Тогда высшія судьбы Россіи совершатся; славное поприще мудраго, благодушнаго законодателя увѣнчается новымъ вѣнцемъ славы, славы чистой,

истинной, благодѣтельной для человѣчества. Великій подвигъ, облагороживая народъ, будетъ поученіемъ для царей, для народовъ, для потомства. Мы вѣримъ въ Него, потому что любимъ Его безпредѣльно и безпредѣльно Ему преданы.

Съ другой стороны, вникая въ тайны чувства, мысли, въ тайны воли человѣка, мы убѣдимся, что душа его ничѣмъ не можетъ быть удовольствована на семъ свѣтѣ, и тогда какъ стремленія къ злому, къ безнравственному, встрѣчаетъ преграду по крайней мѣрѣ въ угрызеніяхъ совѣсти, стремленіе къ добру никогда не останавливается: осыпте человѣка всѣми благами, о которыхъ онъ могъ только мечтать, которыхъ едва надѣялся когда либо достигнуть, онъ, не смотря на все добытое, будетъ продолжать стремиться къ достиженію новыхъ, бо́льшихъ благъ: безсмертная душа человѣческая можетъ обрѣсти полное удовлетвореніе только за гробомъ, когда она возвратится къ безсмертному источнику. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ неустанномъ стремленіи къ лучшему, мы видимъ одно изъ доказательствъ безсмертія души человѣческой. Такъ и мы, находя

осуществленными тѣ блага, коихъ всегда страстно желали, не можемъ не желать благъ новыхъ, необходимыхъ для развитія нравственныхъ силъ нашей земли, для утвержденія нравственнаго достоинства нашихъ согражданъ. Благодаря за освобожденіе, мы просимъ „Земскаго Собора.“

На нашъ голосъ неминуемо откликнутся голоса съ противной стороны; вспыхнетъ гнѣвъ усердія и преданности инаго рода; возстанутъ на дерзнувшаго говорить о свободѣ, о достоинствѣ человѣческомъ; будутъ обвинять его въ посягательствѣ на власть державную. Насъ это не удивитъ ни мало: съ давняго времени мы привыкли къ этому крику недоброжелательства и вражды, которыя нѣкогда нашли даже случай отразиться въ несправедливыхъ и противозаконныхъ осужденіяхъ и приговорахъ. Этотъ крикъ теперь умолкъ, но умолкъ, потому что совершилось то дѣло, за которое насъ осуждали, за которое мы стояли. Теперь мы накликаемъ новый гнѣвъ на насъ со стороны тѣхъ же противниковъ. Гнѣвъ этотъ былъ бы, если возможно, еще безразсуднѣе. Какъ? Мы посягаемъ на державную власть, когда мы къ этой

самой власти съ полнымъ довѣріемъ обращаемся; когда мы отъ нея, и отъ нея одной, всего надѣемся, всего ожидаемъ? По истинѣ, тутъ нѣтъ никакаго смысла, и одни предразсудки, одно невѣжество, не могутъ изъяснить этой безсмыслицы; только самыя мелкія, самыя пошлыя страстишки могутъ изъяснить её: тщеславіе, эгоисмъ, любовь къ пустой, лѣнивой жизни, съ ея грубыми наслажденіями, къ жизни безъ труда, такъ сказать, на чужой счётъ. „Лишь бы намъ было хорошо: послѣ насъ хоть трава не расти!“ „Après nous le déluge.“ Вотъ девизъ этихъ жалкихъ защитниковъ всѣхъ отжившихъ свое время порядковъ и всякой неурядицы!

Мы очень хорошо знаемъ, что самодержавная правительственная власть въ Россіи имѣетъ своимъ основаніемъ избраніе перваго царя рода Романовыхъ, безъ какихъ бы то ни было условій. Въ слѣдствіе сего все въ Россіи совершается по волѣ Самодержца и по законамъ имъ установленнымъ. Законность этаго порядка вещей никто отрицать не можетъ. Воля царя и сила его законовъ — вотъ на чемъ зиждется россійское государство.

Этому коренному началу правительственной власти въ государствѣ Россійскомъ, всегда соотвѣтствовало и дѣйствіе власти; и если въ престолонаслѣдіи бывали перерывы, отступленія отъ порядка, впрочемъ, до послѣднихъ временъ весьма неточно опредѣленнаго; то самая власть оставалась полною въ своей преемственности.

Въ иныхъ государствахъ, династіи были иногда перемѣняемы насильственнымъ образомъ, въ слѣдствіе революцій. Въ другихъ такъ называемые coups d'Etat измѣняли установленный образъ правленія и сіи измѣненія совершались обыкновенно въ ущербъ гражданской свободы, въ ущербъ народа, и тѣмъ самымъ поставляли новыя правительства въ разладъ съ народомъ, заставляли ихъ принимать мѣры притѣснительныя, для предупрежденія возможныхъ послѣдствій народнаго недовольствія. Эти-то именно ненормальныя, неправильныя отношенія власти правительственной къ народу, породили тѣ системы централизаціи, которыя такъ сильно усложняютъ дѣло государственнаго управленія, тѣ методы и тѣ пріемы полиціи, на шпіонствѣ основанной, которую, въ отличіе отъ

обыкновенной, необходимой, полезной полиціи, называютъ высшею полиціею.

Никакихъ подобныхъ причинъ и поводовъ къ разладу между правительствомъ и народомъ въ Россіи никогда не существовало и не существуетъ. По сему, въ отсутствіи причинъ, не долженствовало бы, кажется, существовать и послѣдствій, des effets sans cause, какъ говорилъ Royer Collard: именно этой уродливой централизаціи, этой высшей полиціи и всѣхъ прочихъ препятствій къ народному преуспѣянію, нравственному и матеріальному, кои мы находимъ въ цензурѣ, въ безчисленныхъ пасспортахъ, видахъ и т. п. Относительно цензуры мы находимъ, что тамъ гдѣ свобода печати, въ слѣдствіе разлада правительства съ общественнымъ мнѣніемъ, представляется невозможною, но гдѣ и формальная цензура также невозможна, создаютъ законы, которые замѣняютъ цензуру угрозою „предостереженій“, пріостановокъ въ изданіи журналовъ и наконецъ совершеннаго запрещенія. Это новое изобрѣтеніе нашло подражателей и въ другихъ государствахъ. Но Австрія, принявшая методъ „предостереженій“, вскорѣ отъ него отказалась. И теперь

они существуютъ, кромѣ Франціи, только въ Турціи и — у насъ въ Россіи! Хорошо подражать Европѣ въ хорошемъ; хорошо заимать отъ нея устройство судовъ, устройство желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но гдѣ польза, гдѣ причина, поводъ къ подражанію французскимъ „avertissements“? Прежде нежели рѣшаться на подражанія, наши консерваторы должны бы серіозно подумать о великомъ различіи, которое, какъ мы указали выше, существуетъ въ отношеніяхъ правительства къ народу у насъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. У насъ нѣтъ и тѣни того разлада между правительствомъ и народомъ, той взаимной недовѣрчивости, которыя тамъ существуютъ. Характеръ нашего законодательства не можетъ, безъ великаго ущерба для насъ самихъ, не сообразоваться съ нашимъ положеніемъ, столь отличнымъ отъ положенія другихъ народовъ.

Желать измѣненій въ государственномъ порядкѣ, честно изъяснять такія желанія предъ лицемъ Самодержца, вѣрноподданнически просить Его о введеніи желаемыхъ перемѣнъ, не есть посягательство и не

можетъ быть посягательствомъ на законныя права Самодержавія.

Позволю себѣ слѣдующее размышленіе. Законы природы, Создателемъ вселенной установленные, непреложны. На семъ свѣтѣ все совершается сообразно симъ законамъ. Между тѣмъ люди, въ нравственныхъ и матеріальныхъ нуждахъ своихъ, обращаются къ Творцу неба и земли съ молитвами о спасеніи въ опасностяхъ, естественно постигающихъ или ихъ самихъ или ихъ ближнихъ, съ молитвами „о благораствореніи воздуха и о изобиліи плодовъ земныхъ“ побуждаемые къ тому инстинктивною вѣрою не только во всемогущество, но и въ милосердіе Божіе. Такъ называемые „крѣпкіе умы“ могутъ находить молитвы излишними, недѣйствительными. Люди обыкновенные т. е. огромное большинство рода человѣческаго, вездѣ и всегда найдутъ и признаютъ святою молитву матери о спасеніи умирающаго младенца.

Но и самые эти „крѣпкіе умы“, находя молитву недѣйствительною, излишнею, не могутъ, ни въ какомъ случаѣ, находить её безнравственною, ни даже безсмысленною; однимъ словомъ, никогда никто

не признавалъ теплой молитвы, горести исполненнаго сердца — богохульствомъ!

По чему-же нѣкоторые ревнители власти осмѣливаются называть посягательствомъ на Самодержавіе изъявленіе честнаго желанія измѣненій въ строѣ государственномъ предъ лицемъ Самодержца? Развѣ сердце гражданина не можетъ преисполниться скорби и горести при созерцаніи бѣдствій, постигающихъ или грозящихъ его отечеству, его согражданамъ? Желаніе можетъ быть неосновательное, ошибочное; но въ честномъ и умѣренномъ его изъявленіи нѣтъ и не можетъ быть посягательства на что бы-то ни было, и всего менѣе на Самодержавіе, такъ какъ желатели именно къ сему то Самодержавію и обращаются для осуществленія своихъ желаній и тѣмъ самымъ признавая, такъ сказать утверждая, исповѣдуя самый принципій Самодержавія, предаютъ все на волю Самодержца, ожидая оправданія ихъ вѣрованій отъ Его благости, отъ Его любви къ народу, къ отечеству.

Нѣкоторые изъ такихъ желателей и, по нашему мнѣнію, самые осторожные, умѣренные и разсудительные, идутъ далѣе и просятъ отъ Самодержца не только

согласія, но и непосредственнаго, постояннаго содѣйствія, и не только содѣйствія но и направленія какъ въ устройствѣ новыхъ желаемыхъ порядковъ, такъ и въ поддержаніи, въ сохраненіи ихъ въ належащей силѣ и сущности.

Тѣхъ, которые и въ такомъ изъявленіи честныхъ и нравственныхъ желаній и надеждъ найдутъ еще посягательство на что-бы то ни было, мы не беремъ на себя разувѣрять, вразумлять, предоставляя ихъ своему собственному, неизлечимому безумію.

Скажемъ еще разъ: на Самодержавіе ны ме посягаемъ. И не намъ посягать на него, не намъ, которые нѣкогда видѣли въ немъ якорь спасенія для Россіи; ибо оно, одно, могло уничтожить рабство, — и нашъ взглядъ былъ не ошибоченъ. Даже и теперь мы обращаемъ всѣ наши желанія и надежды къ тому же Самодержавію. Но мы возстаемъ противъ язвъ, коихъ Самодержавіе излечить не въ силахъ. И если при такомъ Государѣ, каковымъ былъ Александръ I^{й}, соединявшій въ себѣ лучшія качества человѣка и императора, были возможны военныя поселенія; то никакой Самодержецъ не можетъ заснуть спо-

койно, съ увѣренностію, что во имя его не совершается самыхъ горестныхъ и ужасныхъ дѣлъ. Мы возстаемъ противъ этихъ золъ, такъ какъ возставалъ Карамзинъ, сожалѣя при семъ, что мы лишены того великаго таланта и того авторитета, которые имѣлъ этотъ геніальный и вмѣстѣ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. Только Карамзинъ, признавая зло, искалъ излеченія не въ тѣхъ средствахъ, въ какихъ мы его ищемъ. Онъ, съ чистѣйшими намѣреніями и полною искренностію находилъ средство изцѣленія или, по крайней мѣрѣ, великаго исправленія, въ избраніи, прежде всего, четырехъ вполнѣ честныхъ и при томъ образованныхъ людей. Всякій согласится, говорилъ онъ, что найти этихъ четырехъ людей не трудно. Эти четыре человѣка должны избрать, каждый, опять четырехъ человѣкъ, такихъ же честныхъ и просвѣщенныхъ и т. д. дотолѣ, пока всѣ мѣста въ Имперіи будутъ заняты самыми лучшими людьми. Предложенное кѣмъ либо другимъ, такое средство позволило бы сомнѣваться въ искренности совѣта. Карамзину, всѣ знавшіе его вѣрили безусловно. Такіе мнѣнія и совѣты покажутся еще болѣе странными, неизъя-

снимыми, когда мы вспомнимъ, что Карамзинъ былъ истинно либеральнымъ человѣкомъ, въ лучшемъ смыслѣ сего слова, и что, въ порывахъ его благородной души ко благу людей, къ свободѣ человѣческой, онъ иногда восклицалъ: „Я? я въ душѣ республиканецъ! Но Россія, дабы быть великою и сильною, такъ чтобы ея боялись другіе народы, Россія должна сахранить Самодержавіе.“ Карамзинъ не дожилъ до крымской войны.... Онъ не дожилъ и до 19го Февраля 1861 года; но, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не знать и не видѣть, что есть на свѣтѣ великія и славныя государства, въ коихъ народъ живетъ въ полной гражданской и политической свободѣ. Если, къ сожалѣнію, и такихъ государствъ иногда боятся, то ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уважаютъ, удивляются, завидуютъ имъ. Уваженіе, во всякомъ случаѣ, лучше боязни.

Изыскивая причины, которыя могли привести Карамзина къ такимъ воззрѣніямъ, намъ кажется, что эти причины таятся въ мнѣніи его о русскомъ народѣ. Что Карамзинъ всею душею, пламенно, любилъ Россію и русскій народъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но

понятія его о гражданской и политической доблести русскихъ всѣхъ сословій, и именно его мнѣнія о русскомъ дворянствѣ, какъ о первенствующемъ сословіи въ государствѣ, были не весьма лестны. Однимъ словомъ, онъ не признавалъ въ русскомъ народѣ способности къ самоуправленію (selfgovernment). Вотъ чѣмъ, какъ намъ кажется, изъясняется противорѣчіе въ воззрѣніяхъ Карамзина на судьбы Россіи. Онъ видѣлъ зло, обнаруживалъ его смѣло и краснорѣчиво, желалъ всею душею исправленія и изцѣленія; но искалъ и того и другаго тамъ, гдѣ ничего найти было невозможно, увлекаясь, вмѣстѣ съ симъ, призракомъ величія и силы, которыя наконецъ казались ему единственною цѣлію, до коей русскій народъ можетъ достигнуть.

Скажутъ, можетъ быть, что Самодержецъ, отказываясь отъ полновластія, умаляетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, самого себя. Но умаляетъ ли себя тотъ, кто вступаетъ въ среду самыхъ великихъ владыкъ міра сего, міра образованнаго, Европейскаго, гдѣ представительный образъ правленія водворился? Можетъ-ли, для характера возвышеннаго, быть что либо

лестнаго, видѣть свою власть похожею на власть Турецкихъ Султановъ, Персидскихъ Шаховъ и различныхъ Хановъ Азіатскихъ? Вотъ къ какимъ заключеніямъ грубая лесть приводитъ слѣпыхъ консерваторовъ!

Къ тому же, еслибы какой либо полновластный монархъ былъ приведенъ къ водворенію свободнаго образа правленія революціею, или какимъ бы то ни было возстаніемъ народнымъ, или даже неодолимою силою общественнаго мнѣнія; то, зная слабость человѣческую, позволительно было бы еще предполагать, что вынужденное согласіе на введеніе свободнаго порядка, можетъ казаться монарху чувствительнымъ, прискорбнымъ, умаляющимъ его личность. Но тамъ, гдѣ иниціатива пріемлется самимъ полновластнымъ владыкою, гдѣ нѣтъ, гдѣ не можетъ быть и тѣни чего либо вынужденнаго, гдѣ всего ожидается только отъ его благой воли, гдѣ онъ — въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ — дѣйствовалъ бы по внушеніямъ собственнаго разума и сердца, и гдѣ все это неоспоримо, очевидно для всѣхъ — тамъ создающій новый порядокъ Самодержецъ можетъ только, въ нѣкоторомъ смыслѣ, напомнить Создателя вселенной,

установившаго твердые законы для сотворенныхъ имъ міровъ, и тѣмъ обрѣсти праведную мзду своего благодѣянія, испытать только для него возможное утѣшеніе, видѣть плоды созданной имъ свободы милліоновъ людей и сознать себя виновникомъ всего этаго добра: „Се добрѣ зѣлѡ.“ *)

Мы не можемъ наконецъ пройти въ молчаніи извѣстное мнѣніе нѣкоторыхъ страстныхъ или, справедливѣе сказать, платоническихъ любителей свободы, которые тѣмъ, кои ожидаютъ ея отъ народолюбивыхъ правительствъ, возражаютъ, что свобода не дается, а берется: „Il faut partout conquérir la liberté pour la posséder!“ **)

Эта мысль никакъ не можетъ войти въ мою голову, въ мое убѣжденіе. Она мнѣ кажется противною истинному понятію о добрѣ, о силѣ добра: какъ постигнуть, какъ убѣдиться, что добро не можетъ быть достигнуто иначе какъ силою, борьбою, бѣдствіями, кровавыми революціями? Что это такъ бы-

---

*) Бытія, глава Iя, стихъ 18й.

**) См. примѣч. Iе, стр. 230.

вало, что свобода иногда — но не всегда — завоевывалась кровію — это правда. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, что свобода иначе достигнута быть не можетъ. Для меня всегда было ясно, что русское Самодержавіе во всякое время могло освободить крестьянъ и освободить легко. Это такъ и сбылось и съ успѣхомъ превосходящимъ всѣ ожиданія. Не менѣе ясно для меня, что это же русское Самодержавіе, просвѣщенное, народолюбивое, руководимое Провидѣніемъ, можетъ водворить въ Россіи представительный порядокъ, слѣдственно свободу гражданскую и политическую, и Самодержецъ ни чѣмъ болѣе и лучше не можетъ доказать своего истиннаго, спасительнаго Самодержавія, какъ основаніемъ свободнаго правленія.

Не надобно забывать, что добро имѣетъ свою прирожденную ему силу, которая какъ бы облегчаетъ совершеніе, исполненіе добра. Во всякомъ случаѣ, добро совершается человѣкомъ легче нежели зло. Какихъ трудовъ, какихъ усилій, какаго напряженія воли стоило учрежденіе военныхъ поселеній? И съ другой стороны если, напримѣръ, введеніе новаго судоустройства стоило труда и труда огромнаго, то и самый

этотъ трудъ былъ наслажденіемъ и слѣдовательно благодѣтеленъ для трудившагося, который предвидѣлъ пользу отъ труда его послѣдовать долженствовавшую. Иногда, и весьма не рѣдко, добро совершается даже какъ будто само собою — лишь не мѣшайте ему. Вѣра въ добро есть вѣра въ самое Провидѣніе. Что же мы можемъ послѣ сего думать о тѣхъ, кои вездѣ видятъ одно зло; въ самыхъ благодѣтельныхъ реформахъ — революцію, въ самыхъ добросовѣстныхъ намѣреніяхъ, въ откровенныхъ и правдивыхъ словахъ —заговоръ и измѣну?

Вспоминая слова лорда Эрскина о свободѣ, мы скажемъ, что ясное понятіе о добрѣ, какъ видно, есть одно изъ самыхъ послѣднихъ благодѣяній, даруемыхъ Провидѣніемъ человѣку.

Тѣже, по нашему мнѣнію, рѣшительно платоническіе любители свободы, о которыхъ мы говорили выше, проповѣдуютъ, что такъ называемыя писаныя конституціи ни къ чему не служатъ, что конституціи должны быть результатомъ времени т. е. цѣлыхъ вѣковъ и такъ далѣе ..... разглагольствіямъ тутъ не бываетъ конца. Ни кто не споритъ, что конституціи,

на опытѣ вѣковой жизни народа основанныя, суть самыя лучшія. Но что же дѣлать тѣмъ государствамъ, гдѣ такаго вѣковаго опыта нѣтъ? Неужели слѣдуетъ прожить этотъ опытъ? Сидѣть цѣлые вѣка у моря и ждать погоды? Надобно же когда нибудь и съ чего нибудь начать! Впрочемъ этотъ самый пустой изъ всѣхъ пустыхъ аргументовъ сего рода былъ неоднократно опровергаемъ на дѣлѣ: нѣкоторые изъ европейскихъ народовъ живутъ очень хорошо, мирно и свободно въ силу писаныхъ конституцій.

Если между нашими противниками найдутся такіе люди, которые добросовѣстно, добродушно боятся желаемой нами реформы, то для нихъ мы позволимъ себѣ привести слова, сказанныя нами за полвѣка предъ симъ, относительно крестьянскаго освобожденія.

„Если послѣднимъ [защитникамъ крѣпостнаго права] говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству; то они дѣлали восклицанія противъ царства

разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ зиждется благосостояніе государствъ, должны влещи за собою уничтоженіе религіи и законовъ. Пусть сіи люди взглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовію, признательностію и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. .... Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе однаго класса гражданъ другимъ, не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа.“*)

Это предчувствіе, если не предсказаніе, было вполнѣ оправдано въ вѣчно памятную годину 1861. Убѣжденія, на вѣрѣ въ Бога и на вѣрѣ въ народъ основанныя, рано или поздно находятъ свое оправда-

*) См.: Опытъ теоріи налоговъ. Стран: 120. 2ое Изданіе. Спб. 1817 года.

ніе. Одного, однакоже, мы не предвидѣли и не предчувствовали: это тѣхъ нещастныхъ вспышекъ, доходившихъ до кровопролитія, которыми было запятнано святое дѣло освобожденія. Но этого мы не могли и не долженствовали предвидѣть. Бѣды бы не было, еслибы такъ называемыя „власти предержащія“ дѣйствовали въ духѣ мира и любви, вѣявшемъ тогда съ престола на всю землю, а не въ духѣ дикаго самоуправства, въ духѣ немилосердаго преслѣдованія противъ бѣдныхъ и темныхъ людей, болѣе заблуждавшихся, нежели преступныхъ.

На приводимые здѣсь за полвѣка сказанныя слова мы также сошлемся въ отвѣтъ и тѣмъ, которые стараются опровергать наши воззрѣнія говоря, что не живя въ Россіи, мы не знаемъ ея и знать не можемъ. Мы осмѣлимся спросить: кто лучше зналъ и понималъ Россію: тѣ ли, которые пророчили всякаго рода безпорядки, бунты, рѣзню, какъ неизбѣжныя послѣдствія освобожденія крестьянъ, или тѣ, кои предсказывали, что народъ заплатитъ горячею признательностію за оказанное благодѣяніе?

Что мы не живемъ въ Россіи, это правда: не-

справедливые, противозаконные приговоры держали насъ вдали отъ родной земли. Теперь приговоры обезсилены; но противозаконность, неправда, не признаны таковыми, хотя и то и другое ясно какъ свѣтъ Божій. *) Правительство какъ будто не можетъ рѣшиться признать беззаконіе беззаконіемъ, неправду неправдою и оказать возможную справедливость, на какую всякій человѣкъ имѣетъ право и которая не отказывается никому тамъ гдѣ существуютъ порядочные суды и порядочное судопроизводство. „Безъ вины виноватъ!“ Эта русская и только для русскихъ понятная пословица, изчезнетъ ли она по крайней мѣрѣ тогда, когда, по новому преобразованію, будетъ введено въ суды правосудіе?

Приведенныя строки изъ моей книги напоминаютъ мнѣ о томъ времени, когда она вышла въ свѣтъ. Книга не прошла безъ замѣчанія. Если, въ нѣкоторыхъ, она возбудила сочувствіе, и между ними я всегда съ признательностію вспоминаю о почтенномъ и просвѣщенномъ Н. С. Мордвиновѣ, бывшемъ Предсѣ-

*) См. Примѣчаніе IIе стр. 234.

дателѣ Экономическаго департамента Государственнаго Совѣта, въ которомъ я исправлялъ должность Статсъ-Секретаря, и объ одномъ изъ членовъ департамента — то, съ другой стороны, книга моя разгнѣвала многихъ, между коими главный, Гр. Аракчеевъ, имѣвшій конечно умъ и много хитрости, но весьма мало грамоты, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ негодованія сѣтовалъ и изумлялся, что такія книги могутъ быть печатаемы въ Россіи! Но такъ какъ никакой громовой молніи не вылетѣло изъ Зимняго Дворца для пораженія дерзкаго писателя, то ропотъ злобы и невѣжества потерялся въ воздухѣ. За незапрещеніе моей книги я также обязанъ Императору Алехсандру I^му.

„По чему вы при всякомъ случаѣ, съ такою настойчивостію, превозносите Императора Александра I^го? спросилъ меня одинъ почтенный и уважаемый мною человѣкъ.

Встрѣчая такъ часто чтимое мною имя Александра I^го въ моихъ различныхъ сочиненіяхъ, любой читатель можетъ сдѣлать тотъ же вопросъ. Вотъ мой отвѣтъ.

Я любилъ его и почитаю память его за то, что Императоръ Александръ I[й] всегда желалъ освобожденія крестьянъ.

И подлинно. Лично я могъ быть признателенъ Императору за различные лестные отзывы обо мнѣ и за одну награду, за пенсію, которую онъ мнѣ даровалъ безъ моего вѣдома и, какъ тогда полагали, въ видѣ замѣны за ту денежную награду, отъ которой я отказался за годъ предъ тѣмъ, пенсію, которою я не долго пользовался и которая, при возвращеніи чиновъ и орденовъ, мнѣ не была возвращена: по тому ли, что деньги не имѣютъ никакого значенія въ сравненіи съ чинами, или потому что деньги гораздо важнѣе чиновъ? — Не знаю. Я обязанъ Императору также и за то, что онъ не вѣрилъ разнымъ клеветамъ и доносамъ, какіе ему были представляемы на мой счетъ. Но такъ какъ все это ограничивается только моею личностію, то, безъ сомнѣнія, не могло подать повода къ неоднократному изъявленію, съ моей стороны, послѣ смерти Императора, того горячаго чувства любви и преданности, которое я питалъ къ нему. Нѣтъ. Повторяю, я любилъ его, я былъ ему преданъ

за его любовь къ простому русскому человѣку; за его искреннее желаніе освободить русскаго мужика отъ рабства, въ чемъ я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться.*) Что я здѣсь разсказываю, весьма просто и естественно. Тогда, какъ и во всю жизнь мою, я жилъ одною мыслію: мыслію освобожденія крестьянъ. Встрѣчая со всѣхъ сторонъ сопротивленіе сей мысли, навлекая на себя глупую злобу однихъ и столь же глупыя насмѣшки другихъ, я видѣлъ живое сочувствіе къ той же мысли во всемогущемъ Императорѣ. Могъ ли я не предать себя ему всею душею, не возложить на него всѣхъ моихъ надеждъ и упованій? Заботою моею было только умѣрять изъявленіе этихъ чувствъ, дабы не показать и вида какаго нибудь камергерскаго усердія къ Самодержцу. Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что Александръ не гнѣвался когда ему говорили, что

---

*) Между прочимъ, по прочтеніи моей записки о крѣпостномъ правѣ, Императоръ сказалъ Графу Милорадовичу, что воспользуется этой запискою и другими по тому же предмету, которыя онъ имѣетъ, и непремѣнно что нибудь сдѣлаетъ. Впрочемъ, кромѣ личныхъ убѣжденій Императора Александра Iго, многія мѣры законодательныя свидѣтельствуютъ достаточно о его стремленіи къ освобожденію крестьянъ.

если Самодержавіе для чего либо особенно полезно, то это для освобожденія крестьянъ — и не только не гнѣвался, но благодарилъ того кто это сказалъ.

Если царствованіе Александра Iго представляетъ дѣянія, заслуживающія порицанія, даже проклятія, а именно учрежденіе военныхъ поселеній; то я увѣренъ и имѣю причины вѣрить, что всѣ ужасы, всѣ злодѣйства, запятнавшіе славное царствованіе въ семъ случаѣ, падаютъ на отвѣтственность учредителей и исполнителей.*)

Если, скажемъ мы далѣе, если я былъ такъ преданъ Александру Iму за одно его желаніе освободить

---

*) Князь Ал. Ѳ. Орловъ разсказывалъ мнѣ, что по словамъ самого Аракчеева, первая мысль о военныхъ поселеніяхъ пришла въ голову Императора послѣ великолѣпнаго смотра русской арміи во Франціи при Вертю. „Участь этихъ славныхъ и добрыхъ солдатъ ничѣмъ не обезпечена, говорилъ, съ грустію, Императорь Аракчееву. Надобно объ этомъ подумать; надобно сдѣлать такъ, чтобы солдатъ, оставивъ службу, имѣлъ пріютъ и обезпеченіе въ жизни на старости лѣтъ“ и т. д.: вмѣстѣ съ симъ Императоръ возложилъ на Аракчеева заботу заняться этимъ дѣломъ. Результатъ Аракчеевскихъ заботъ извѣстенъ. Такъ изкажаются, въ исполненіи, лучшія намѣренія лучшихъ государей, когда исполненіе происходитъ въ тихомолку, безъ всякой гласности.

крестьянъ; то каковы должны быть мои чувства къ Тому, кто совершилъ это освобожденіе и совершилъ такимъ мудрымъ образомъ? Ни одинъ изъ освобожденныхъ не питаетъ въ душѣ болѣе любви и преданности къ освободителю, нежели сколько я питаю, видя наконецъ низвергнутымъ то зло, которое мучило меня въ продолженіе всей моей жизни.

Между тѣмъ, слѣдуя неукротимымъ внушеніямъ совѣсти и долга, я осмѣливаюсь и нынѣ возставать противъ нѣкоторыхъ мѣръ и дѣйствій правительства, разумѣя, подъ симъ словомъ, конечно, не Государя, а господъ N. N. и X. X., такъ какъ я всегда отдѣлялъ имя Александра I^го^ отъ имени его недостойнаго временщика. Даже и эти, для меня безименные господа, въ глазахъ моихъ, не существуютъ. Я смотрю на дѣйствія, на предпринимаемыя мѣры, на мѣры исполняемыя, на стремленія характеризирующія смыслъ и духъ всего совершающагося, и сужу только о самомъ дѣлѣ, не касаясь и не зная никакой личности.

Не знаю, достигнетъ ли мой голосъ до Россіи. У насъ безусловно запрещенъ ввозъ всѣхъ книгъ русскихъ, печатаемыхъ за границею; запрещенъ даже ввозъ путешествующими книгъ вообще и всего печатнаго. На вопросъ: „что запрещено?“ отвѣчаютъ на таможнѣ: „Книги и оружіе“ и отбираютъ отъ васъ старые листы англійскихъ журналовъ, листы „Le Nord“ и „Дня“, служащіе для обертки дорожныхъ вещей, и даже программы желѣзныхъ дорогъ, содержащія однѣ только цифры и названія станцій; берутъ съ васъ рубля два за пересылку въ С. Петербургъ и объявляютъ, что вы получите все это обратно въ Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Дѣйствительно, все это возвращается вамъ въ Петербургѣ.

Не забудемъ, что у насъ заботятся о разпространеніи грамотности, заводятъ новыя школы, открываютъ новые университеты .... Какъ же согласить это стремленіе къ просвѣщенію съ этою лихорадочною ненавистію къ книгамъ? „Книги и револьверы“, равно запрещены!

Какъ-бы то ни было, рѣшаясь говорить о дѣлахъ и судьбахъ Россіи, совѣсть моя совершенно спокойна.

Любя Россію такъ какъ я ее люблю, вѣруя въ добрыя, благодушныя качества русскаго народа такъ какъ я вѣрую, мнѣ кажется, что изъ пера моего, такъ какъ изъ моего сердца, не можетъ вытти ничего вреднаго ни для государства, ни для народа; и еслибы, по моему характеру; я не былъ человѣкомъ весьма умѣреннымъ*), то самая моя любовь и преданность русскому народу заставила бы меня быть умѣреннымъ.

Мы не разъ могли видѣть, какъ писатели съ истиннымъ талантомъ и съ чистыми намѣреніями, неумѣренностію, вредили тому дѣлу, за которое они ополчались; вредили уже, потому что теряли вліяніе, которое они имѣли, оставаясь въ предѣлахъ умѣренности.

Тотъ кто беретъ на себя трудную, неблагодарную роль поборника добра и правды, роль защитника слабыхъ и бѣдствующихъ, тотъ долженъ, при всякомъ невольномъ взрывѣ негодованія, вспоминать, что онъ пишетъ не для себя, даже не для своихъ читателей, но для людей, которые, можетъ быть, и

---

*) См. Примѣчаніе IIIе стр. 267.

читать его не могутъ или не будутъ. Ихъ польза, ихъ благо должно быть изключительною цѣлію такаго писателя: всякое личное самодовольствіе должно покориться этой цѣли.

Но, въ сужденіяхъ нашихъ о дѣлахъ правительства, ограничиваемся ли мы одною критикою, однимъ порицаніемъ?

Нѣтъ, мы съ радостію, съ восхищеніемъ привѣтствуемъ все что̀ встрѣчаемъ истинно добраго, честнаго, полезнаго, и иной, тяжелый на одобреніе читатель, найдетъ, можетъ быть, что мы идемъ далѣе въ похвалахъ, нежели въ порицаніяхъ.

Въ заключеніе этаго длиннаго предисловія скажемъ, что если мы рѣшились говорить о „Земскомъ Соборѣ“, то это было какъ-бы невольно, въ отсутствіи всякаго преднамѣренія. Въ прошедшее время всѣ наши мысли сосредоточивались на крѣпостномъ состояніи крестьянъ; тогда мы мало помышляли о Земскихъ Соборахъ. Послѣ освобожденія вниманіе наше разпространилось гораздо далѣе прежняго, на

всѣ жизненные для Россіи вопросы. Размышляя то объ одномъ, то о другомъ изъ тѣхъ предметовъ, о коихъ мы упоминаемъ въ предлежащей книжкѣ, мы каждый разъ, относительно каждаго предмета, невольно приходили къ убѣжденію, что одинъ только совокупленый разумъ всего народа, народа равноправнаго, одна только сосредоточенная его нравственная сила, словомъ, одинъ только „Земскій Соборъ“ можетъ помочь народолюбивому правительству разрѣшить всѣ многотрудные вопросы, окончательно устроить государство и упрочить благоденствіе его.

Проникнувшись симъ убѣжденіемъ, мы однакоже не охотно приступили къ изложенію нашего образа мыслей на бумагѣ и въ печати. Это понятно: въ послѣднее время не было недостатка въ риторахъ и въ говорунахъ, въ писателяхъ и въ писачкахъ, проповѣдующихъ о конституціяхъ, о представительствѣ, о „Земскомъ Соборѣ.“ Въ Этой толпѣ, посреди людей достойныхъ, честныхъ, талантливыхъ, проявились и такіе публицисты, которые, поссорившись съ юстиціей, и поставленные чрезъ то въ непріятныя отношенія къ обществу, искали, неумолкаемымъ кри-

комъ и тупымъ перомъ, въ грязную желчь обмокнутымъ, обратить вниманіе общества то на тотъ то на другой предметъ, на то или другое лице, на все что̀ угодно, лишь-бы только отвлечь это вниманіе отъ самихъ себя, т. е. отъ того, конечно, незавиднаго положенія, въ которое они были поставлены собственными своими проказами. Всякой согласится, что пѣть какъ бы на одномъ крылосѣ, хотя и по другимъ нотамъ, съ такими пѣвунами, не очень утѣшительно.

Еще повторю, что не охотно приступаю къ обнародованію теперешнихъ моихъ мыслей и убѣжденій. Скажу при томъ, и скажу откровенно, просто, что я не приписываю никакой существенной важности словамъ моимъ. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего новаго; они останутся безъ всякаго дѣйствія: не убѣдятъ тѣхъ, кои, говоря вообще, имѣютъ мнѣнія противныя моимъ; не утѣшатъ тѣхъ, кои раздѣляютъ сіи послѣднія; знаю, напротивъ, что люди, мнѣніемъ коихъ я наиболѣе дорожу, не одобрятъ моего поступка и почтутъ его несвоевременнымъ. Но я повинуюсь какому-то непреодолимому чувству, которое заставляетъ меня сказать моей родной землѣ

— или просто поднять „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“ о моей землѣ — сказать мои предсмертныя желанія ко благу ея, поклониться ей этимъ посильнымъ трудомъ моимъ.

Это непреодолимое чувство какъ бы подкрѣпляется воспоминаніемъ, что давно, очень давно я поднималъ голосъ и объ освобожденіи крестьянъ, и о телесныхъ наказаніяхъ, и о судѣ присяжныхъ, и о гласности судопроизводства, и о преобразованіи уголовнаго слѣдствія, и т. п. Дорого поплатился я за эти преждевременные порывы моего горячаго усердія ко благу людей вообще и ко благу моихъ братій, русскихъ мужиковъ, въ особенности. Но между тѣмъ благое Провидѣніе допустило меня дожить до счастливаго исполненія надеждъ моихъ, и если мнѣ не было суждено участвовать въ приведеніи благотворныхъ преобразованій въ исполненіе, то это не уменьшило моей душевной радости, не помѣшало мнѣ благословлять тѣхъ, кои были счастливѣе меня и приложили свой трудъ на истинную пользу Россіи. И тогда, въ это давнее время, я не говорилъ ничего новаго, ничего оригинальнаго. Между тѣмъ, не смотря ни на какія

напасти, я не только не сожалѣю, но радуюсь, что говорилъ то, что̀ я говорилъ.

Настали другія времена. Любовь къ родной землѣ можетъ теперь изъясняться проще и свободнѣе. Слово этой любви, это послѣднее слово, я произношу не безъ надежды, что, какъ по искренности, такъ и по умѣренности своей, оно не встрѣтитъ негодованія со стороны людей справедливыхъ и разсудительныхъ, изъ коихъ впрочемъ многіе — я въ этомъ не могу сомнѣваться — имѣютъ мнѣнія похожія на мои, но только ихъ не высказываютъ.

Зеленая роща. 10/22 Октября 1864 года.

I.

Чего желать родной землѣ?

Всего добраго, всего честнаго, нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, счастливаго развитія тѣхъ качествъ и способностей, коими природа одарила народъ русскій, исправленія тѣхъ недостатковъ и пороковъ, кои затмѣваютъ его добрыя наклонности. Однимъ словомъ, мы желаемъ Россіи всѣхъ возможныхъ благъ.

Но того-же мы желаемъ — хотя, можетъ быть, не съ тою-же горячностію, не съ тою неограниченною любовію — и всѣмъ государствамъ и народамъ, всѣмъ людямъ вообще.

Всѣмъ народамъ желаемъ мы наибольшаго развитія здравыхъ постановленій, на свободѣ человѣческой основанныхъ, и въ особенности сокращенія тѣхъ громадныхъ расходовъ государственныхъ, кои болѣе или менѣе вездѣ кладутъ такія препоны раз-

витію благосостоянія людей и богатства народнаго: уменьшенія этихъ армій, кои въ Европѣ простираясь далеко за три милліона вооруженныхъ людей, безпроизводительно пожираютъ значительную часть плодовъ труда человѣческаго.

И такъ, дабы отвѣчать на данный вопросъ, мы должны опредѣлительнѣе означить въ чемъ Россія наиболѣе нуждается въ настоящее время, въ настоящій моментъ, что́ для нея наиболѣе полезно, необходимо въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она теперь находится.

Вообще потребности государственныя, народныя зависятъ отъ положенія, въ которомъ государство или народъ находятся.

Для однаго народа, достигшаго весьма высокой степени величія, богатства, пользующагося самыми благотворными установленіями государственными, какія только доселѣ бывали удѣломъ человѣческихъ обществъ и вмѣстѣ съ симъ терпящаго много бѣдъ отъ искуственныхъ потребностей, которыя кажутся какъ бы неизбѣжными при высокомъ развитіи гражданственности — для такаго народа болѣе и прежде всего необходимо облегченіе средствъ матеріальнаго существованія, дабы люди, имѣющіе законное право на законную полную свободу въ гражданскомъ быту своемъ, могли ею вполнѣ пользоваться для своего нравственнаго преуспѣянія. Дабы выразить однимъ

словомъ главную, роковую потребность такаго народа, мы скажемъ, что ему нужно болѣе досуга. Когда люди, живущіе трудомъ своимъ, должны, для сего, работать въ продолженіе 14ти часовъ въ сутки, то имъ мало остается времени для занятій умственныхъ, для умственнаго и слѣдственно нравственнаго развитія: имъ недосугъ! Бережливость и сокращеніе государственныхъ расходовъ, уменьшеніе налоговъ — составляютъ первую потребность для такаго народа. Дайте ему это облегченіе и оно поможетъ ему лучше пользоваться тѣми политическими правами, которыя онъ уже имѣетъ и скорѣе пріобрѣстй тѣ, кои ему обѣщаютъ.

Было время, когда посреди этаго народа возникло какое то лихорадочное опасеніе на счетъ избытка народонаселенія. Общею задачею, общею заботою были размышленія и изслѣдованія, какими способами умѣрить приращеніе народонаселенія, какимъ образомъ предупредить чрезмѣрное размноженіе людей, съ которымъ не можетъ рядомъ итти увеличеніе средствъ пропитанія. Но дѣло, какъ говорится, обошлось само собою: избытокъ народонаселенія нашелъ себѣ мѣсто въ обширныхъ колоніяхъ, которыя, подъ сѣнію тѣхъ же благотворныхъ гражданскихъ и политическихъ установленій, кои создали могущество и богатство митрополіи, удивляютъ нынѣ свѣтъ своимъ неимовѣрнымъ развитіемъ и преуспѣяніемъ.

Для другаго народа, судя по произшествіямъ, совершившимся на глазахъ нашихъ, кажется, что всего нужнѣе внутреннее умиротвореніе, но умиротвореніе не насильственное, а раціональное, разумное, которое ни начемъ иномъ, какъ на свободѣ гражданской и политической, можетъ быть основано.

Для третьяго народа нужно болѣе связи, болѣе единства между различными частями — не скажемъ даже племенами — его составляющими. Достигнувъ высокой степени въ области мысли и науки, этотъ народъ терпитъ отъ самыхъ, по видимому, грубыхъ несовершенствъ своего внутренняго состава; будучи, по крайней мѣрѣ, равносиленъ сильнѣйшимъ народамъ въ Европѣ, онъ остается безъ довлѣющаго ему вліянія на судьбы европейской политики.

Но если не мудрено, въ нѣсколькихъ словахъ, указать на главнѣйшія потребности такихъ государствъ и народовъ; то мудрено, мудрено до невозможности, указать на средства, могущія удовлетворить такимъ потребностямъ.

Встрѣчаемъ ли мы тѣ же затрудненія, ту же невозможность, обращаясь къ потребностямъ Россіи, къ потребностямъ русскаго народа?

Мы убѣждены въ противномъ.

То, что всего болѣе нужно для Россіи, современныя ея потребности могутъ получить удовлетвореніе: одной силы доброй воли было-бы для сего достаточно.

Бросимъ взглядъ на теперешнее положеніе Россіи.

Дабы указать на самую сущность общаго положенія Россіи, мы почитаемъ излишнимъ говорить о временахъ болѣе или менѣе отъ насъ отдаленныхъ. Ограничимся настоящимъ столѣтіемъ. Царствованіе Александра Iго было славнѣйшимъ изъ всѣхъ царствованій во всемъ что̀ касается до отношеній Россіи къ Европѣ. Оно было особенно славно и благодѣтельно умиротвореніемъ Европы. Нельзя также не признать, что во внутреннемъ управленіи начали, въ это царствованіе, проявляться истинно человѣческія начала, кои дотолѣ были, говоря вообще, чужды Россіи. Но каково было, также говоря вообще, дѣйствительное положеніе Россіи въ это время? Не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія и разсужденія, мы укажемъ только на картину тогдашней Россіи, начертанную человѣкомъ, котораго уважаетъ и всегда будетъ уважать вся Россія, который былъ ревностнымъ поборникомъ самодержавія, былъ всею душею преданъ Государю, человѣкомъ, наконецъ, съ честнымъ, возвышеннымъ характеромъ и съ необыкновеннымъ талантомъ. Пусть вспомнятъ какъ въ запискѣ, составленной имъ въ 1810 году, Карамзинъ описалъ тогдашнюю неурядицу въ Россіи. Съ своей стороны мы спросимъ: каково было положеніе страны, въ которой, въ тихомолку, могло осуществиться такое неистовое, такое кровавое, такое безразсудное дѣло

какимъ являются военныя поселенія? Ужасъ, обнимающій насъ при одной мысли объ этомъ уродливомъ явленіи царствованія Александра Iго, не позволяетъ намъ ни на минуту думать, что этотъ мудрый, человѣколюбивый Императоръ могъ даже подозрѣвать, что̀ дикіе исполнители совершали во имя его.

Крымская война доказала, что неурядица не уменьшилась въ Россіи до послѣднихъ годовъ; напротивъ. . . . . .

Новый Александръ, положивъ конецъ войнѣ, начатой не имъ, приступилъ къ различнымъ преобразованіямъ въ Россіи.

Вообще полагаютъ, что бѣдствія послѣдней войны, обнаруживъ недостатки и несовершенства внутренняго устройства Имперіи, въ сильной степени побудили къ преобразованіямъ. Многіе почти благословляютъ сіи бѣдствія, такъ какъ они были причиною и поводомъ къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Что касается до насъ, мы не можемъ хвалиться тѣми чувствами и мнѣніями, которыхъ мы не имѣемъ и признаемся, что предпочли бы еще на нѣсколько лѣтъ старую неурядицу тѣмъ послѣдствіямъ, которыя имѣло для Россіи, въ отношеніи къ другимъ государствамъ, заключеніе Парижскаго мира, не говоря уже о громадныхъ и разнородныхъ жертвахъ, принесенныхъ Россіею въ продолженіе самой войны. Мы не будемъ спорить о томъ, что такое мнѣніе или чувство съ

нашей стороны, едва ли можетъ быть оправдано предъ нравственнымъ закономъ. Но мы продолжаемъ грѣшить противъ сего закона, не имѣя силъ его выполнить.

Знаемъ, что неоднократно повторявшіяся событія, нѣкоторымъ образомъ, оправдываютъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что одни только бѣдствія общественныя, одно крайнее зло наставляетъ людей и приводитъ ихъ къ полезнымъ исправленіямъ въ устройствѣ гражданскомъ; знаемъ, что иные мыслители, весьма добросовѣстно, рѣшаются принять извѣстное правило: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, и въ слѣдствіе сего хладнокровно ожидаютъ того момента, когда новыя бѣдствія, новыя невзгоды общественныя заставятъ людей образумиться и приняться за дѣло исправленія, за дѣло коренныхъ преобразованій. Все это насъ не трогаетъ, а только ужасаетъ. Наши желанія, наши стремленія клонятся къ предупрежденію невзгодъ и бѣдствій; мы страшимся даже предвидѣть, предугадывать ихъ. Скажемъ наконецъ, что мы ни въ какомъ случаѣ не допускаемъ непогрѣшимости русской пословицы: „Пока громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится.“

Что касается особенно до вліянія Россіи на Европу, то мы никогда не гордились, не восхищались тѣмъ вліяніемъ, которое русское правительство имѣло на дѣла Европы въ 20^хъ^, 30^хъ^, 40^хъ^ годахъ. Мы,

напротивъ, грустно соболѣзновали видя сколь непріязненно это вліяніе иногда оказывалось въ отношеніи ко всему здравому, полезному, свободному. Даже въ царствованіе Александра Iго внѣшняя политика отзывалась Меттернихомъ, такъ какъ внутренняя Аракчеевымъ. Тѣмъ чувствительнѣе для насъ уменьшеніе русскаго вліянія въ Европѣ послѣ Крымской войны, столь необдуманно, столь непостижимо предпринятой и столь печально оконченной: не любя гнета Россіи на Европейскія дѣла ко вреду всеобщей образованности и свободы, мы тѣмъ болѣе скорбимъ, видя достодолжное, законное вліяніе ея на судьбы Европы ограниченнымъ, нынѣ, когда отъ теперешняго русскаго правительства можно было бы ожидать только пользы и добра для Европы и для человѣчества.

Какъ бы то ни было и каковы бы ни были побужденія и причины предпринятыхъ и отчасти совершенныхъ преобразованій, мы ограничимся самымъ дѣломъ, самыми преобразованіями, стараясь забыть какою цѣною они пріобрѣтены. Первымъ, важнѣйшимъ преобразованіемъ, съ которымъ никакое послѣдующее преобразованіе даже и сравнено быть не можетъ, является великое, святое дѣло освобожденія крестьянъ. Царь-освободитель, въ нашихъ глазахъ, поставилъ имя свое выше всѣхъ именъ человѣческихъ. Онъ освободилъ 23 милліона людей отъ крѣпостнаго

ига, онъ избавилъ сотни тысячь дворянъ отъ тяжкаго грѣха, и отъ стыда весь народъ русскій. Кто, въ исторіи, сдѣлалъ что нибудь подобное?

Крестьяне, просто, ожили.

Отъ помѣщиковъ, какъ отъ сословія, конечно нельзя было ожидать той же радости, тогоже восхищенія. Тѣмъ не менѣе, не говоря уже, что большое число дворянъ сочувствовало освобожденію и много въ немъ участвовало, масса дворянскаго сословія, въ самомъ началѣ, добровольно отказалась отъ правъ на личность крестьянина. Но что̀, по нашему мнѣнію, наиболѣе дѣлаетъ честь русскому дворянству и искупаетъ многое изъ прошедшаго, это есть то умиротвореніе, которое, очевидно, возпослѣдовало между двумя сословіями, не смотря на многія чувствительныя потери и лишенія для высшаго класса.

Мы не можемъ здѣсь не сказать нѣсколько словъ о самомъ методѣ освобожденія.

Освобожденіе осчастливило крестьянъ. Но должно сознаться, что оно обходится имъ очень дорого.

Правда, крестьяне получили въ собственность землю, болѣе или менѣе, почти туже самую землю, которою они пользовались прежде. Но за эту землю они должны платить высокій выкупъ и платить въ продолженіе пол-вѣка.

Положеніе русскаго освобожденнаго крестьянина трудно. Бремя, лежащее на немъ, тяжело.

Иногда сравненіе одного съ другимъ можетъ пояснить дѣло лучше, нежели отдѣльныя изысканія и соображенія. Взглянемъ на положеніе крестьянъ въ другихъ земляхъ.

Посмотримъ, вопервыхъ, въ какомъ положеніи нашли себя крестьяне въ тѣхъ странахъ, въ коихъ, подобно Россіи, они были надѣлены землею.

Въ Пруссіи мѣры принятыя относительно надѣленія крестьянъ землею, состояли вообще въ томъ, что крестьяне получили, безвозмездно, въ полную собственность половину обработываемой ими земли, вмѣстѣ съ усадьбами и съ правомъ выкупа второй половины. Крестьяне же наслѣдственные, т. е. тѣ, которыхъ помѣщикъ не могъ удалить съ земли, вмѣсто половины, получили двѣ трети.

Въ Австріи крестьяне получили въ полную собственность все количество занимаемой ими земли, и должны были заплатить за это; но заплатить весьма немного. Повинности крестьянъ за пользованіе землею были подвергнуты оцѣнкѣ. Эта оцѣнка была весьма умѣренная: работа однаго человѣка въ день была оцѣнена въ 3 крейцера, т. е. три копѣйки серебромъ. День работы съ двумя волами или двумя лошадьми былъ изчисленъ въ 15 крейцеровъ или 15 коп. сер.; сумма, представлявшая такимъ образомъ работу крестьянина, дѣлилась на три части, изъ коихъ одна падала на крестьянина въ пользу помѣ-

щика, вторая была уплачиваема помѣщику земствомъ, въ видѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, третья падала на самого помѣщика, который, по этому, лишался сей трети. Одно крестьянское имѣніе, составляющее 72 іоха (отъ 25 до 30 дес.) было такимъ способомъ выкуплено крестьяниномъ вполнѣ за 300 гульденовъ, около 200 руб. серебромъ.

Въ Россіи крестьянинъ, получившій землю, платитъ за полный душевый надѣлъ, вообще 9 руб. сер. Полагая въ семьѣ три души, изъ коихъ, можетъ быть, не всѣ могутъ работать, семейство платитъ 27 рублей оброка; за четыре душевыхъ надѣла 36 рублей въ годъ. Прибавьте къ этому подушный окладъ и различные другіе сборы, составляющіе вмѣстѣ рублей пять съ души и сверхъ сего подводы, исправленіе дорогъ и пр. и пр., и вы убѣдитесь, что разница между положеніемъ крестьянъ въ Германіи и въ Россіи огромная, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ государствахъ и именно въ Австріи, государственные налоги нынѣ весьма обременительны.

Если, во вторыхъ, независимо отъ обстоятельствъ и отъ средствъ, коими крестьяне во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ они владѣютъ землею, пріобрѣли сію послѣднюю, если мы сравнимъ настоящее положеніе этихъ крестьянъ съ положеніемъ крестьянъ въ Россіи, то увидимъ, что вездѣ, въ Европѣ, крестьяне платятъ поземельнымъ налогомъ

и личными податями едва ли $^1/_4$ часть того что́ платитъ русскій крестьянинъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что самый климатъ ставитъ русскаго крестьянина въ положеніе невыгодное, въ сравненіи съ крестьянами другихъ земель: значительная часть его труда издерживается на удовлетвореніе такихъ потребностей, кои, въ другихъ странахъ, удовлетворяются безъ труда человѣческаго, самою природою. Одинъ уже зимній холодъ, прерывая всякую полевую работу, имѣетъ невыгодное дѣйствіе на благосостояніе русскаго крестьянина.

Мы находимъ печальное оправданіе нашего воззрѣнія на этотъ предметъ въ безпрестанныхъ, вездѣ являющихся продажахъ съ молотка имущества крестьянъ, ихъ скота, для уплаты недоимокъ. Вездѣ есть налоги, вездѣ есть недоимки; но нигдѣ, для взысканія сихъ послѣднихъ, не гоняютъ какъ у насъ, почти цѣлыми уѣздами, скотину въ городъ для продажи и выручки недоимокъ. Если между крестьянами встрѣчаются такіе, кои не платятъ не потому что не могутъ, но потому что не хотятъ платить, то это только есть весьма малочисленное меньшинство. Не можетъ быть никакаго сомнѣнія, что большинство не платитъ, потому что платить не въ силахъ. Между тѣмъ къ чему ведетъ такое взыскиваніе недоимокъ? Къ конечному обѣдненію, разоренію крестьянъ, и, въ слѣдствіе круговой поруки, къ обѣдненію и разо-

ренію сельскихъ обществъ. Земледѣліе есть главный источникъ богатства народнаго въ Россіи. Крестьяне суть главныя орудія, главные дѣятели, производители сего богатства. Разорять крестьянъ, значитъ разорять Россію. Нельзя ли даже опасаться, что крестьяне, изнемогая подъ тягостію, сопряженною для нихъ съ владѣніемъ землею, потеряютъ наконецъ ту привязанность къ землѣ, ту любовь къ ней, въ которой кроется залогъ будущаго благоденствія страны?

„Но платя большой оброкъ, крестьянинъ имѣетъ значительное количество земли.“ Такъ, конечно. Но эту землю или двѣ трети оной, такъ какъ одна треть не приноситъ крестьянину никакаго дохода, эту землю надобно обработывать. Для этого нуженъ скотъ, орудія, нужно также постоянное здоровье работника. Если у крестьянина пала лошадь — скотскіе падежи въ Россіи не рѣдкость — и у него нѣтъ денегъ чтобъ купить другую; если онъ занеможетъ — медицинскія пособія у насъ, для мужика, равняются нулю; — если его изба сгорѣла, если его хлѣбъ не уродился, если былъ выбитъ градомъ, что̀ онъ будетъ въ возможности извлечь изъ своей земли? Очевидно — и сами крестьяне это понимаютъ — очевидно, что освобожденіе съ достаточною землею, окажется вполнѣ благодѣтельнымъ только ихъ дѣтямъ и внукамъ, т. е. чрезъ полвѣка.

Такъ какъ въ самомъ началѣ постановленія во-

проса освобожденія крестьянъ, было, со всѣхъ сторонъ, требуемо, чтобы за землю помѣщики получили полное вознагражденіе, то предстояло для выбора два метода освобожденія.

Отличительныя черты каждаго изъ сихъ методовъ состояли въ томъ, что одинъ имѣлъ преимущественно въ виду свободу крестьянина, свободу его труда. Другой — надѣленіе крестьянина достаточнымъ количествомъ земли для его прокормленія и для платежа податей и налоговъ.

Необходимыми условіями перваго метода были: немедленное превращеніе подушнаго оклада въ налогъ поземельный, замѣнъ рекрутскихъ наборовъ общею конскрипціею, уничтоженіе паспортовъ и видовъ, коими такъ сильно обременяется трудъ крестьянскій.

Необходимыми условіями втораго метода былъ: тяжелый для крестьянъ выкупъ ихъ земли, обязанность крестьянъ оставаться на своей землѣ, принимать ее, платить за нее выкупъ, хотя бы они и желали вовсе отъ нея отказаться.

Желая, всего болѣе, свободы крестьянина, свободы его труда, отвергая всякій выкупъ земли самыми крестьянами, мы были поборниками перваго метода.

Теперь, видя дѣло совершеннымъ сообразно второму методу; принимая во вниманіе, что если бы былъ избранъ первый методъ, то дѣло могло бы ограни-

читься только малыми поземельными надѣлами; что подушный окладъ, рекрутская повинность, пасторты и проч. могли бы остаться по прежнему; находя, что достаточное количество земли не только обезпечиваетъ крестьянина въ его быту, но даетъ ему какое то чувство — можетъ быть только призракъ — самостоятельности, близкой къ независимости; мы убѣждаемся, что этотъ второй методъ освобожденія, т. е. съ большими надѣлами землею, былъ лучшимъ изъ двухъ и для крестьянъ и для государства, не смотря на тяжести, кои онъ возложилъ на столь важный для богатства народнаго классъ земледѣльческій, не смотря на продолжительность времени, въ которое крестьяне будутъ нести тяжкое бремя. Прибавимъ только изъявленіе надежды, что правительство займется изысканіемъ средствъ облегчить бремя и сократить срокъ.

Впрочемъ, по всему что̀ мы видимъ, можно заключить, что крестьяне, прежде и болѣе всего, желали и желаютъ имѣть землю, сохранить за собою вообще тѣ надѣлы, коими они пользовались; очевидно также, что для сего они готовы платить выкупный оброкъ, хотя бы этотъ оброкъ былъ тяжелъ для нихъ. Этого для насъ достаточно, чтобы предпочесть методъ освобожденія съ землею, принятый „положеніемъ 19го Февраля“, тому, который мы предлагали. Въ такихъ случаяхъ люди добросовѣстные должны подчинять свои

собственныя мнѣнія, мнѣнію тѣхъ, кои наиболѣе заинтересованы въ дѣлѣ.

Хотя и съ большимъ соболѣзнованіемъ, мы должны, однако же, сказать, что совершеніе святаго дѣла освобожденія не обошлось безъ крови, безъ жертвъ. Для водворенія свободы прибѣгали иногда къ тѣмъ же средствамъ, какія употреблялись для введенія военныхъ поселеній; противъ недоумѣвающихъ, шумящихъ мужиковъ, были иногда принимаемы такія мѣры, кои могутъ быть только извинительны противъ заявленныхъ враговъ и мятежниковъ. И въ семъ случаѣ проявились въ Россіи послѣдствія тѣхъ бѣдовыхъ привычекъ, которыя орудія власти пріобрѣли въ Польшѣ, во время борьбы съ возстаніями и всяческими мятежами. Россія поняла истинный смыслъ словъ: „энергическій человѣкъ“, „энергическое дѣйствіе“, „энергическое исполненіе!“ Поняла — и прокляла такую энергію!

Великій Боже! Когда у насъ поймутъ, что изъ всѣхъ народовъ русскій народъ есть самый кроткій, самый благодушный, самый покорный, благонравный, и что не буйство, не кичливость, не жестокость, а какая то апатія, лѣнь славянская, отличающая русскаго человѣка болѣе нежели какое либо другое славянское племя, суть самыя ясныя черты его народнаго характера. Многое, если не все, въ судь-

бахъ Россіи, зависитъ отъ такаго здраваго пониманія со стороны „властей предержащихъ.“

Вторая французская республика — и да будетъ она благословенна за доброе дѣло, искупающее много ошибокъ и заблужденій (не преступленій, которыхъ не было) — вторая французская республика освободила двѣ или три сотни тысячь негровъ въ колоніяхъ. Не менѣе того слѣдуетъ замѣтить, что едва ли какое нибудь насиліе было употреблено со стороны власти при исполненіи.

Имѣя въ виду означить, объяснить, сколь возможно, настоящее положеніе Россіи, мы сказали нѣсколько словъ о самомъ крупномъ, самомъ важномъ предметѣ, который бросается въ глаза при взглядѣ на Россію. Мы видимъ, что главное, существенное въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ совершено: крестьяне, по возможности, свободны и пользуются, если еще не владѣютъ, своею землею. Но много, весьма много остается еще сдѣлать для необходимаго устройства дѣла, даже для дальнѣйшаго хода онаго. Здѣсь самъ собою представляется вопросъ: въ какомъ направленіи идетъ или ведется это дѣло?

Недостатокъ подробныхъ и всестороннихъ свѣденій, недостатокъ гласности, не позволяетъ никому въ Россіи дать на этотъ вопросъ полный удовлетворительный отвѣтъ. Но есть несомнѣнные признаки, указывающіе, что это направленіе неудачно и не

соотвѣтствуетъ тѣмъ ожиданіямъ, кои основывались на важности, на пользѣ, на благотворности великаго дѣла освобожденія. Правда, добро, свобода, великолѣпною струею потекли на Россію и пигмеи, своими нечистыми рученками, не направятъ этой благотворной струи въ какое-то безвыходное болото. Но они заразятъ чистую струю, смѣшаютъ её съ кровью и замедлятъ ея теченіе. Появились какіе-то представители такъ называемыхъ помѣщичьихъ интересовъ, съ своими бреднями о муниципальномъ устройствѣ, вполнѣ отвѣчающемъ средневѣковой Патримоніальной Юрисдикціи (Patrimonial-Gerichtsbarkeit), которая, особенно въ Россіи, окончательнымъ результатомъ имѣла бы только плети и розги и задушила бы самую жизнь народа, которая наиначе выражается въ мірскомъ самоуправленіи, — между тѣмъ какъ, если что либо ясно, неоспоримо, не подлежитъ сомнѣнію, то это спокойное, добродушное примиреніе дворянскаго сословія, какъ сословія, съ новымъ порядкомъ вещей. Есть, конечно, и недовольные новыми порядками; они изъявляютъ свои мнѣнія и словесно и въ печати — и пусть пользуются они въ семъ отношеніи полною свободою; но въ сравненіи съ массою сословія, они составляютъ незначительное меньшинство.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ не думать, что высшія, предержащія власти не только не противятся такимъ стремленіямъ, но какъ будто одобряютъ ихъ,

покровительствуютъ имъ и опять во имя дворянскихъ интересовъ. Это покровительство обнаружилось въ предпринятомъ недавно сокращеніи числа мировыхъ участковъ. Мы конечно не можемъ судить о подробностяхъ этого дѣла. Но общее мнѣніе провозглашаетъ, что участки, подвергнувшіеся упраздненію, были повсемѣстно тѣ, въ которыхъ посредники отличались усердіемъ въ пользу крестьянскаго дѣла.

Разверстаніе угодій неизбѣжно представляетъ различные поводы къ спорамъ между помѣщиками и крестьянами, и если одна изъ сторонъ надѣется на особенное покровительство властей, то она, конечно, не преминетъ вчинать такіе споры и тяжбы, къ которымъ она не приступила бы, еслибъ не надѣялась на такое особенное покровительство. Что такое покровительство, или по крайней мѣрѣ, доброхотство къ помѣщичьимъ интересамъ существуетъ, въ этомъ никто не сомнѣвается и сами покровители и доброхоты въ этомъ сознаются, этимъ, можно сказать, хвастаются. Между тѣмъ, что̀ бываетъ или можетъ быть окончательнымъ результатомъ такого недолжнаго, хотя, положимъ, добросовѣстнаго покровительства? Результаты выражаются тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ разверстаніе угодій приводило къ самому грубому нарушенію условныхъ грамотъ; хорошія земли были отнимаемы отъ крестьянъ и замѣняемы худыми. Мы были свидѣтелемъ разсказа однаго кресть-

янина своей бывшей помѣщицѣ. Онъ проѣзжалъ чрезъ одну деревню и видѣлъ большое безпокойство между крестьянами: помѣщикъ рѣшился ихъ переселить. Они не соглашались. Помѣщикъ потребовалъ военной команды. Разсказывавшій мужикъ проѣхалъ далѣе и не зналъ чѣмъ дѣло кончилось. Но изъ его разсказа были поразительны слова: „помѣщикъ съ корнемъ вырвалъ ихъ усадьбы.“ Не менѣе поразительны были слѣдующія слова разсказывавшаго: „Я видѣлъ на дорогѣ два воза розогъ, для усмиренія крестьянъ.“ Вотъ возможные, даже неизбѣжные результаты пристрастнаго усердія къ дворянскимъ интересамъ!

Скажутъ: все это слухи. Такъ. Мы не отвѣтимъ, что „слухомъ земля полнится“; но замѣтимъ, что еслибы существовала у насъ гласность, свобода печати, то такіе слухи, бывъ напечатаны, нашли бы или опроверженіе или подтвержденіе, то же въ печати. Въ первомъ случаѣ никакое подозрѣніе не могло бы пасть на высшее начальство въ покровительствѣ беззаконности. Въ послѣднемъ, гласность дала бы возможность начальству помочь дѣлу: нельзя же, послѣ всего, не предполагать ни малѣйшаго безпристрастія въ какомъ бы то ни было начальствѣ. Но въ гласности, въ свободѣ печати, у насъ великій недостатокъ. По крестьянскому дѣлу въ особенности это чувствительно, тѣмъ болѣе, что цензура подлежитъ

вѣденію тогоже министерства, которое завѣдываетъ крестьянскимъ дѣломъ.*)

---

*) Мы должны однако здѣсь замѣтить, что наша періодическая печать не остается совершенно безполезною. Честный и правдивый „День“ доводитъ иногда до всеобщаго свѣденія печальныя и весьма недобросовѣстныя притязанія нѣкоторыхъ помѣщиковъ на земли, пріобрѣтенныя крестьянами на собственныя ихъ деньги, притязанія, находящія весьма неуклюжую потачку со стороны высшихъ властей, вопреки постановленіямъ мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій. По разверстанію угодій нерѣдко встрѣчаются споры о переселеніи крестьянскихъ усадьбъ. Мы съ самаго начала полагали, что слѣдовало бы опредѣлить въ „Положеніи“, что перенесеніе усадьбъ допускается не иначе какъ по особому иску помѣщика и по рѣшенію или суда или мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій. Единственный предметъ, о коемъ я имѣлъ случай говорить съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій, покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, касался именно обязательнаго переселенія усадьбъ. Онъ изъяснялъ, что это переселеніе будетъ обусловливаться „въ Положеніи“ такими затруднительными для помѣщика обязанностями, что никто не приступитъ къ нимъ безъ крайней необходимости. Я настаивалъ на томъ, что эта необходимость можетъ и должна быть признана особымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ или суда или мировыхъ присутствій, но не иначе какъ по формальному иску со стороны помѣщика. Видя что́ дѣлается теперь въ семъ отношеніи, я бо́лѣе нежели когда либо убѣжденъ, что необходимость судебнаго приговора, не стѣсняя помѣщика, оградила бы крестьянъ болѣе нежели всѣ условія, въ „Положеніи“ содержащіяся.

Изъ сказаннаго нами видно, что мы почитаемъ ходъ крестьянскаго дѣла не вполнѣ удовлетворительнымъ. Мы полагаемъ — и едва кто либо не согласится съ нами — что по этому важному предмету остается сдѣлать многое. Много труда, много заботъ, много живой и вмѣстѣ просвѣщенной дѣятельности требуется отъ властей, завѣдывающихъ симъ дѣломъ.

Послѣ крестьянскаго дѣла, мы встрѣчаемъ другой крупный предметъ, который обращаетъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ обращать на себя вниманіе всей Россіи: Это законъ о земскихъ учрежденіяхъ. Мы не станемъ разбирать сихъ учрежденій, мы только укажемъ на ихъ важность. Если бы мы разбирали ихъ, то мы представили бы замѣчанія о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, мы не находимъ, чтобы число гласныхъ было разпредѣлено между сословіями вполнѣ справедливо; сроки для земскихъ собраній намъ кажутся слишкомъ короткими. Мы не видимъ также достаточныхъ причинъ для ограниченія участія духовенства въ дѣлахъ земства; мы желали бы, въ особенности, болѣе обширнаго объема для земства въ мѣстномъ самоуправленіи, болѣе, на примѣръ, возможности для земства учреждать школы, управлять ими, и т. п. Но съ другой стороны, мы видимъ, что эти учрежденія удовлетворяютъ самому важному, существенному требованію или условію вся-

каго здраваго муниципальнаго управленія; это условіе состоитъ въ постоянномъ, непрерывномъ дѣйствіи земства по дѣламъ мѣстнаго управленія, посредствомъ избранныхъ имъ управъ. Соблюденіемъ этаго условія, нашимъ земскимъ учрежденіямъ усвояется истинный, настоящій характеръ учрежденій сего рода.

Недоумѣвая и соболѣзнуя мы должны сказать, что — по крайней мѣрѣ какъ намъ кажется — что новыя земскія учрежденія не встрѣтили въ обществѣ того сочувствія, котораго слѣдовало ожидать; какое то равнодушіе — и здѣсь не та ли же славянская лѣнь и апатія — проявляется со всѣхъ сторонъ относительно этаго важнаго и благотворнаго преобразованія?

„Изъ этаго ничего не выйдетъ“, говорятъ нѣкоторые.

Такъ толковали многіе и тогда, когда проявился вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Невѣровавшіе обманулись.

„Не изъ чего хлопотать“, говорятъ другіе. „Весь объемъ вѣденія земства въ губерніи ограничится нѣсколькими тысячами рублей!“ И тутъ исчисляютъ, что суммы отъ земскихъ повинностей проистекающія и предоставляемыя въ вѣденіе управъ, не превышаютъ 70 или 80 тыс. р. по каждой губерніи, и что, притомъ, большая часть этой суммы упо-

требится на содержаніе самыхъ земскихъ учрежденій. Чѣмъ же ограничится разпорядительная власть земства? *)

Такія возраженія могутъ имѣть и, конечно, имѣютъ свое основаніе. Но вмѣстѣ съ симъ не должно забывать, что нѣкоторыя земскія повинности подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ, имѣютъ весьма различное значеніе въ различныхъ губерніяхъ. Такъ какъ такія повинности, по необходимости, должны быть уплачиваемы всею имперіею, а не отдѣльными губерніями и уѣздами, то онѣ не могутъ подлежать вѣденію земства въ каждой губерніи особенно.

Но положимъ, что объемъ вѣденія земскихъ управъ слишкомъ узокъ. Развѣ нельзя будетъ, въ послѣдствіи, по указаніямъ опыта, разширить его? Вводя это новое учрежденіе, было весьма трудно предопредѣлить и означить всѣ возможные предѣлы земской власти съ одной стороны и правительственнаго участія съ другой. Законодатель сдѣлалъ главное, существенное: онъ призналъ настоящія, справедливыя, животворныя начала земскаго самоуправленія, ввелъ ихъ въ новое учрежденіе. На этихъ началахъ можетъ съ пользою развиваться болѣе и болѣе

---

*) Сумма, которая можетъ поступить въ разпоряженіе земскихъ учрежденій по Тульской губерніи, какъ видно по газетамъ, ограничивается 30[ю] тысячами рублей.

дѣло самоуправленія земства. Законодатель, принявъ однажды сіи начала, тѣмъ самымъ призналъ необходимость и далъ возможность дальнѣйшаго развитія. Еслибъ онъ этого не хотѣлъ, то онъ могъ бы, по примѣру нѣкоторыхъ такъ называемыхъ конституціонныхъ странъ, ограничиться установленіемъ уѣздныхъ, губернскихъ совѣтовъ, засѣдающихъ нѣсколько дней въ году и, отправляясь во свояси, оставляющихъ попеченіе о дѣлахъ земства въ рукахъ властей правительственныхъ.

Такимъ образомъ „есть изъ чего хлопотать“ — была бы только охота, было бы только сочувствіе къ общему дѣлу.

Но привѣтствуя отъ всей души появленіе новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, мы и здѣсь не можемъ избавиться отъ какагото невольнаго сомнѣнія на счетъ правильности и усердія въ исполненіи. По положенію новыя учрежденія должны быть приведены въ исполненіе одновременно въ 33^хъ^ губерніяхъ. Вопреки сему министерство внутреннихъ дѣлъ начало только съ нѣкоторыхъ губерній, сперва съ двухъ, чрезъ двѣ недѣли еще съ двухъ, и т. д. Мы не споримъ, что такая постепенность облегчаетъ исполненіе. Но развѣ мудрено было это предвидѣть? Не ужели министерству не пришло на мысль, что начинать исполненіе закона нарушеніемъ его со стороны самого правительства издавшаго законъ, какъ-то неловко?

Обсуждая вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ, нельзя пройти въ молчаніи одинъ весьма важный вопросъ. Это вопросъ о денежномъ вознагражденіи избираемыхъ на общественную службу лицъ. По всему видно, что въ Россіи нельзя обойтись безъ сего вознагражденія. Мы не можемъ спорить объ этомъ; но вмѣстѣ съ симъ не можемъ не сожалѣть, что и общественная, земская служба требуетъ жалованья!

Третій предметъ великой важности, который представляется глазамъ нашимъ въ теперешнемъ положеніи Россіи, есть преобразованіе судовъ и судопроизводства. Въ семъ случаѣ общество не осталось равнодушнымъ: всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этой реформы; всѣ чувствуютъ крайнюю необходимость выти изъ того хаоса, въ которомъ утопаетъ русское правосудіе. Этотъ хаосъ теперешняго правосудія до того отжилъ свое время, общество до того какъ бы отрѣшилось отъ него, что проявленія, не согласныя ни съ началами права, ни съ существующими еще законами, проходятъ почти безъ вниманія; общество какъ будто разсуждаетъ такъ, что „скоро всему этому будетъ конецъ и новый порядокъ все исправитъ: желательно только, чтобы онъ наступилъ поскорѣе.“ Такимъ образомъ настоящее правосудіе находится въ какомъ-то временномъ, переходномъ положеніи, въ которомъ многое терпится, чего нельзя было бы терпѣть въ положеніи

нормальномъ. Симъ только можно изъяснить противорѣчіе, истекающее изъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній по судебнымъ приговорамъ: эта благодѣтельная реформа не разпространяется на наказанія тѣлесныя, употребляемыя полицейскою властію по ея усмотрѣнію и разпоряженію, такъ что виновный по суду въ самомъ тяжкомъ преступленіи отъ тѣлеснаго наказанія освобождается, а виновный по усмотрѣнію полицейской власти, оному подвергается. Въ этомъ же временномъ, переходномъ свойствѣ теперешнихъ суда и судопроизводства, должно искать изъясненія подсудности частныхъ лицъ, не въ осадномъ положеніи живущихъ, суду военному, осуждающему на разстрѣляніе.

Принятыя начала судебнаго преобразованія были обнародованы: говоря вообще — дѣло прекрасное, превосходное. Но многія изъ важнѣйшихъ подробностей требуютъ тщательнаго пересмотра. По нашему мнѣнію порядокъ суда присяжныхъ особенно требуетъ значительныхъ дополненій. Самые проэкты, по симъ началамъ составленные, разсматриваются Государственнымъ совѣтомъ, но остаются неизвѣстными для общества.

Вотъ три огромные предмета, которые лежатъ теперь на плечахъ русскаго правительства. Но бремя этимъ не ограничивается. Крымская война завѣщала иное бремя, которое сильно давитъ матеріальный бытъ

народа: это — громадное количество бумажныхъ денегъ. Оно, болѣе нежели что либо иное, привело въ упадокъ и промышленность и торговлю Россіи, какъ внутреннюю, такъ и иностранную.

Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что промышленность и торговля упадаютъ въ Россіи въ то самое время когда и та и другая, особенно торговля вывозная, заграничная, дѣлаютъ въ Европѣ необычайные, неслыханные успѣхи. Въ Англіи и Франціи иностранная торговля до того возрастаетъ и усиливается съ каждымъ годомъ, что англійскіе и французскіе экономисты какъ бы призадумываются и спрашиваютъ самыхъ себя: нѣтъ-ли чего нибудь преувеличеннаго, искуственнаго въ этомъ быстромъ движеніи и чрезвычайномъ развитіи торговли?

Обращаясь къ корню всего зла въ семъ отношеніи, т. е. къ чрезмѣрному количеству бумажныхъ денегъ, мы находимъ, что правительство наше приступило было къ изцѣленію сего зла, избравъ для сего единственно здравое средство: уменьшеніе массы ассигнацій. Былъ открытъ размѣнъ бумажныхъ денегъ на деньги металлическія. Но размѣнъ, ограниченный впрочемъ однимъ Петербургомъ, былъ вскорѣ прекращенъ; поднявшійся было курсъ бумажныхъ денегъ опять упалъ; 100 миліоновъ, какъ утверждаютъ, чистой, какъ говорятъ Французы, сухой потери для казначейства, было единственнымъ дѣйствіемъ пред-

принятой мѣры размѣна, и эти милліоны изчезли столь же непроизводительно, какъ изчезали ежегодно въ продолженіе нѣсколкихъ лѣтъ 20 или 25 милліоновъ, жертвуемыхъ для поддержанія иностраннаго курса покупкой векселей по цѣнѣ высшей дѣйствительнаго курса. И между тѣмъ какъ Россія знаетъ еще что нибудь и о ходѣ крестьянскаго дѣла, и о земскихъ учрежденіяхъ, и о судебной реформѣ, она остается въ совершенной неизвѣстности относительно тѣхъ мѣръ, которыя правительство полагаетъ принять для исправленія экономическаго состоянія государства.

Кромѣ огромныхъ предметовъ, озабочивающихъ правительство, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, есть другіе, которые, при всей своей значительности и важности, отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что достиженіе желаемой цѣли по симъ послѣднимъ предметамъ не только гораздо легче въ сравненіи съ первыми, но само по себѣ весьма незатруднительно. Если по первымъ предметамъ необходимо творить, преобразовывать, однимъ словомъ дѣйствовать; то по симъ послѣднимъ надлежитъ только позволять, допускать, воздерживаться отъ дѣйствія.

Самымъ крупнымъ изъ сихъ предметовъ представляется намъ цензура. Неоднократно было предпринимаемо преобразованіе цензуры. Въ послѣднее время особыя коммиссіи составляли проэкты, печатали ихъ; но между тѣмъ цензура остается цензурою.

Только, въ понятіяхъ общества, она находится также въ какомъ-то переходномъ положеніи, и этотъ взглядъ на цензуру оправдывается тѣмъ, что въ ожиданіи всѣми желаемаго, необходимаго преобразованія, правительство признало за благо издать особенныя временныя правила для цензуры.

Весьма понятно, что различныя попытки составить порядочный цензурный уставъ всегда оставались и теперь остаются совершенно безуспѣшными. Идея цензуры неразлучна съ идеею произвола; цензура всегда будетъ и останется произволомъ. Но есть ли какая нибудь возможность обратить произволъ въ законъ? Можно ли для произвола начертать здравыя правила, по коимъ онъ долженъ дѣйствовать? Можно ли опредѣлить точныя границы, изъ коихъ онъ не долженъ выходить? Но тогда произволъ не былъ бы произволомъ, т. е. цензура не была бы цензурою. Такимъ образомъ невозможность порядочнаго цензурнаго устава очевидна. Произволъ долженъ быть замѣненъ законностію, цензурный уставъ закономъ о печати. Самый строгій законъ лучше какаго бы то ни было цензурнаго устава: по крайней мѣрѣ онъ болѣе соотвѣтствовалъ бы и справедливости и логикѣ.

Составленіе закона о печати, здраваго, умѣреннаго, согласнаго съ характеромъ народнымъ вообще и съ положеніемъ народной словесности въ особенности, не потребуетъ особенныхъ усилій отъ прави-

тельственнаго творчества. Слѣдуетъ только, прежде всего, отрѣшиться отъ тѣхъ пустыхъ предразсудковъ, кои въ этомъ случаѣ, такъ какъ и во многихъ другихъ, съ развитіемъ народнымъ и государственнымъ соприкосновенныхъ, затмѣваютъ понятія людей и здравый смыслъ.

Другимъ предметомъ, не требующимъ никакаго особеннаго труда для достиженія желаемой цѣли, представляется окончательное, рѣшительное уничтоженіе всѣхъ еще существующихъ тѣлесныхъ наказаній. Человѣколюбіе, справедливость, всегда требовали уничтоженія этихъ постыдныхъ, безнравственныхъ средствъ управленія людьми. Но теперь самая честь русскаго правительства какъ бы заинтересована въ этомъ вопросѣ. Оно рѣшилось наконецъ совершенно уничтожить тѣлесныя наказанія по судебнымъ приговорамъ. Оно обязано итти далѣе, итти до конца. Судебныя плети не мучатъ болѣе русскаго мужика, шпицрутены — русскаго солдата. Но полицейскія розги, но розги военныхъ командировъ для солдатъ „2-го разряда“, все еще существуютъ. И эти слѣды уже явно осужденнаго варварства должны изчезнуть. Русскій народъ не сотворенъ для вѣчнаго варварства и даже не для временнаго и вообще ни для какаго варварства. Онъ кротокъ, благодушенъ, разсудителенъ. Таково должно быть и его законадательство.

Предметъ инаго рода, но великой важности,

требуетъ также и болѣе нежели когда либо, ревностнаго и просвѣщеннаго вниманія со стороны правительства.

Мы разумѣемъ здѣсь положеніе раскольниковъ, какъ старообрядцевъ, такъ и другихъ сектаторовъ. Говоря вообще, ихъ теперь не преслѣдуютъ, какъ преслѣдовали прежде. Но при всемъ томъ во многихъ, если не во всѣхъ отношеніяхъ, положеніе ихъ зависитъ преимущественно отъ произвола правительственныхъ и полицейскихъ властей. Старообрядцы составляющіе сильное большинство между сектаторами, по вѣрованіямъ своимъ, весьма близки къ православной церкви и отступаютъ отъ нея не въ начальныхъ догматахъ вѣры, но только въ обрядахъ и формахъ, не весьма важное значеніе имѣющихъ. Въ старину, въ Москвѣ, при митрополитѣ Платонѣ — при этомъ славнѣйшемъ изъ всѣхъ нашихъ іерарховъ — они принимали къ себѣ, для отправленія церковнаго служенія, священниковъ изъ православной церкви. Въ послѣдствіи это было запрещено, и наконецъ самый алтарь ихъ великолѣпной церкви на рогожскомъ кладбищѣ былъ запечатанъ. Вмѣстѣ были, если не запечатаны, то заперты огромныя ихъ богадѣльни, въ коихъ имъ запретили давать убѣжище и пріютъ приходящимъ бѣднымъ людямъ. Они продолжаютъ богослуженіе безъ священниковъ и съ запертымъ алтаремъ, между тѣмъ какъ всѣ желанія ихъ ограничиваются

тѣмъ, чтобы имъ позволено было имѣть священниковъ! Желаніе, кажется, весьма умѣренное, вполнѣ законное, и которому всякое благоустроенное правительство противиться не можетъ. Въ послѣднія времена, въ западныхъ губерніяхъ, старообрядцы доказали на дѣлѣ свою преданность Россіи. Между адресами къ Государю, были принимаемы и адресы отъ старообрядцевъ, и — замѣтимъ мимоходомъ — эти адресы являютъ глубокое пониманіе настоящаго времени. Такимъ образомъ старообрядцы пріобрѣли, на самомъ дѣлѣ, права гражданства. Между тѣмъ, въ законѣ ничего не перемѣнилось въ отношеніи къ ихъ быту, и это дѣло, такъ какъ судопроизводство и цензура, находится въ какомъ-то временномъ, переходномъ положеніи.

Кромѣ всѣхъ самыхъ важныхъ, капитальныхъ предметовъ, о коихъ мы доселѣ говорили и кромѣ многихъ другихъ, кои, по различнымъ подробностямъ государственнаго управленія, требуютъ бдительнаго вниманія правительства и вмѣстѣ преобразованія и улучшенія и до коихъ мы здѣсь не касаемся, кромѣ всего этого, современныя обстоятельства, современная цивилизація, современная жизнь порождаетъ новыя требованія, коимъ необходимо слѣдуетъ дать удовлетвореніе и удовлетвореніе неотлагательное, подъ опасеніемъ общаго разстройства въ государственномъ быту, подъ опасеніемъ, такъ сказать, нѣкоего обез-

силенія самой жизни народа и государства, подъ опасеніемъ истощенія даже самыхъ источниковъ и благоденствія и могущества Россіи.

Здѣсь мы особенно разумѣемъ кровную необходимость, для Россіи, желѣзныхъ дорогъ. Эта необходимость очевидна. Желѣзныя дороги покрываютъ теперь, болѣе или менѣе, всю Европу. Всѣ условія промышленности, торговли, производительности вообще, всѣ условія сообщенія людей между собою, совершенно измѣнились съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ. Россія отстала отъ Европы въ семъ отношеніи, и по тому самому не можетъ отвѣчать ни въ промышленности, ни въ торговлѣ, ни въ производительности вообще, тѣмъ условіямъ, кои, во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, нынѣ необходимо требуются.

На большихъ дорогахъ въ Россіи часто встрѣчаются обозы, перевозящіе медленно и всегда съ великимъ трудомъ различныя тяжести, произведенія земли, товары и проч. Стоимость перевоза имѣетъ великое вліяніе на цѣну товаровъ. Въ другихъ странахъ Европы эти произведенія перевозятся по желѣзнымъ дорогамъ: экономія во времени и въ издержкахъ. Можетъ ли, въ слѣдствіе сего, русскій трудъ вступать въ совмѣстничество съ трудомъ иностраннымъ? Отъ того, между прочимъ, какъ полагаютъ, столь сильно упалъ вывозъ хлѣба изъ Одессы: иноземный хлѣбъ можетъ быть привозимъ къ Дунаю по желѣзнымъ

дорогамъ, между тѣмъ какъ въ Одессу русскій хлѣбъ доставляется гужемъ. Подобныя сравнительныя наблюденія приходится дѣлать въ Россіи на каждомъ шагу.

Между тѣмъ дѣло желѣзныхъ дорогъ подвигается въ Россіи весьма медленно. Были однакоже сдѣланы нѣкоторые утѣшительные опыты частной предпріимчивости, кои особенно замѣчательны умѣренностію цѣны, въ которую обошлось построеніе нѣкоторыхъ недальнихъ дорогъ около Москвы, а именно желѣзной дороги до Сергіевской Лавры. Нельзя не пожелать, чтобъ правительство обратило особенное вниманіе на такія частныя предпріятія и также на русскихъ капиталистовъ, которые, какъ слышно, нашлись бы, еслибъ правительство ихъ поискало.

Наконецъ мы напомнимъ еще одинъ предметъ, который давно уже стоитъ на очереди для дѣятельности правительственной въ Россіи. Мы разумѣемъ здѣсь общее „уложеніе“, кодексъ законовъ. Правительство всегда и продолжало заниматься этимъ важнымъ предметомъ. Долгое время существовала коммиссія составленія законовъ. Въ минуту какойто особенной дѣятельности правительства, коммиссія выработала даже проэктъ гражданскаго уложенія, который частію былъ напечатанъ. Гнъ Корфъ разсказалъ забавный способъ, принятый г. Сперанскимъ для составленія сего проэкта: каждый день, рано утромъ,

онъ получалъ изъ коммиссіи нѣсколько главъ или параграфовъ проэкта. Эти параграфы, писанные не на русскомъ языкѣ, были тотчасъ же переводимы въ канцеляріи г. Сперанскаго. Немедленно по переводѣ г. Сперанскій начиналъ исправлять, передѣлывать представленную ему работу и, сдѣлавъ окончательную редакцію, въ 11 часовъ того же утра представлялъ работу на разсмотрѣніе и утвержденіе государственнаго совѣта. Проэктъ остался проэктомъ. Это и не могло быть иначе. Не менѣе того, при всей легкости, неосновательности и поспѣшности труда, напечатанный проэктъ имѣетъ свое достоинство: онъ указалъ, и, такъ сказать, осуществилъ цѣль, къ которой надлежитъ стремиться, т. е. къ составленію, какими-бы то ни было способами и путями, полнаго общаго „Уложенія“, доступнаго для всѣхъ, удобопонятнаго для всѣхъ, излагающаго законъ ясно, кратко, начертаннаго такъ какъ должны быть начертываемы законы, а не такъ какъ указы. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ конечно незаслуженныхъ имъ бѣдствій, г. Сперанскій былъ опять призванъ къ дѣятельности на законодательномъ поприщѣ. Мысль о созданіи новаго „Уложенія“ была, какъ кажется, имъ, устранена. Онъ принялся за составленіе „Свода законовъ“, которое было уже начато коммиссіею законовъ.

Мысль о составленіи Свода законовъ, при пер-

вомъ появленіи ея, не ограничивалась просто Сводомъ. Сводъ не былъ окончательною цѣлію предпріятія; онъ былъ только средствомъ для достиженія цѣли, т. е. для составленія „Уложенія“, кодекса. Имѣлъ ли г. Сперанскій въ виду эту окончательную цѣль, мы не знаемъ. По крайней мѣрѣ ничто, въ послѣдній періодъ его государственной дѣятельности, этого не показываетъ.

И такъ безчисленное множество указовъ, узаконеній, постановленій всякаго рода, иногда повторяющихъ одни другіе, иногда противорѣчащихъ одни другимъ, было собрано и „Сводъ“, который было-бы правильнѣе назвать „Сборникомъ законовъ*), былъ напечатанъ и служитъ теперь, или по крайней мѣрѣ, долженъ служить единственнымъ руководствомъ и для судебныхъ и для правительственныхъ властей въ имперіи. Являющіяся вновь установленія, указы и проч. отъ времени до времени присовокупляются къ своду: толстый томъ слѣдуетъ за толстымъ томомъ, и всѣ эти томы пріобрѣли наконецъ такую тяжесть; изобиліе источниковъ, изъ коихъ судьи, правители, истцы и

*) Слово „Сводъ“ заключаетъ въ себѣ понятіе чего то методическаго и отчасти даже чего то сокращеннаго, извлеченнаго. Слово „Сборникъ“ просто означаетъ собраніе и не обусловливается никакимъ методомъ, никакимъ напряженіемъ умственныхъ силъ собирателя.

отвѣтчики, должны почерпать средства и указанія, одни для изрѣченія законныхъ рѣшеній, другіе для огражденія своихъ правъ и интересовъ, сдѣлалось столь роскошнымъ, что невольно приходитъ на мысль нѣмецкая пословица: „Vor lauter Bäumen sieht man den Wald nicht“; что̀ можно перевести такъ: отъ множества законовъ, не видно законодательства.

Эта непомѣрная толщина не однаго, а нѣсколькихъ томовъ свода, эта чрезмѣрная огромность скрыжалей русской имперіи, способная охладить самое ревностное стремленіе къ изученію ихъ, конечно имѣетъ и выгодную сторону — не всякое зло совершенно лишено какой бы то ни было выгодной стороны — она состоитъ въ томъ, что теперь легче отыскать всякій законъ, всякій указъ, нежели какъ то было прежде. Но вмѣстѣ съ симъ, эта чудовищная громадность краснорѣчиво и убѣдительно свидѣтельствуетъ и доказываетъ все безобразіе подобнаго законодательства.

Преемники г. Сперанскаго по второму отдѣленію императорской канцеляріи конечно не предавались забавнымъ методамъ законодательства ихъ предшественника; но вмѣстѣ они не помышляли изъ огромнаго труда его извлечь, такъ сказать, сокъ законодательства и изъ „Сборника“ сдѣлать настоящій „Сводъ“ законовъ; другими словами: изъ собранныхъ законовъ

составить „Уложеніе.“ Вообще, какъ кажется, дѣятельность ихъ ограничивалась, такъ сказать, текущимъ законодательствомъ: второе отдѣленіе дѣлало свои заключенія по встрѣчавшимся законодательнымъ вопросамъ; составляло само кой-какіе проэкты; иногда неудачно излагало свои мечтанія о судоустройствѣ, стараясь однажды между прочимъ доказать, что нигдѣ, въ европейскихъ государствахъ, не существуетъ словеснаго судопроизводства, и т. д. Самыя важныя законоположенія, самыя коренныя преобразованія, проходили мимо втораго отдѣленія. Мы разумѣемъ здѣсь: положеніе о крѣпостныхъ крестьянахъ, земскія учрежденія и проекты о преобразованіи судовъ и судопроизводства. Конечно отдѣленіе и по симъ предметамъ могло дѣлать свои заключенія; но дѣла совершались внѣ сего отдѣленія. Мы видимъ, что начальникъ сего отдѣленія подписывалъ всѣ бумаги по крестьянскому дѣлу. Можетъ быть онъ подписывалъ также бумаги и по преобразованію судовъ. Но эту подпись онъ давалъ въ качествѣ предсѣдателя государственнаго совѣта. Это, впрочемъ, не значитъ даже, что онъ вполнѣ одобрялъ то что̀ подписывалъ. Доказательствомъ сему служитъ, что посѣщая, въ послѣдствіи, суды въ Парижѣ, онъ нашелъ, что гласность дѣлаетъ изъ судовъ школу для людей злонамѣренныхъ, школу, въ которой они научаются какъ

избѣгать кары законной!! Какой иниціативы можно было ожидать отъ такихъ людей?

Что въ „Уложеніи“ настоитъ самая существенная, жизненная необходимость для Россіи, въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія. Дѣло въ томъ, чтобы найти вѣрнѣйшій путь къ достиженію желанной цѣли.

Разсуждая о семъ предметѣ вообще, поверхностно, представляются два средства: создать уложеніе — и составить уложеніе.

Создать новое „Уложеніе“, отрѣшившись отъ существующаго и окружающаго насъ порядка вещей, основываясь только на общихъ началахъ права и справедливости, невозможно ни для какого законодателя. И еслибы это было возможно, то было бы, по крайней мѣрѣ, безполезно. Всякое законодательство предназначается для того, чтобы оно было прилагаемо, исполняемо; а законы, не на жизни, не на исторіи народа основанные, не обрѣтутъ и не могутъ обрѣсти никакого приложенія. Слѣдственно, избравъ средство созданія, законодатель будетъ необходимо придерживаться нравовъ, привычекъ, понятій народа, для коего пишется законъ.

Но если нравы, обычаи, привычки, понятія народа, если его жизнь, если его исторія, будутъ необходимо пріемлемы въ соображеніе законодателемъ; то не проще ли прибѣгнуть къ самому, такъ сказать, отпечатку и этихъ нравовъ, и этой жизни, и этой

исторіи, т. е. къ самымъ существующимъ законамъ, выражающимъ и жизнь и исторію народа? Конечно, вездѣ встрѣчаются законы отжившіе, какъ говорятъ, свое время — которые, просто, никогда бы и жить не долженствовали — законы, всѣми осуждаемые и все таки продолжающіе имѣть свою законную силу; но ничто не мѣшаетъ законодателю, не создающему, а составляющему „Уложеніе“, отстранить такіе законы и замѣнить ихъ новыми, согласными съ понятіями народа и соотвѣтствующими современнымъ требованіямъ.

Мы конечно не отрицаемъ возможности „создать“ Уложеніе, и не можемъ отрицать, такъ какъ въ различныхъ государствахъ мы встрѣчаемъ уложенія, кодексы, изданные законодателемъ непосредственнымъ образомъ, безъ предварительнаго собиранія во едино существующихъ законовъ и узаконеній. Но всѣ эти кодексы основываются, болѣе или менѣе, на прежнихъ законахъ. Задача для законодателя была: дать духу и смыслу сихъ законовъ систематическое, раціональное изложеніе. И тотъ изъ всѣхъ кодексовъ, который наиболѣе отрѣшился отъ прошлаго времени, отъ существовавшаго дотолѣ порядка вещей, и въ которомъ введено наиболѣе новыхъ началъ, гражданскій кодексъ Франціи (Code Civil), и этотъ кодексъ держался многихъ старыхъ началъ, старыхъ законовъ, сохранившихся нетронутыми революціею

въ понятіяхъ народныхъ, и вводя новыя начала, согласовалъ старыя съ новыми понятіями и современными требованіями. Многіе юрисконсульты стараго времени участвовали въ изданіи новаго кодекса.

Обращая къ Россіи наши размышленія по сему предмету, не отрицая и для насъ возможности создать „кодексъ“, мы находимъ однако же, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ у насъ будетъ гораздо вѣрнѣе составить, нежели создать, Уложеніе. Кромѣ того, что у насъ, при всемъ успѣхѣ явно замѣтномъ въ семъ отношеніи, юридическія свѣденія еще не довольно разпространены въ обществѣ — и что потому подобное требованіе на непосредственное творчество нашихъ юристовъ могло бы остаться безъ дѣйствія и безъ результата; кромѣ сего мы имѣемъ уже „Сводъ“, слишкомъ огромный и неуклюжій, но который пособитъ недостатку творчества, удержитъ нашихъ законодателей на самомъ вѣрномъ пути къ желаемой цѣли, къ „Уложенію“, и этою заслугою искупитъ свое бѣдовое существованіе.*)

Карамзинъ, въ одной запискѣ, поданной Императору Александру I^му^, говоритъ между прочимъ, что

---

*) „Бѣдовое“, говоримъ мы, вспоминая, что этотъ „сводъ“ не только подтвердилъ старые, но ввелъ нѣкоторые новые правила и законы, истинно бѣдовые и противорѣчащіе всѣмъ началамъ права и справедливости.

См. Примѣчаніе IV.

человѣкъ съ геніемъ можетъ начертать „Уложеніе“, но что покуда мы не найдемъ такаго геніальнаго человѣка, мы должны ограничиться составленіемъ „Уложенія“ изъ массы нашихъ существующихъ законовъ. Для изъясненія своей мысли о такомъ трудѣ, Карамзинъ, какъ мы слышали, избралъ одинъ какой то предметъ законодательства, привелъ существующіе по сему предмету законы, сократилъ ихъ, изложилъ въ настоящемъ видѣ, съ настоящимъ слогомъ закона и представилъ этотъ опытъ совѣтуемаго имъ законадательства Государю. Нельзя не сожалѣть, что такой трудъ такаго человѣка остался неизвѣстнымъ для Россіи. Мы осмѣлимся здѣсь замѣтить, что едва ли Карамзинъ, будучи самъ геніальнымъ человѣкомъ, не ошибся на счетъ геніальности, необходимой для начертанія Уложенія. По крайней мѣрѣ геніальность и по воззрѣніямъ Карамзина не представляется необходимымъ условіемъ для составленія уложенія. Для такаго дѣла нуженъ не столько геній, сколько нѣмецкое или даже обще европейское постоянство въ трудѣ, обширный взглядъ, могущій обозрѣть безчисленныя подробности дѣла, разборчивость, систематическій умъ, умѣніе классифировать предметы, раздѣлить обработку ихъ между сотрудниками и слѣдить за надлежащимъ исполненіемъ каждымъ изъ нихъ возложеннаго на него труда. Не идя далѣе, мы скажемъ, что г. Сперанскій, здраво направленный верховною

властію, или, самъ собою, имѣя болѣе точныя понятія объ истинныхъ пользахъ государства, болѣе сильныя понятія о личномъ, человѣческомъ своемъ достоинствѣ и менѣе слабости въ характерѣ, самъ г. Сперанскій могъ бы совершить великое дѣло, о которомъ мы здѣсь говоримъ.

Предварительныя начертанія общаго плана для составленія „Уложенія“, разпредѣленіе предметовъ долженствующихъ войти въ оное, имѣетъ въ семъ дѣлѣ особенную важность. Указанія научныя, равно какъ и тѣ, которыя можно найти въ различныхъ существующихъ въ Европѣ кодексахъ, должны, конечно, быть принимаемы въ руководство и соображеніе. Но сверхъ сего „Сводъ“ имѣетъ также свой порядокъ, свое разпредѣленіе предметовъ законодательства, съ которыми слѣдуетъ по возможности согласоваться.

Такимъ образомъ наука, примѣръ другихъ государствъ и самый нашъ „Сводъ“, должны служить для составленія плана. Начертавъ планъ, надлежитъ разобрать „Сводъ“ и каждую изъ отдѣльныхъ частей законадательства, въ немъ содержащагося, такъ сказать, принаровить къ той рубрикѣ, или помѣстить въ ту рубрику, которая, по новому плану, должна заключать въ себѣ изложеніе закона по сей части. Соединенныя во едино, всѣ узаконенія по одной какой либо части должны быть сокращены, или лучше сказать, одинъ только смыслъ и значеніе должны быть

извлечены изъ сихъ узаконеній, и извлеченіе введено въ соотвѣтственный отдѣлъ или рубрику новаго „Уложенія.“ *)

Главныя части или отдѣлы законодательства должны быть предоставлены каждая особой коммиссіи. Каждая изъ сихъ коммиссій должна имѣть достаточное число членовъ для того, чтобы возложенный на коммиссію трудъ могъ быть раздѣленъ между различными членами ея. Здѣсь представляется вопросъ: до какой степени будетъ возможно или удобно такое раздѣленіе труда между многими сотрудниками? Раздѣленіе будетъ зависѣть какъ отъ рода предметовъ, такъ и отъ личныхъ способностей трудящихся. Но мы полагаемъ, что, не смотря на необходимость единства во всемъ трудѣ, надобно стараться раздѣлить трудъ, сколь возможно, на мелкія части, и мы полагаемъ это, имѣя въ виду великую необходимость возможно скорѣйшаго окончанія дѣла. Между подробностями, представляется намъ необходимость имѣть въ каждой коммиссіи особеннаго члена для редакціи. Кромѣ сего нужно имѣть еще главнаго редактора для окончательной редакціи всего „Уложенія.“ — „Уложеніе“ должно быть не только ясно, но и правильно написанное.

---

*) Серъ Робертъ Пиль предпринялъ однажды подобное сокращеніе и извлеченіе изъ англійскихъ уголовныхъ законовъ, и трудъ его увѣнчался успѣхомъ.

Мы думаемъ также, что по мѣрѣ окончанія работъ на коммиссіи возложенныхъ, эти работы должны быть обнародываемы посредствомъ печати. „Умъ хорошо, а два лучше“, говоритъ пословица. Умъ всѣхъ долженъ быть самый лучшій. Великая значительность печатаемыхъ такимъ образомъ законодательныхъ проэктовъ, пробудитъ можетъ быть ту апатію, которая тяготитъ надъ русскимъ обществомъ; найдутся люди просвѣщенные, смышленые, которые скажутъ свое слово, укажутъ на какой нибудь недостатокъ, на какой нибудь промахъ; много будетъ и вздору, но доброе слово, полезное указаніе останутся и послужатъ къ усовершенствованію дѣла при окончательномъ разсмотрѣніи проэктовъ.

Мы не можемъ разпространяться далѣе о важномъ предметѣ составленія „Уложенія.“ Трудъ огромный и можетъ устрашить всякого. Не смотря на это, мы увѣрены, что можно найти людей, которые возьмутся за это дѣло, не съ самонадѣянностію, ни въ чемъ не сомнѣвающеюся, но съ вѣрою въ добро, съ желаніемъ добра. Нашлись же люди для начертанія „Положеній, 19го Февраля“, для начертанія началъ судоустройства и судопроизводства, для изданія „Земскихъ учрежденій“, для совершенія столь важнаго и благотворнаго дѣла освобожденія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, и для начертанія, превосходнымъ образомъ, узаконеній по сему предмету; нашлись, прибавимъ мы,

люди для великолѣпнаго преобразованія нашей славной арміи — великолѣпнаго, говоримъ мы, потому что оно человѣколюбиво. Благословляя освобожденіе крестьянъ, Россія не должна, въ благословеніи своемъ, забывать и улучшеніе быта русскаго солдата, участь котораго, какъ бы забытая доселѣ всѣми военными министрами, обрѣла наконецъ истинное, просвѣщенное сочувствіе въ новомъ министрѣ, избранномъ Царемъ-Освободителемъ . . . . . Найдутся люди и для „Уложенія!“

II.

И такъ вотъ они — эти роковые вопросы, эти мудреныя задачи, эти жизненныя потребности, которые ожидаютъ отвѣта, разрѣшенія, удовлетворенія:

крестьянское дѣло,
земскія учрежденія,
суды и судопроизводство,
бумажныя деньги,
цензура,
еще существующія тѣлесныя наказанія,
раскольники,
желѣзныя дороги,
общее „уложеніе“,

не говоря уже о необходимыхъ преобразованіяхъ по части администраціи, объ улучшеніи бѣдственнаго положенія нашего духовенства, объ усовершенствованіи нашихъ учебныхъ заведеній, особливо школъ народныхъ и пр. и пр.

Теперь мы спросимъ: можетъ ли одно правительство, каково бы оно ни было, могутъ ли люди работающіе въ кабинетѣ, обсуждающіе дѣла въ коммиссіяхъ, въ совѣтахъ, сколь бы просвѣщенны, опытны, трудолюбивы они ни были, и даже съ участіемъ людей не принадлежащихъ къ тремъ первымъ классамъ; могутъ ли эти люди дать надлежащее удовлетвореніе по изложеннымъ требованіямъ, и, давъ его, обезпечить надлежащее исполненіе?

Кто возьметъ на себя дать отвѣтъ утвердительный на такой вопросъ? Нѣтъ; не найдется, конечно, ни однаго добросовѣстнаго человѣка, который рѣшился бы сказать, что исполненіе огромнаго дѣла возможно для какого бы то ни было правительства, дѣйствующаго въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ наше правительство и всякое такаго рода правительство обыкновенно дѣйствуютъ. Найдутся, конечно, люди, которые скажутъ, что многое нужное и полезное можетъ подождать, что многіе изъ означенныхъ предметовъ могутъ быть пока отложены для будущихъ временъ. Эти люди забываютъ, что отлагать разрѣшеніе вопросовъ на будущія времена, значитъ усложнять вопросы и затруднять болѣе и болѣе ихъ удовлетворительное разрѣшеніе; они забываютъ, что ждать, откладывать, сидѣть, какъ говорится, склавъ руки, было возможно при всеобщемъ застоѣ, когда ничто не жило, когда все произростало вяло, лѣниво,

тяжело, убійственно. Но коль скоро государство или народъ пробудился отъ сна къ свѣту и къ жизни, то оставаться въ просонкахъ неестественно, нелогично и даже невозможно. Лучше ли опять заснуть — можетъ быть сномъ непробуднымъ — или воспрянуть вполнѣ къ новой жизни? Пробужденіе состояло въ освобожденіи крестьянъ, и пробудилъ народъ тотъ, кто, одинъ, могъ пробудить его. „Самодержавіе установило рабство — самодержавію предстояло и уничтожить его.“ Одни цари закрѣпощали — Онъ освобождалъ. Но самое это святое освобожденіе повлекло за собою множество логическихъ, неизбѣжныхъ послѣдствій, которыя открыли цѣлый рядъ новыхъ реформъ и преобразованій: самоуправленіе крестьянъ, отстраненіе или значительное ограниченіе тѣлесныхъ наказаній. Вступивъ однажды на благій путь преобразованій, пришли къ устройству судовъ, къ земскому управленію, къ школамъ, къ преобразованію арміи и. т. д.

Странно! Многіе, основываясь именно на всѣхъ этихъ реформахъ, говорятъ: „погодите, не торопитесь; правительство сдѣлало много въ эти послѣдніе годы, оно сдѣлаетъ и все остальное.“ Они не думаютъ, что всѣ эти перемѣны были необходимымъ послѣдствіемъ главной, коренной перемѣны, совершенной конечно самымъ правительствомъ, но которой никто кромѣ правительства и совершить не могъ.

Сдѣлано много, мы не споримъ; но остается сдѣлать также очень много. И все то многое и благотворное, что уже совершено правительствомъ, пробудивъ народъ, тѣмъ самымъ вызываетъ его и къ сочувствію и къ содѣйствію въ предпринятомъ дѣлѣ преобразованій. Для кого, какъ не для сего самаго народа, совершаются эти преобразованія? Пусть же народъ и сочувствуетъ и содѣйствуетъ правительству. Пусть правительство, которое не имѣетъ и не можетъ имѣть иной цѣли какъ благо народа, пусть оно, совершивъ многое, призоветъ народъ къ участію въ совершеніи остальнаго. Это остальное такъ велико, что никакія индивидуальныя силы, никакое правительство всего совершить не можетъ. Участіе народа въ дѣлѣ общественномъ, и только оно одно, можетъ дать ему способность оцѣнить вполнѣ заслуги правительства предъ отечествомъ, сдѣлать его достойнымъ того добра, которое даруется ему свыше; а правительство будетъ имѣть свое утѣшеніе въ томъ, что благія его предпамѣренія и полезныя преобразованія обрѣтутъ новую прочность и плодотворность въ сознательномъ участіи народа, ему вполнѣ преданнаго.

И чего ждать? Почему не торопиться? Положимъ, что по нѣкоторымъ предметамъ можно будетъ оставаться въ бездѣйствіи. Положимъ, напримѣръ, что крестьянское дѣло пойдетъ само собою, по теперь прорытой колеѣ, безъ особеннаго участія

и безъ лучшаго направленія со стороны правительства; положимъ, что будутъ продолжать сѣчь вольныхъ крестьянъ, какъ сѣкли крѣпостныхъ: крестьяне будутъ терпѣть и молчать, какъ молчали въ продолженіе вѣковаго рабства; положимъ, что суды, что цензура останутся въ теперешнемъ переходномъ положеніи; все это возможно, мы не споримъ, и вмѣстѣ не видимъ къ чему все это ведетъ. Но бумажныя деньги? Но желѣзныя дороги? Можно ли и тутъ ждать и не торопиться? Если такъ, то не забудьте, что наши бумажныя деньги ведутъ государство къ банкрутству. Чтожь касается до желѣзныхъ дорогъ, то кто-то весьма разительно сказалъ, что „не скрѣпленная желѣзными дорогами, Россія разползется.“

Не забудемъ также, что ни одно правительство никогда не могло преодолѣть финансовыхъ затрудненій и бѣдствій, безъ содѣйствія представительства народнаго. Извѣстны всякаго рода банкрутства, къ которымъ прибѣгало въ старину французское правительство, между прочимъ новышеніемъ или пониженіемъ нарицательной цѣнности монеты и печатаніемъ бумажныхъ денегъ всякаго рода. Никогда правительство, устроенное по старому, не могло бы преодолѣть всѣхъ затрудненій, всѣхъ бѣдствій, коимъ Франція была подвергнута, въ финансовомъ отношеніи, въ 1814 и 1815 годахъ. Но въ это время Франція имѣла уже представительное правленіе. Совокупныя

силы правительства и народа спасли Францію отъ гибели, и при томъ безъ помощи столь обычнаго средства: покрывать расходы выпускомъ бумажныхъ денегъ.

Австрія печально прославилась своими банкротствами. Первыя правила здраваго финансоваго порядка появились въ Австріи со времени учрежденія представительнаго государственнаго совѣта (Reichs-Rath). Тогда только отношенія правительства къ государственному банку получили правильный, законами опредѣленный характеръ, въ слѣдствіе чего банкъ неминуемо приступилъ бы къ свободному обмѣну бумажныхъ денегъ на звонкую монету, еслибъ не возпослѣдовала война 1859 года.

И какую особенную прелесть можно находить въ безпредѣльномъ ожиданіи, въ лѣнивой неторопливости? Соглашаясь въ цѣли, къ которой слѣдуетъ итти, на что искать путей узкихъ, извилистыхъ, вмѣсто широкой, столбовой дороги? На что, спросимъ мы наконецъ, разбудивъ однажды народъ отъ тяжелаго, долгаго сна, стараться держать его въ просонкахъ, не давая ему совершенно опомниться, притти въ самого себя? Если вы хотите, въ этихъ просонкахъ, располагать народомъ такъ, какъ вы располагали имъ во время его сна, то мы спрашиваемъ: зачѣмъ вы его будили? Тогда было всего легче управлять имъ. Но разбудивъ, но поставивъ его на ноги, дайте же ему и возможность

ходить и дѣйствовать какъ подобаетъ человѣку не сонному, а пробудившемуся.

Правительство сдѣлало много, и это самое показываетъ, что оно разположено итти далѣе и сдѣлать еще болѣе. А отъ царя-освободителя мы смѣемъ, мы въ правѣ ожидать всѣхъ благъ, которыхъ мы желаемъ для Россіи.

Если что либо, въ исторіи Россіи, ясно, очевидно, это то, что Россійское Государство сложилось не только мудростію первоначальныхъ его „собирателей“ послѣдовавшихъ правителей и правительницъ, но также и ревностнымъ содѣйствіемъ народа, неимовѣрнымъ долготерпѣніемъ его, безъ чего правительственная сила была бы немощною. Сознательно или безсознательно, инстинктивно, русскій народъ отдалъ все чѣмъ дорога для людей жизнь гражданская, на укрѣпленіе, на возвеличеніе государства. Только такими безконечными пожертвованіями, государство могло дойти до того могущественнаго положенія, въ которомъ мы его теперь находимъ. Это положеніе таково, что не требуетъ теперь никакихъ увеличеній силъ матеріальныхъ, ни дальнѣйшаго разпространенія предѣловъ. Не со вчерашняго дня Россія достигла такаго положенія, и не со вчерашняго дня можно было бы приступить къ святому дѣлу возмездія и награды за все пожертвованное народомъ для пользъ государственныхъ. Мы не хотимъ быть несправед-

ливыми, неблагодарными какъ къ первымъ „собирателямъ“ государства, такъ и къ послѣдовавшимъ государямъ содѣйствовавшимъ могуществу и величію Россіи; но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, только Александру IIму суждено было даровать русскому народу благодѣтельное возмездіе, славную награду, за самое огромное пожертвованіе, которое народъ принесъ для укрѣпленія государства: мы здѣсь разумѣемъ освобожденіе крестьянъ. Какъ ни ошибочно, какъ ни грѣшно было прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ; но тогдашнее правительство, въ одинъ критическій моментъ, сочло его нужнымъ для блага государства. Это мнѣніе раздѣляли многіе даже до послѣдняго времени. Народъ покорился этому жестокому закону, этой, многими признаваемой, необходимости; вынесъ постыдное и мучительное иго въ продолженіе двухъ вѣковъ съ половиною и, скажемъ къ его чести, сохранилъ свое нравственное достоинство. Праведное возмездіе за великую жертву неминуемо увеличитъ нравственныя силы государства. Государства, подобно частнымъ людямъ, обогащаются платя долги свои. Долги нравственные, не матеріальные, требованія чести и совѣсти, подлежатъ тому же закону. „Долгъ платежемъ красенъ!“ Но кромѣ личной свободы, народъ русскій дѣлалъ и другія пожертвованія или, по крайней мѣрѣ, претерпѣвалъ иныя лишенія. Такъ, напримѣръ, онъ потерялъ судъ присяжныхъ,

судъ цѣловальниковъ. Александръ II[й] и это благотворное учрежденіе возвратилъ народу. Оставались столь же безчеловѣчныя какъ и постыдныя тѣлесныя наказанія, коихъ народъ русскій не зналъ до татарскаго ига — и тутъ достоинство человѣческое нашло великодушнаго покровителя въ лицѣ царя-освободителя. То, что̀ еще осталось отъ тѣлесныхъ наказаній въ порядкахъ полицейскомъ и армейскомъ, можетъ, конечно, при новомъ устройствѣ земли, быть отстранено нравами, обычаемъ, вліяніемъ общественнаго мнѣнія; но народъ русскій, въ силу прошедшаго быта своего, лишенъ теперь надлежащей способности къ инисіативѣ и потому мы не можемъ не желать, и желать сильно, настойчиво, чтобы правительство и въ этомъ отношеніи помогло народу изгладить послѣдніе слѣды прежняго варварства.*)

Такихъ трехъ преобразованій, на кои мы здѣсь указываемъ, достаточно было бы для того, чтобы прославить три царствованія.

Но кромѣ личной свободы, кромѣ суда присяжныхъ, бывали на Руси и Земскіе Соборы и Думы, хотя и боярскія, не говоря уже о вечахъ....

Понятія о родѣ и качествѣ ожидаемыхъ нами послѣдствій отъ дальнѣйшихъ, окончательныхъ прео-

---

*) См. Примѣчаніе V.

бразованій, могутъ быть различны. Мы не споримъ, что самые просвѣщенные, самые добросовѣстные, могутъ отрицать пользу, или своевременность осуществленія нашихъ желаній. Это не помѣшаетъ намъ высказать ихъ во всеуслышаніе. Пусть судитъ насъ Россія. Если бы мы смѣли, то сказали бы: пусть судитъ насъ царь-освободитель! Наши желанія, наши надежды и упованія, на задушевныхъ убѣжденіяхъ основанныя, сходятся на желаніе, чтобы царь-освободитель великое дѣло освобожденія крестьянъ и послѣдовавшія за нимъ благотворныя преобразованія увѣнчалъ созваніемъ „Земскаго Собора.“

Мы не должны, однакоже, здѣсь умолчать, что находя полезнымъ созваніе „Земскаго Собора“, мы почитаемъ необходимымъ принятіе нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ, безъ которыхъ мы никогда не позволимъ себѣ предлагать, ни даже желать какаго бы то ни было „Земскаго Собора“, или представительнаго собранія. Мѣры, которыя мы здѣсь разумѣемъ, должны утвердить равноправіе всѣхъ сословій въ государствѣ предъ закономъ. Люди, призываемые къ засѣданію въ Земскомъ Соборѣ, должны, не только какъ члены Собора, но также какъ граждане, какъ россійскіе подданные, имѣть равныя права предъ закономъ, какаго бы сословія или званія они ни были. Нѣкоторыя права и преимущества, коими пользуется еще высшее сословіе и которыхъ лишены сословія

низшія, какъ то привилегіи по государственной службѣ, и т. п. не довольно значительны, чтобы могли, по нашему мнѣнію, остановить созваніе Земскаго Собора; но есть права существенныя и имянно освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній, коими низшія сословія не пользуются и лишеніе которыхъ, въ нашихъ глазахъ, ставитъ рѣшительную преграду созванію „Земскаго Собора.“ Какаго толку можно ожидать отъ собранія, въ которомъ члены однаго сословія могутъ сѣчь членовъ другаго сословія? Къ счастію, такую уже согнившую преграду, можно отвратить весьма легко: однимъ почеркомъ благотворнаго самодержавнаго пера.

Мы постараемся ниже объяснить мысль нашу о Земскомъ Соборѣ.

Теперь же мы обратимъ вниманіе на нѣкоторые эпизоды или моменты европейской исторіи, изъ коихъ мы можемъ извлечь указанія и поученія въ предметѣ подлежащемъ здѣсь нашему обсужденію.

Въ началѣ сего столѣтія, Франція, утомленная революціею, ввѣрила судьбы свои счастливому полководцу. Наполеонъ, будучи еще первымъ консуломъ, предпринялъ новое устройство государства. Народъ, желавшій, всего болѣе, матеріальнаго порядка и спокойствія, съ радостію и признательностію привѣтствовалъ всѣ мѣры, въ семъ смыслѣ правительствомъ предпринимаемыя. Устройство внутренняго управленія, особенно по экономической, финансовой части, было

весьма удачно. По пословицѣ: „on ne prête qu'aux riches", приписываютъ Наполеону болѣе нежели сколько онъ сдѣлалъ. Такъ, напримѣръ, величаютъ его какъ возстановителя во Франціи богослуженія, церкви, — пожалуй религіи — между тѣмъ какъ въ это время существовало уже во Франціи 32 тысячи церквей и каплицъ, въ которыхъ отправлялось богослуженіе. Въ семъ отношеніи Наполеонъ испортилъ дѣло, возстановивъ уничтоженное революціею соединеніе церкви съ государствомъ, и послѣдствія обнаружили и доказали его, можетъ быть, вольную ошибку. Въ устройствѣ судовъ и судопроизводства, именно судопроизводства уголовнаго, Наполеонъ многое низпровергнулъ что̀ было установлено прежними законодательными собраніями, и что̀ особенно ограждало личныя права и безопасность гражданъ, и замѣнилъ это новыми порядками въ видахъ своего самовластія. Какъ бы то ни было, дѣянія Наполеона были велики и принимаемы народомъ съ признательностію, даже съ восторгомъ.

Здѣсь могутъ намъ напомнить, что между тѣмъ какъ мы ищемъ исхода въ призваніи Земскаго Собора, Наполеонъ разогналъ даже и то представительное собраніе, которое нашелъ на пути своемъ къ преобразованію Франціи.

Такъ. Мы не опровергаемъ факта, что Наполеонъ не могъ жить вмѣстѣ съ какимъ либо мало

мальски самостоятельнымъ собраніемъ. Но какое поученіе извлекаетъ теперь исторія изъ жизни Наполеона? Вотъ оно, это нравоученіе: если отсутствіе представительныхъ собраній сдѣлало для него возможными его гигантскія войны, его чрезмѣрныя завоеванія; то это же самое отсутствіе вліянія народнаго на судьбы государства привело европейскія арміи въ Парижъ, а самого Наполеона на островъ св. Елены, гдѣ онъ нашелъ единственный логическій исходъ стремленія своего къ тому что̀ называютъ славою. Такимъ образомъ примѣръ Наполеона, указывая на вредъ отсутствія представительства, вмѣстѣ съ симъ доказываетъ пользу, необходимость сего послѣдняго: quod erat demonstrandum.

Не надобно, впрочемъ, забывать, что Наполеонъ, при самомъ появленіи своемъ, нашелъ множество орудій, сотрудниковъ, готовыхъ и способныхъ къ осуществленію его плановъ и намѣреній. Люди всѣхъ партій, изъ коихъ многіе образовались въ той самой школѣ представительства, которая была такъ ненавистна для Наполеона, люди всѣхъ мнѣній, всѣхъ званій и сословій толпились около него, съ ревностнымъ желаніемъ ему содѣйствовать, и по крайней мѣрѣ въ началѣ — съ вѣрою въ самого преобразователя и строителя. Народъ, съ своей стороны, какъ мы замѣтили выше, благословлялъ его за возстановленіе матеріальнаго порядка и вѣрилъ въ него.

Таковое содѣйствіе со всѣхъ сторонъ, и дѣятельное и пассивное, не могло не облегчить, въ сильной степени для Наполеона, труда имъ предпринятаго. У насъ нѣтъ такихъ людей, какихъ нашелъ Наполеонъ около себя.

Тогдашняя Франція ясно желала и требовала болѣе всего, прежде всего, умиротворенія, матеріальнаго порядка, успокоенія и чрезъ то изцѣленія отъ самаго тяжкаго, всѣми ясно сознаваемаго, недуга. У насъ, въ настоящее время, общество чувствуетъ свой недугъ; но плохо его понимаетъ и оцѣниваетъ, и потому плохо знаетъ гдѣ искать изцѣленія.

Другой историческій моментъ совсѣмъ инаго рода, и въ меньшихъ размѣрахъ, но богатый благодѣтельными поученіями для потомства, мы встрѣчаемъ въ Пруссіи, послѣ Тильзитскаго мира. Побѣжденная, разоренная войною, истощенная контрибуціями всякаго рода, Пруссія, сдѣлавшись державою второстепенною, очутилась въ полномъ хаосѣ. Всѣ чувствовали, что старый порядокъ вещей, приведшій государство въ такое положеніе, долженъ быть замѣненъ новымъ. Явился человѣкъ, который взялся за трудное дѣло. Все матеріальное, какъ то: армія, финансы, было въ совершенномъ разстройствѣ и, можно сказать, даже не существовало. Штейнъ рѣшился основать перерожденіе Пруссіи на нравственномъ преобразованіи народа, на политическомъ преобразованіи государства.

За полнымъ освобожденіемъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ живущихъ, съ надѣленіемъ ихъ землею, и за постановленіемъ правилъ для освобожденія всѣхъ прочихъ крестьянъ, также съ землею — что и было послѣ въ точности исполнено — послѣдовало новое устройство арміи со введеніемъ равной и обязательной для всѣхъ конскрипціи, учрежденіе ландвера и ландштурма; устройство городовъ, которое по сіе время почитается лучшимъ въ Германіи, и множество другихъ реформъ и учрежденій по различнымъ частямъ государственнаго управленія. Между сими послѣднимъ имѣетъ свою важность учрежденіе Берлинскаго Университета, послѣ Штейна, но по его мысли, въ его духѣ, состоявшееся.

Здѣсь также не было никакаго общаго представительнаго собранія. Но не было не по тѣмъ причинамъ, по коимъ его не было во Франціи. Между тѣмъ какъ Наполеонъ не хотѣлъ и не терпѣлъ никакаго представительства, Штейнъ, вѣря въ представительство, не могъ его дать Пруссіи. Пруссія зависѣла тогда вполнѣ отъ Наполеона. Даже численность арміи была опредѣлена въ трактатахъ, такъ что, чувствуя жизненную необходимость въ возможно сильной арміи, и обязанное имѣть не болѣе 40 тысячь солдатъ, прусское правительство прибѣгло къ новому устройству военной силы, по которому солдаты оставались на службѣ въ арміи только два или три

года и по томъ переходили въ ландверъ и ландштурмъ; въ слѣдствіе чего каждые два или три года государство пріобрѣтало 40 тысячь выученныхъ солдатъ. Такое положеніе вещей въ тогдашней Пруссіи, достаточно показываетъ, что даже и помышленіе о какомъ бы то ни было представительствѣ было невозможно. Между тѣмъ всѣ мѣры прусскаго правительства были таковы, что онѣ были бы съ одобреніемъ и восторгомъ приняты всякимъ представительствомъ, точно также, какъ онѣ были тогда принимаемы прусскимъ народомъ и всѣми просвѣщенными или просто любящими свою землю людьми во всей Германіи. Самъ преобразователь и строитель Пруссіи, вѣруя, какъ мы выше сказали, въ благотворность представительнаго образа правленія, имѣлъ его въ виду во всѣхъ предпринимаемыхъ имъ реформахъ. Изгнанный велѣніемъ Наполеона изъ Пруссіи и изъ всѣхъ земель, находившихся подъ непосредственнымъ владычествомъ Франціи, онъ сказалъ своей землѣ прощальное слово, что всѣ его реформы долженствовали, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, увѣнчаться общимъ представительствомъ, въ которомъ и богатые и владѣющіе хотя одною десятиною земли, имѣли бы каждый свой голосъ и участіе.

Но если изъ сихъ двухъ примѣровъ мы можемъ только заключить, что отсутствіе представительства оказалось вреднымъ въ одной странѣ, и что въ другой,

представительство, будучи невозможно, было, въ нѣкоторомъ смыслѣ, замѣнено или вознаграждено личными качествами строителя и преобразователя, вѣрившаго, впрочемъ, въ благотворность представительства; то примѣры сіи покажутся, можетъ быть, недостаточными для полнаго доказательства превосходства представительнаго образа правленія. Въ такомъ случаѣ въ исторіи найдется иной моментъ, иной примѣръ, въ которомъ это превосходство, польза и сила представительства, ознаменовываются самымъ рѣшительнымъ образомъ. Этотъ моментъ находимъ мы въ эпоху завоеванія Франціи союзными арміями. Императоръ палъ. Франція втѣснена въ старыя свои границы. Являются Бурбоны. Французы ихъ не знали, даже по имени. Но мысль о Бурбонахъ соединялась, въ понятіи народа, съ мыслію о дворянствѣ и о духовенствѣ — les nobles et les prêtres — къ которымъ тогдашніе французы имѣли непреодолимую ненависть. Что̀ облегчило воцареніе или водвореніе Бурбоновъ? По совѣту и по настоянію императора Александра I, Лудовикъ XVIII явился во Францію съ конституціонною хартіею въ рукахъ, и Франція какъ бы согласилась принять его. Это фактъ, фактъ неоспоримый и свидѣтельствующій, какую силу умиротворенія и слѣдственно порядка, имѣетъ, въ извѣстныхъ данныхъ обстоятельствахъ, начало, принципій представительства.

Французы знали кому они наипаче были обязаны установленіемъ представительнаго образа правленія. Они знали также кто отстранилъ тогда наложеніе на Францію военной контрибуціи, кто ограждалъ, по возможности, границы Франціи отъ дальнѣйшаго стѣсненія; они знали кто сохранилъ, для Франціи, великолѣпный музеумъ, въ которомъ скопились всѣ сокровища искусства, забранныя во всей Европѣ; они могли даже слышать какъ Александръ, по желанію императрицы Жозефины, купилъ у нея, за огромную сумму, прекрасныя картины, уже обреченныя на добычу однаго изъ союзныхъ полководцевъ; они видѣли какъ Александръ спасъ отъ взрыва ихъ мосты, носившіе названіе Ены и Аустерлица — и, для общаго поученія, не худо напомнить объ этомъ въ то время, когда въ Парижѣ новые мосты и новые бульвары крестятъ именами Альмы и Севастополя. Прибавимъ, что видя такое великодушіе, такую возвышенность въ характерѣ своего побѣдителя, массы народныя одушевились къ нему весьма выразительнымъ энтузіасмомъ, можетъ быть нѣсколько шумливымъ и крикливымъ, но не менѣе того произтекавшимъ отъ сердца. „Отъ избытка сердца, уста глаголятъ!“ Впрочемъ даже и тѣ изъ французовъ, кои старались удержать себя въ предѣлахъ умѣренности въ виду завоевателей, не могли не сознавать, что подобное нравственное величіе едва ли было достигнуто какимъ

либо побѣдителемъ. Мы не судимъ объ энтузіасмѣ, о которомъ говоримъ только какъ о фактѣ. Но скажемъ — и зачѣмъ молчать? — скажемъ, что иногда, видя пріемъ, который французы дѣлали, при каждой встрѣчѣ, нашему императору, слыша громогласныя привѣтствія, кои раздавались и на улицахъ, и въ театрахъ при видѣ его, слезы навертывались на глазахъ нашихъ и въ свою очередь, во глубинѣ сердца, мы благословляли того, кто дѣйствовалъ такъ во имя Россіи!

Но возвратимся къ нашему предмету. Конституціонная хартія облегчила или даже сдѣлала возможнымъ спокойное водвореніе Бурбоновъ во Франціи. Но Бурбоны, въ слѣдствіе ихъ суевѣрія въ догматъ законности права — légitimité — не поняли своего положенія. Бывъ призваны царить во Франціи въ слѣдствіе завоеванія Франціи иностранцами, единственный способъ ослабить великую невыгоду такаго положенія состоялъ въ добросовѣстномъ признаніи, или по крайней мѣрѣ провозглашеніи, что они призваны по волѣ и желанію французскаго народа — что и въ самомъ дѣлѣ отчасти такъ было, ибо многіе во Франціи желали отдохнуть отъ имперіи. Вмѣсто того они отвергли конституцію во имя народа и по инисіативѣ Императора Александра, сенатомъ составленную, которую имъ ничто не мѣшало исправить, и, бывъ, на самомъ дѣлѣ, принуждены къ

изданію хартіи, они издали ее какъ добровольный и милостивый даръ съ ихъ стороны, избѣгая дать ей даже тѣнь какаго либо договора или соглашенія съ народомъ. Сверхъ сего и первые шаги ихъ на конституціонномъ поприщѣ были не вѣрны, не показывали большой наклонности къ добросовѣстному развитію конституціонныхъ началъ въ хартіи начертанныхъ. Наполеонъ былъ не далеко. Армія вновь посадила его на престолъ, а онъ, отпѣвъ, какъ слѣдуетъ, обычную анаѳему „aux nobles et aux prêtres“ и всему старому, прошедшему, провозгласилъ свое обращеніе къ истиннымъ началамъ конституціоннымъ, къ началамъ представительства. Бенжаменъ Констанъ, въ своемъ пособіи новообращенному, съ восторгомъ начерталъ всѣ свои задушевныя политическія убѣжденія въ „Acte additionnel“, этомъ коренномъ законоположеніи новаго или обновленнаго правительства. Замѣтимъ мимоходомъ, что многіе почитаютъ эту конституцію лучшею изъ всѣхъ французскихъ конституцій.

Эта трагическая комедія не долго продолжалась. Но и въ ней мы не можемъ не признать той великой важности, той великой силы, которую имѣютъ, сами по себѣ, конституціонныя начала, видя, что даже Наполеонъ прибѣгнулъ къ нимъ въ самый трудный моментъ своей политической жизни.

Второе водвореніе Бурбоновъ во Франціи пред-

ставляло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще болѣе затрудненій нежели первое. Лудовикъ XVIII, возвращаясь во второй разъ во Францію, имѣлъ довольно возвышенности духа для того, чтобы во всеуслышаніе признать многія ошибки первой реставраціи и отчасти исправить ихъ въ первыхъ своихъ эдиктахъ. Эти ошибки были не что иное, какъ различныя уклоненія отъ смысла и отъ слова хартіи. Первыя же исправленія состояли особенно въ томъ, что министерство получило президента, перваго министра, на обязанности коего, въ конституціонныхъ государствахъ, лежитъ обыкновенно главное управленіе всею политикою кабинета. Въ то же время Лудовикъ XVIII отмѣнилъ цензуру, „убѣдившись на опытѣ“, сказано въ эдиктѣ, „что цензура причиняетъ болѣе вреда нежели пользы.“

Въ этой второй реставраціи мы находимъ самое неоспоримое свидѣтельство въ подкрѣпленіе того мнѣнія, которое мы защищаемъ.

Франція находилась, въ то время, въ самомъ трудномъ положеніи, въ какомъ можетъ находиться великое государство.

Значительная часть государства была занята войсками союзныхъ державъ; Франція лишилась части, хотя не большой, своей уже за годъ предъ тѣмъ всячески стѣсненной территоріи; музеумъ потерялъ лучшія изъ произведеній искусства, которыя были

отданы тѣмъ отъ кого были взяты: венеціанскія лошади возвратились въ Венецію, берлинскія въ Берлинъ; наконецъ огромная контрибуція (700 м. фр.) была наложена на Францію; другую, почти равную этой сумму, Франція должна была заплатить, какъ вознагражденіе частнымъ лицамъ въ различныхъ странахъ. Война и вообще произшествія въ продолженіе минувшихъ „ста дней“, еще болѣе изнурили Францію. Различныя партіи съ бо́льшимъ озлобленіемъ нежели когда либо смотрѣли на правительство и взаимно одна на другую.

И всѣ эти огромныя затрудненія были преодолѣны съ помощію и посредствомъ представительнаго правленія!

Мы не знаемъ какъ бы вышло изъ подобнаго хаоса прежнее правительство Франціи, до 1789 года существовавшее. Но можемъ утвердительно сказать, что, ни въ какомъ случаѣ, оно не вышло бы, по крайней мѣрѣ, безъ банкрутства.

И подлинно, въ 1815 году, финансы были для Франціи, самою первою, самою настоятельною заботой. Надлежало платить контрибуцію и вознагражденія, покрывать государственные расходы. Прибѣгнули къ займамъ. Проценты по симъ займамъ были сначала чрезмѣрно высоки, но уменьшались при дальнѣйшихъ займахъ, по мѣрѣ какъ кредитъ государственный утверждался исправностію въ платежѣ про-

центовъ. „Payez toujours“, говорилъ тогдашній министръ финансовъ, „c'est le meilleur moyen d'ameliorez vos finances.“ Этотъ же министръ (Баронъ Луи), замѣтимъ мимоходомъ, говорилъ своимъ товарищамъ въ министерскомъ совѣтѣ: „Faites moi de la bonne politique, je vous ferai de bonnes finances.“

Наряду съ финансами, и другія части государственнаго управленія приходили въ надлежащее устройство и порядокъ, и все это благодаря гласности, благодаря открытому разсмотрѣнію и обсужденію государственныхъ дѣлъ въ палатѣ народныхъ представителей и въ палатѣ перовъ; такъ что, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Франція могла заплатить милліардъ франковъ тѣмъ, коихъ имѣнія были конфискованы во время революціи и прекратить чрезъ то доселѣ непримиримую вражду между тѣми, которые лишились своихъ имуществъ и тѣми, кои ихъ пріобрѣли: первые получили вознагражденіе за потерянное — вторые сдѣлались богаче, потому что цѣнность ихъ земель, дотолѣ стоявшая ниже цѣнности другихъ земель, такъ называемыхъ наслѣдственныхъ, патримоніальныхъ, возвысилась и сравнилась съ цѣнностію сихъ послѣднихъ. Вотъ что можетъ сдѣлать представительство, и чего не можетъ сдѣлать ничто иное!

Не касаясь примѣровъ современныхъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что каковъ ни есть вѣнскій

Reichs-Rath, но ему особенно обязана Австрія тѣмъ, что она по сію пору не обанкрутилась и не развалилась.

Предпославъ вышесказанное, мы приступимъ къ объясненію нашей мысли о „Земскомъ Соборѣ.“

Произнося одно слово: „Земскій Соборъ“, мы встрѣчаемъ вопросъ: и такъ вы хотите парламента, образованія въ немъ неминуемой оппозиціи; вы хотите равновѣсія между властями законодательною и исполнительною?

Нѣтъ, отвѣчаемъ мы; мы имѣемъ правиломъ и привычкою желать только того, что̀ представляется у насъ возможнымъ въ исполненіи.

Политическихъ партій у насъ нѣтъ. Есть, конечно, различіе въ мнѣніяхъ, и это различіе, безъ сомнѣнія, выразится во всякомъ, какаго бы рода оно ни было, собраніи. Но для правильно образованной и серіозной оппозиціи и тѣмъ менѣе оппозиціи систематической, у насъ нѣтъ никакихъ элементовъ. Въ призваніи „Земскаго Собора“ мы не ищемъ также достигнуть равновѣсія между властями законодательною и исполнительною, потому что въ Россіи власть государя такъ огромна и основывается, сверхъ усвоеннаго ему закономъ государственнымъ самодержавія, на такой безпредѣльной вѣрѣ и преданности

освобожденныхъ милліоновъ и сочувствующихъ сему освобожденію, что сила этой власти никакой иной силою — кромѣ силы самого государя — умѣрена и уравновѣшена быть не можетъ. По тому то, для учрежденія Земскаго Собора, мы взываемъ не къ народу, а къ самодержавному государю, который, одинъ только, можетъ и даровать и упрочить его Россіи. Мы взываемъ къ нему, потому что мы видимъ въ немъ соединеніе всѣхъ тѣхъ возвышенныхъ, нравственныхъ, однимъ словомъ добрыхъ качествъ, кои отличаютъ государей честно царствующихъ съ участіемъ народа, съ участіемъ его представителей.

„Но при всѣхъ этихъ условіяхъ, вашъ Земскій Соборъ будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ собраніемъ совѣщательнымъ.“

Мы не пугаемся такаго заключенія, и просто, откровенно скажемъ, что долго, очень долго „Земскій Соборъ“ не будетъ, по нашему мнѣнію, ни чѣмъ инымъ, въ сущности, на самомъ дѣлѣ, какъ совѣщательнымъ собраніемъ. Но признавъ это, мы ни мало не полагаемъ, чтобы желаемому нами „Собору“ былъ усвоенъ, въ самомъ началѣ, при созваніи его, характеръ изключительно совѣщательнаго собранія. Нѣтъ! совсѣмъ напротивъ. Мы полагаемъ, что бы этому Собору были предоставлены всѣ права, обыкновенно усвояемыя законодательнымъ собраніемъ — и, между прочимъ, право инисіативы. Въ такихъ, на

судьбы народа вліяющихъ учрежденіяхъ, всего лучше дѣйствовать прямо, великодушно, широко, дабы преподать народу, для котораго нуженъ просторъ, всѣ возможныя средства къ преуспѣянію. Долго, очень долго, эти права останутся, такъ сказать, безъ употребленія; но, можетъ быть, наши внуки или правнуки, родившись и поживъ въ новой атмосферѣ, созрѣютъ до того, чтобы вполнѣ воспользоваться оказаннымъ ихъ предкамъ благодѣяніемъ. Съ нашей стороны мы заранѣе порадуемся и за нихъ и за Россію.

„И такъ, скажутъ намъ опять безжалостные спорщики, вашъ „Земскій Соборъ“ будетъ развѣ полезенъ только для нашихъ правнуковъ!“

Мы отвѣчаемъ: польза для потомства есть также польза: человѣкъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, насаждаетъ дерево, не надѣясь вкусить отъ плода его, отдохнуть подъ его тѣнію, но помышляя, что дѣти и внуки его и вкусятъ отъ плода и отдохнутъ подъ тѣнію.

Представьте себѣ, что при Борисѣ Годуновѣ существовалъ бы какой нибудь „Земскій Соборъ“, положимъ хотя только совѣщательный. Могъ ли бы Годуновъ, въ присутствіи Собора, узаконить рабство? Не выиграло ли бы въ такомъ случаѣ потомство?

Приложите тотъ же вопросъ къ царствованію Екатерины II, къ царствованію Александра I^го^, къ

царствованію всѣхъ императоровъ и императрицъ, даривщихъ тысячами и десятками тысячь своихъ вѣрноподданныхъ однихъ другимъ. Мы спрашиваемъ: могло ли бы совершиться и закрѣпощеніе Малороссіи и военныя поселенія, и эти неистовые подарки безсмертныхъ душъ человѣческихъ?

Вся эта горькая чаша, испитая русскимъ народомъ, прошла бы мимо устъ его, если бы встарину существовали порядочные Земскіе Соборы.

Впрочемъ, пусть не вѣрующіе, пусть сомнѣвающіеся продолжаютъ сомнѣваться и не вѣрить, пусть они продолжаютъ отрицать или пользу или возможность порядочнаго „Земскаго Собора“; они, въ концѣ концевъ, не могутъ не согласиться, что одно уже созваніе и присутствіе въ странѣ „Земскаго Собора“, представителей народа, справедливо и соразмѣрно положенію каждаго сословія избранныхъ, что это одно оживитъ Россію и не только оживитъ, но и поддержитъ оживленіе, не допуститъ застоя, который у насъ всегда неминуемо слѣдуетъ за самыми утѣшительными проявленіями общественной жизни. Взгляните на нашихъ освобожденныхъ крестьянъ. Они конечно не тѣ, какими они были до 19го Февраля 1861 года. Но они и не тѣ, какими были въ первый годъ освобожденія. Куда дѣвался этотъ разумъ, это живое стремленіе къ лучшему, эта жажда грамотности, это сердечное желаніе быть достойными дарованной имъ

свободы? Вспомните эту хлопотливость, эти заботы объ учрежденіи школъ, вдругъ проявившіяся на всемъ пространствѣ Россіи. Теперь опять все пришло въ какое то затишье. Нѣкоторые честные наблюдатели высказали уже, съ горестію, эти различные метаморфозы, которыя могъ замѣтить всякій не лѣнивый и способный мыслить человѣкъ. *)

А гласность? Это необходимое условіе всякаго добра, всякаго преуспѣянія, не будетъ ли она обезпечена однимъ даже присутствіемъ „Земскаго Собора“ гораздо болѣе, нежели сколько могутъ ее обезпечить самые либеральные цензурные уставы и не только обыкновенные, но и самые благонамѣренные, даже самые храбрые министры?

„Гласность!“ Произнося это великое слово, слово правды и спасенія, мы осмѣлимся сказать, что, по нашему наблюденію, всѣ полезныя, всѣ благодѣтельныя политическія учрежденія клонятся къ водворенію возможно полной гласности. Если бы истинная гласность могла существовать безъ этихъ учрежденій, то ея одной, достаточно было бы для обезпеченія всѣхъ пользъ гусударственныхъ и народныхъ, даже самой свободы. Но, какъ видно, это невозможно. Гласность можетъ быть только послѣдствіемъ, плодомъ этихъ учрежденій.

---

*) См. „День“ No. 34. 1864.

Гласность, хотя и не полная, но по крайней мѣрѣ нѣкоторая извѣстная гласность необходимо появится съ появленіемъ „Собора.“ Каковъ бы ни былъ „Соборъ“, важныя государственныя мѣры необходимо будутъ ему сообщаемы, хотя только для совѣщанія. И обращаясь къ событіямъ современнымъ, мы спросимъ: если бы министръ финансовъ, замышляя приступить къ размѣну, былъ поставленъ въ необходимость сообщить эту мѣру на разсмотрѣніе Собора, тогда эта мѣра сдѣлалась бы извѣстною публикѣ, обществу. Свѣдущіе и опытные люди, не только въ Соборѣ, но и внѣ онаго, могли бы изложить свое мнѣніе о сей мѣрѣ, и, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, эта мѣра или была бы отстранена или приведена въ дѣйствіе съ иными ручательствами въ ея успѣхѣ, нежели тѣ, кои предстояли министру. Такимъ образомъ „Соборъ“, гласность, спасли бы казначейство отъ весьма великаго ущерба.

Возьмемъ другой примѣръ изъ современной жизни. Недавно вышелъ новый законъ объ учрежденіи школъ народныхъ. Изъ всѣхъ предметовъ, обращающихъ на себя вниманіе и дѣятельность правительства, школы народныя всего болѣе требуютъ участія, содѣйствія земства, какъ при начальномъ учрежденіи, такъ и при исполненіи. Участіе земства, въ новомъ узаконеніи, весьма ограниченно. Между тѣмъ, по нашему усмотрѣнію, въ новомъ устройствѣ школъ

проявляются начала и виды, кои ни мало не согласуются съ мнѣніемъ людей просвѣщенныхъ въ Россіи. На примѣръ, новое узаконеніе стремится дать духовенству какое то особенное вліяніе на школы. Мы спрашиваемъ: какое духовенство разумѣетъ эдѣсь законодатель? Безъ сомнѣнія сельское. Но въ какомъ положеніи находится это духовенство? Вообще въ самомъ бѣдственномъ, и во всѣхъ отношеніяхъ. Нищета сельскихъ священниковъ и церковныхъ причтовъ въ Россіи извѣстна всякому. Встрѣчаются священники, которые, при всей охотѣ заняться обученіемъ грамотѣ своихъ прихожанъ, не въ состояніи сего дѣлать, потому что все время ихъ употреблено на личное обработываніе земли для насущнаго хлѣба. Тоже бываетъ и съ причетниками. Этого мало: если какой либо священникъ вздумаетъ, во исполненіе своего долга, поучать прихожанъ духовными наставленіями, проповѣдями, то онъ обязанъ, прежде нежели онъ сообщитъ мысль свою, свое вдохновеніе паствѣ, представить эту мысль и это вдохновеніе на одобреніе благочиннаго: обязанность совершенно несообразная съ духомъ христіанскаго и какаго бы то ни было проповѣданія, и столь трудная въ исполненіи уже по разстояніямъ, по неудобствамъ сообщеній, что священники, вѣрные своему призванію, принуждены нарушать ее, нарушать то что̀ имъ предписано. Какой инисіативы можно ожидать отъ духовенства,

поставленнаго въ подобное положеніе матеріальное и нравственное? Сверхъ сего всѣмъ извѣстно, какая подчиненность существуетъ въ устройствѣ духовномъ. Священники вполнѣ зависятъ отъ благочинныхъ, не ими самими, какъ бы слѣдовало, избираемыхъ. Благочинные, вмѣстѣ съ священниками, находятся въ безпредѣльной власти архіерея. И такъ, если духовенство можетъ имѣть какое нибудъ вліяніе на образованіе народное, то это вліяніе будетъ необходимо исходить отъ высшаго, монашествующаго духовенства. Отдавая полную и заслуженную справедливость нашему высшему духовенству, чистосердечно уважая его, мы замѣтимъ однако же, что духовныя академіи, въ дѣлѣ науки и образованія, уступаютъ нашимъ университетамъ. По этому казалось бы, что вліянія на народныя школы слѣдовало искать скорѣе отъ свѣтской науки, а не отъ церковной, или, что всего проще и раціональнѣе, предоставить дѣло самому земству. Мы не обвиняемъ высшее духовенство; напротивъ мы удивляемся, какъ при такихъ скудныхъ средствахъ, духовныя училища продолжаютъ существовать и въ томъ видѣ, въ которомъ они нынѣ являются.

Если бы этотъ важный законъ былъ представленъ на разсмотрѣніе „Земскаго Собора“, то онъ былъ бы принятъ, какъ предметъ столь близкій земству, съ особеннымъ участіемъ не только Соборомъ, но и

всѣмъ обществомъ. Мы не думаемъ, чтобы общее мнѣніе одобрило эти порывы какой то дешевой религіозности, которые проглядываютъ въ новомъ учрежденіи. Плохо понимаютъ сущность и смыслъ нашей православной вѣры тѣ, кои признаютъ за духовенствомъ какую то монополію въ дѣлѣ религіи. Наша церковь не утратила истиннаго значенія церкви. Она объемлетъ въ нѣдрахъ своихъ равно и духовенство и мірянъ. Служа особенно алтарю, наши духохвные не перестаютъ быть членами гражданскаго общества. Они живутъ посреди его, учавствуютъ въ дѣлахъ общественныхъ и гражданскихъ, такъ какъ міряне съ своей стороны должны принимать участіе въ дѣлахъ церкви. А самая жизнь духовная, религіозное настроеніе духа — это независимо отъ сословныхъ раздѣленій обществъ человѣческихъ: „Духъ идѣже хощетъ, дышетъ.“ *)

Постараемся означить, сколь это возможно, то дѣйствіе и тѣ непосредственныя послѣдствія, которыя, по нашему усмотрѣнію, должно имѣть созваніе „Земскаго Собора.“

Со всѣхъ концовъ Россіи, соединяется 400 или 500 человѣкъ избранныхъ всѣмъ народомъ, всѣми сословіями, въ соразмѣрности значенія ихъ не только

*) Іоан. III. 8.

интеллектуальнаго или нравственнаго, но и числительнаго. Въ семъ соединеніи представителей всѣхъ частей, всѣхъ краевъ имперіи, Россія, такъ сказать, познакомится сама съ собою. При теперешнемъ географическомъ, этнографическомъ, также и сословномъ разъединеніи, Россія — это неоспоримо — весьма мало знаетъ саму себя.

На дѣло общее явятся или, по крайней мѣрѣ, могутъ явиться самые способные, или признаваемые таковыми, дѣятели. При теперешнемъ порядкѣ одни только служилые люди, чиновники, призываются къ дѣлу общему и самая значительная, самая важная дѣятельность предоставляется только дѣятелямъ первыхъ трехъ классовъ. Дабы достигнуть этихъ классовъ, надлежитъ посвятить всю жизнь, изключительно, службѣ. Если, службою, многое пріобрѣтается, то вмѣстѣ многое и утрачивается или остается для служащаго недосягаемымъ. Оставившій службу отстраняется на всегда отъ общественной дѣятельности. Живя въ отставкѣ, имѣя болѣе досуга, человѣкъ, одаренный нѣкоторыми способностями, можетъ пріобрѣсти много свѣденій, много практической опытности; но эти свѣденія, эта опытность останутся безполезными для общаго дѣла. Пріобрѣтая разныя и теоретическія и практическія знанія, онъ потерялъ старшинство по службѣ и не можетъ, съ небольшимъ чиномъ, занять опять въ службѣ большое мѣсто, кото-

раго онъ достигнулъ бы, оставаясь на службѣ съ прежнимъ невѣжествомъ или прежнею ограниченною образованностію.

И такъ въ Соборъ явятся лучшіе или, по крайней мѣрѣ, замѣчательнѣйшіе люди Россіи. Будетъ ли весь составъ ихъ вполнѣ удовлетворителенъ? — Это другое дѣло. Страна дастъ что она дать можетъ: „Чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ.“ По крайней мѣрѣ, такимъ образомъ, Россія исполнитъ первоначальное правило мудрости человѣческой: познаніе самого себя.

Первую пользу, которую, по нашему усмотрѣнію, Соборъ принесетъ Россіи вообще и правительству въ особенности, будетъ состоять въ томъ, что Россія и правительство узнаютъ нужды общественныя гораздо лучше, нежели сколько могутъ ихъ объяснить всѣ возможныя донесенія губернаторовъ и жандармовъ. Объясняя нужды, члены Собора будутъ, конечно, толковать и о средствахъ удовлетворенія, оныхъ. Эти пренія укажутъ на людей наиболѣе способныхъ къ дѣлу по различнымъ отраслямъ и управленія и законодательства.

Разсужденія въ Соборѣ, касающіяся до самыхъ жизненныхъ потребностей Россіи, пробудятъ русское общество отъ того лѣниваго сна, отъ той апатіи, которые его давятъ, удручаютъ. Общее дѣло обрѣ-

тетъ въ народѣ то участіе, то сочувствіе, и сочувствіе постоянное, безъ котораго ни образованность, ни просвѣщеніе, ни благосостояніе и благоденствіе народное не могутъ дѣлать твердыхъ, плодотворныхъ, желаемыхъ успѣховъ — безъ котораго и благія намѣренія, и даже благія начинанія, однимъ словомъ все благое вянетъ, сохнетъ, изчезаетъ.

Какъ это бываетъ во всѣхъ представительныхъ собраніяхъ, въ „Соборѣ“ найдутся люди, которые посвятятъ себя труду по какой либо особенной части управленія или законодательства. Такіе спеціалисты могутъ принести много пользы уже и потому что, будучи обязаны излагать свои мысли предъ лицемъ, такъ сказать, всей Россіи, они найдутъ себя въ необходимости посвятить все вниманіе на дѣло, о которомъ они толкуютъ. Пустыя разглагольствованія — какъ они скоро убѣдятся — пройдутъ незамѣченными и безплодными, какъ проходятъ теперь наши письменныя разглагольствованія; а у насъ именно такихъ то спеціалистовъ не достаетъ по всѣмъ частямъ и управленія и законодательства. Въ многолюдномъ собраніи представителей народа, для правительства, выборъ людей несравненно легче нежели выборъ между чиновниками, хотя бы и первыхъ трехъ классовъ. Собственно, этотъ выборъ даже и не нуженъ. Способные люди сами себя покажутъ. Самая дѣятельность, исполненіе дѣлъ, работа гораздо

легче для Собора, для его комитетовъ, нежели для какой бы то ни было канцеляріи.*)

И теперь встрѣчаются чиновники, или другіе необязанные службою люди, которые съ ревностію и постоянствомъ занимаются какимъ либо спеціальнымъ предметомъ. Но кто обращаетъ на нихъ вниманіе? Кто ихъ слушаетъ, кто ихъ читаетъ? И могутъ ли еще они говорить и писать? Но тогда, когда будетъ „Соборъ“, и эти люди и всѣ тѣ труженики, которые, при апатіи общества и подъ игомъ цензуры, трудятся безъ цѣли, почти только для того, что они не могутъ не трудиться, и они найдутъ награду своему труду — или осужденіе! — во вниманіи пробужденнаго общества и въ гласности, которая

---

*) Въ Англіи, гдѣ представительный образъ правленія введенъ съ давнихъ временъ, и гдѣ долговременный опытъ далъ ему полное развитіе, мы видимъ, что труды и работы парламентскихъ комитетовъ имѣли результаты особенной важности. Многіе изъ рапортовъ сихъ комитетовъ привели къ самымъ благодѣтельнымъ реформамъ. Одинъ изъ сихъ рапортовъ, по части финансовъ, извѣстный подъ названіемъ „Report of the Bullion Commetee“, сдѣланный въ началѣ сего столѣтія, по сію пору служитъ едва ли не лучшимъ средствомъ для изученія денежнаго вопроса. Въ послѣднее время огромный и богатый свѣденіями, относящимися къ предмету, рапортъ о военныхъ госпиталяхъ имѣлъ результатомъ преобразованіе сихъ послѣднихъ, въ слѣдствіе коего смертность въ англійской арміи уменьшилась на половину!

отразится же, хотя нѣсколькими, немногими лучами, отъ Собора на печать.

У насъ теперь часто нападаютъ на чиновничество, на духъ чиновническій, которымъ пропитаны не только лица въ государственной службѣ состоящія, но и лица по выборамъ служащія. Къ симъ лицамъ можно прибавить и все дворянство или, точнѣе сказать, помѣщиковъ, которые, при крѣпостномъ правѣ, были не только предъ народомъ, но и въ собственномъ своемъ мнѣніи, какими то чиновниками — охотниками (волонтерами), охраняя миръ и тишину, исполняя роль полиціи, извѣстными полицейскими средствами. Все это такъ. Но можетъ ли это быть иначе? Всякая власть и исполнительная, и судебная, и частію законодательная или, по крайней мѣрѣ, учредительная, имѣетъ своимъ источникомъ какую нибудь власть центральную: министерство внутреннихъ дѣлъ, министерство юстиціи, финансовъ, просвѣщенія, и пр. Оттуда, и ни откуда болѣе, изтекаютъ всѣ велѣнія, всѣ предписанія, всѣ позволенія, уполномочія; никто, на пространствѣ всей земли, не можетъ ничего сдѣлать, ничего сказать, не получивъ свыше или приказанія, или дозволенія. Такимъ образомъ каждый человѣкъ, выходящій изъ узкой колеи домашней, индивидуальной жизни, и вступающій въ сношенія гражданскія съ другими людьми, въ предѣлы, такъ сказать, засемейныя, дѣлается необходимо

какимъ то орудіемъ или представителемъ одной изъ означенныхъ центральныхъ властей, дѣлается, однимъ словомъ, чиновникомъ.

Не то будетъ, когда, подлѣ центральныхъ властей, подлѣ министерствъ явится „Соборъ.“ Министерства подчинятся его контролю; власть законодательная займетъ настоящее свое мѣсто. Министры будутъ чѣмъ имъ быть слѣдуетъ: орудіями власти исполнительной. Настоящіе чиновники останутся чиновниками. Всѣ другіе люди, говорящіе, пишущіе, дѣйствующіе, оставаясь въ предѣлахъ закона, будутъ жить и дѣйствовать просто какъ люди и вовсе не какъ чиновники.

Мѣры замышляемыя и предпринимаемыя правительствомъ конечно не могутъ ничего потерять, бывъ представлены на обсужденіе „Собора.“ Уже и теперь правительство начало печатать и предавать на судъ публики нѣкоторые проэкты, вызывая съ ея стороны замѣчанія и изъявленіе мнѣній.

Всѣ тѣ великіе вопросы, о которыхъ мы говорили выше, найдутъ, во первыхъ, основательное и возможно успѣшное разрѣшеніе. Мы опять скажемъ, что эти вопросы такъ велики, такъ важны, что даже обнять ихъ, тѣмъ болѣе разрѣшить, можетъ только „Земскій Соборъ“, вмѣщающій въ себѣ, такъ сказать, разумъ и нравственную силу всего народа.

Замѣтимъ также, что созваніе и учрежденіе „Земскаго Собора“ представляетъ, какъ дѣло государственное, по нашему мнѣнію, менѣе трудности нежели сколько представляло освобожденіе крестьянъ. Исходъ будетъ не менѣе успѣшный, съ тою только разницею, что тогда не одни крестьяне, но весь народъ русскій виновника такаго блага провозгласитъ вполнѣ царемъ-освободителемъ.

Мы не имѣемъ ни возможности, ни намѣренія вступать въ какія либо подробности о составѣ или устройствѣ „Земскаго Собора.“ Но такъ какъ мы предполагаемъ, что все, относящееся къ сему предмету, должно быть не только рѣшено, совершено, но даже и поддерживаемо и упрочиваемо благою волею власти державной; то, руководимые такимъ убѣжденіемъ, мы позволимъ себѣ указать на одну мѣру, которая можетъ въ сильной степени способствовать стройному, правильному и успѣшному ходу дѣлъ въ „Земскомъ Соборѣ.“

Независимо отъ признаваемой нами необходимости въ руководствѣ и вліяніи правительства на дѣйствія Собора, мы видимъ, что всѣ вообще представительныя собранія, болѣе или менѣе, получаютъ извѣстное направленіе отъ правительствъ. Необходимость направленія свыше является наиболѣе очевидною тамъ, гдѣ представительство дотолѣ не существовало, гдѣ представители собираются въ первый

разъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть ни преданій, ни обычаевъ, ни поученій опыта.

Для сохраненія простоты и правильности въ томъ необходимомъ вліяніи, которое должно имѣть правительство на всѣ дѣйствія и ходъ дѣлъ Собора, мы находимъ, что правительство могло бы предоставить себѣ назначеніе, по своему усмотрѣнію, извѣстнаго числа членовъ Собора, напримѣръ $^1/_4$ или $^1/_5$ часть всѣхъ представителей. Эти члены будутъ особенно представителями началъ, преднамѣреній, однимъ словомъ политики правительства. Вмѣстѣ съ симъ мы не полагаемъ, чтобы члены Собора правительствомъ однажды назначенные, лишались, чрезъ сіе, независимости въ ихъ личныхъ мнѣніяхъ. Они должны имѣть всѣ права, предоставленныя прочимъ представителямъ. Ихъ собственному усмотрѣнію, ихъ политической совѣсти должно быть предоставлено, какъ они заблагоразсудятъ, пользоваться сими правами. Если же они будутъ слишкомъ рѣзко расходиться въ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ съ правительствомъ, то эта же самая совѣсть политическая можетъ заставить ихъ отказаться отъ своего призванія.

Такое присоединеніе къ большинству избранному народомъ, меньшинства назначеннаго правительствомъ, соотвѣтствующее нашей мысли о пользѣ и необходимости безпрестаннаго и дѣятельнаго вліянія правительства на земское дѣло, не противно впрочемъ и

принятымъ вообще понятіямъ о законодательныхъ собраніяхъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Тамъ гдѣ существуютъ двѣ законодательныя палаты, правительство назначаетъ иногда членовъ одной изъ сихъ палатъ, членовъ наслѣдственныхъ или пожизненныхъ.

Такъ какъ мы не предполагаемъ для Россіи никакой двойственности въ представительствѣ, никакой высшей, аристократической, наслѣдственной, или пожизненной, ни даже избирательной палаты; то мы находимъ весьма естественнымъ и справедливымъ: тотъ такъ называемый правительственный или консервативный элементъ, коего другія государства ищутъ въ высшихъ законодательныхъ собраніяхъ, включить прямо въ составъ самого „Земскаго Собора.“

Скажемъ кстати два слова о высшихъ палатахъ вообще.

Почти вездѣ власть законодательная раздѣляется правительствомъ не съ однимъ, а съ двумя собраніями, изъ коихъ высшее состоитъ изъ членовъ наслѣдственныхъ, пожизненныхъ, иногда, но рѣдко, избирательныхъ.

Вѣковой опытъ показалъ пользу такаго устройства для всѣхъ европейскихъ государствъ. Вся исторія европейская указываетъ на необходимость, чтобы рѣшенія народныхъ представителей были контролируемы, пересуждаемы другимъ наиболѣе степен-

нымъ, консервативнымъ собраніемъ; необходимость, чтобы вопросы, рѣшенные иногда по вліянію увлекательнаго краснорѣчія парламентскихъ ораторовъ въ палатѣ депутатовъ, были пересматриваемы, пересуждаемы въ высшей палатѣ по прошествіи нѣкотораго времени, когда возбужденныя краснорѣчіемъ ораторовъ въ нижней палатѣ страсти могли уже успокоиться. Въ этой, такъ сказать, миротворительной аппелляціи отъ одного собранія къ другому, состоитъ вся сущность выгоды и пользы двойственности народнаго представительства, двухъ законодательныхъ собраній.

Нѣкоторые публицисты, предпочитая систему не двухъ, а одного законодательнаго собранія, для отвращенія возможныхъ вредныхъ послѣдствій отъ минутнаго увлеченія членовъ единственнаго собранія, предлагали: подвергать чрезъ нѣсколько времени, состоявшіяся постановленія въ единственномъ собраніи новому разбору и обсужденію того же собранія. Знаменитый Бентамъ раздѣлялъ сіе мнѣніе.*)

---

*) Вскорѣ послѣ Іюльской революціи Бентамъ показывалъ мнѣ письмо къ нему Лафаетта, въ которомъ этотъ истинно знаменитый, честный, вполнѣ и всегда добросовѣстный, правдивый и, какъ намъ кажется, не вполнѣ оцѣненный въ своей землѣ человѣкъ, сообщалъ Бентаму, что въ то время обсуждался въ палатѣ депутатовъ вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли имѣть наслѣдственную или пожизненную камеру перовъ, и

Что касается до насъ, то не смотря на всю важность, которую этотъ вопросъ о двухъ законодательныхъ собраніяхъ можетъ имѣть для европейскихъ государствъ, намъ кажется, что для Россіи это вопросъ, такъ сказать, праздный, не заключающій въ себѣ никакой важности, значительности, никакаго достоинства, чтобы не сказать, никакаго смысла. Въ предлагаемомъ нами „Земскомъ Соборѣ“ мы ищемъ и надѣемся найти пособіе со стороны земства правительству во всѣхъ его благотворныхъ преднамѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, ищемъ возможности развитія стремленій и силъ сего самаго земства, облегченія для него всѣхъ способовъ къ преуспѣянію въ добрѣ и къ устраненію затрудненій, преградъ и всяческихъ злоупотребленій. Мы не помышляемъ ни о какой либо пондераціи властей, ни объ уравновѣшеніи вліянія различныхъ партій. Еще менѣе думаемъ мы о какой

просилъ Бентама дать ему свое мнѣніе по сему вопросу: „Я буду ему отвѣчать, сказалъ Бентамъ, что я не вижу нужды ни въ наслѣдственной ни въ пожизненной и вообще ни въ какой палатѣ перовъ.“ Не знаю, отвѣчалъ ли Бентамъ Лафаетту немедленно письмомъ. Но черезъ нѣсколько времени Бентамъ напечаталъ довольно толстую брошюру, гдѣ онъ изъясняетъ свое мнѣніе о высшихъ палатахъ. Эта брошюра не могла имѣть никакаго вліянія на французскихъ законодателей, которые между тѣмъ рѣшили уже вопросъ и рѣшили въ пользу палаты пожизненной.

либо оппозиціи, даже „His Majesty's opposition.“*) И если бы нѣкоторые изъ членовъ „Собора“ попробовали завести что либо похожее на систематическую оппозицію, то они неминуемо встрѣтили бы самое сильное негодованіе со стороны массъ народныхъ, безусловно и вполнѣ преданныхъ престолу. Такое расположеніе со стороны народа понятно и весьма естественно. Высшее сословіе, между коимъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, могла бы возникнуть мысль оппозиціонная, дворянство, владѣло большою частію народа. Власть верховная освободила эту часть отъ ига дворянскаго. Въ слѣдствіе сего освобожденія, всѣ вообще низшія сословія почувствовали себя какъ то лучше, выше, самостоятельнѣе противъ прежняго. Одна тѣнь какой бы то ни было оппозиціи со стороны высшаго сословія, покажется имъ какъ бы посягательствомъ противъ облагодѣтельствовавшаго ихъ престола. Такое положеніе не можетъ измѣниться иначе какъ послѣ долгаго дружелюбнаго сожитія между

---

*) Въ одно извѣстное время, англійское правительство было очень популярно. Всѣ представленія министровъ были съ восторгомъ принимаемы оппозиціею. Одинъ изъ членовъ сей оппозиціи (Sir John Hobsouse, бывшій послѣ лордомъ и министромъ Индійскихъ дѣлъ) заявляя это постоянное согласіе оппозиціи съ министрами, сказалъ, что эту оппозицію по справедливости можно назвать „His Majesty's opposition.“ (какъ говорятъ: His Majesty's Government.)

собою всѣхъ сословій. Грѣхи предковъ всегда отзываются на потомкахъ.

Мы просто желаемъ прямаго совѣщанія правительства съ земствомъ о дѣлахъ Россіи, ихъ обоюднаго попеченія о нуждахъ, потребностяхъ, о благѣ нашей родной земли, о благѣ, достигнуть коего, по нашему мнѣнію, можно только совокупными силами народолюбиваго царя и царелюбиваго народа.

Питая глубокое уваженіе къ европейской образованности, намъ кажется, однако же, что политическая утонченность этой образованности, сложившейся исторіею и жизненными потребностями различныхъ государствъ европейскихъ, какъ то нейдетъ, какъ то неудобоприложима къ славянскому народу, по крайней мѣрѣ къ народу русскому. Великій народъ русскій имѣетъ — или по крайней мѣрѣ долженъ имѣть — свои завѣтныя думы, если не мнѣнія, свои инстинкты, свое чутье, свой толкъ, свой смыслъ. Все это, конечно, таится въ неразработанной еще, нравственной почвѣ духа русскаго народа; но уже мы видимъ проблески, проявленія этаго духа и проявленія отрадныя, утѣшительныя, между ожившими крестьянами, въ ихъ крестьянскихъ судахъ, въ ихъ выборахъ и вообще въ настроеніи крестьянскаго ума. Намъ остается желать, чтобы высшіе образованные классы, не отворачиваясь отъ свѣта, который свѣтитъ съ запада, не увлекаясь страстными и опромет-

чивыми возгласами ненавистниковъ всего европейскаго, устремили свои старанія на сближеніе съ воскресшимъ народомъ; чтобы они поняли все великое нравственное достоинство этаго народа, котораго не сломило вѣковое рабство, но на которомъ оно не могло не оставить печальныхъ слѣдовъ своего ига, такъ какъ и иго татарское оставило свои слѣды на всей Россіи. Весьма удобную, благопріятную почву для сближенія, дворянское сословіе найдетъ, между прочимъ, въ „земскихъ учрежденіяхъ.“ „Земскій Соборъ“ могъ бы представить, для желаемаго сближенія всѣхъ сословій, почву еще болѣе удобную и плодоносную.

Указавъ, хотя въ краткихъ словахъ и весьма поверхностно, на великую пользу для Россіи отъ созванія „Земскаго Собора“, мы обращаемся къ тѣмъ, кои опасаются какаго бы то ни было „Собора.“

Одни боятся „Земскаго Собора“ почти точно также какъ они боялись освобожденія крестьянъ. Ихъ число значительное. Есть всегда и вездѣ люди, которые всего боятся, особенно полезныхъ реформъ въ государствѣ. Уменьшилось ли число ихъ послѣ освобожденія? Это вѣроятно; такъ какъ нельзя допустить, чтобы благополучный исходъ сего дѣла не образумилъ многихъ изъ этой тупой братіи. Впрочемъ эти люди опасны не по числу своему, не по своимъ

доблестямъ, не по умственнымъ ихъ силамъ; но по ихъ вліянію. Въ дѣлѣ освобожденія они явились представителями и были отголоскомъ тѣхъ, или просто безсмысленныхъ, или лицемѣрныхъ опасеній и пророчествующихъ возгласовъ, возвѣщавшихъ неизбѣжную суматоху, какой-то бунтъ, пожалуй, какую-то рѣзню. Посреди этихъ же людей нашлись тѣ мудрые совѣтники, которые предлагали принять, въ день обнародованія освобожденія, какія-то военныя мѣры для охраненія города, дворцевъ и другихъ зданій, приготовить на ночь экипажи, и пр. и пр. Не удивительно если и мысль о созваніи „Земскаго Собора“ приводитъ ихъ въ тотъ же пароксизмъ трусости и усердія, какимъ они ознаменовали себя наканунѣ 19го Февраля, — хотя мы и подозрѣваемъ, что „Земскій Соборъ“ пугаетъ ихъ нѣсколько менѣе нежели сколько пугало ненавистное освобожденіе крестьянъ.

Съ такими противниками мы состязаться не можемъ, не потому только что оружіе, коимъ вооружены они и мы, не равнокачественно, но и потому что доводы здраваго смысла, свидѣтельство опыта, исторіи, не проникаютъ сквозь предразсудки столь сильно закоренѣлые.

Но мы встрѣчаемъ другихъ людей, совершенно инаго рода, конечно не противниковъ, которые не раздѣляютъ, однакоже, мнѣнія, что „Земскій Соборъ“ можетъ быть полезенъ въ настоящій моментъ, въ те-

перешнихъ обстоятельствахъ. Они даже полагаютъ, что онъ можетъ быть вреденъ. Мнѣніе сихъ людей, сколько мы могли примѣтить, основывается особенно на томъ, что массы народныя у насъ не достигли еще удовлетворительнаго развитія, что онѣ, такъ сказать, еще не окрѣпли; что освобожденія крестьянъ и нѣсколькихъ другихъ реформъ не достаточно для того, чтобы имъ можно было окрѣпнуть; что въ слѣдствіе сей гражданской и политической слабости, низшія сословія не достигаютъ надлежащаго нравственнаго равновѣсія съ сословіемъ высшимъ; что дворянство, стоя на болѣе высокой степени гражданственности, сосредоточитъ въ себѣ, изключительно, всю политическую силу народа для своихъ сословныхъ выгодъ и интересовъ, къ ущербу прочихъ сословій, особенно крестьянскаго, которое, такимъ образомъ, освобожденное отъ крѣпостнаго права, подпало бы подъ новое иго; конечно менѣе тягостное, но такое, однако же, какое накликать на народъ было бы безразсудно, преступно.

Если бы мы могли предвидѣть, что, напримѣръ, воспѣваемая нѣкоторыми нашими государственными и журнальными лицами патримоніальная юрисдикція (Patrimonial-Gerichtsbarkeit), будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ учрежденія Земскаго Собора, то мы бы отъ него непремѣнно отказались.

Но мы этого не предвидимъ. Не предвидимъ

также и того, чтобы дворянство могло, такъ сказать, забрать все въ свои руки, и, забравъ, располагать всемъ въ выгодахъ своихъ сословныхъ.

Что дворяне будутъ первенствовать въ Земскомъ Соборѣ, это вѣроятно и, кажется, неизбѣжно. Но чтобы дворянство, какъ сословіе, и слѣдственно представители его въ Соборѣ одушевились всѣ одной мыслію владычества надъ другими сословіями — это для насъ со всѣмъ не доказано.

Приведемъ себѣ на память ходъ крестьянскаго дѣла. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что многіе изъ дворянъ желали освобожденія. Но нельзя также не согласиться, что весьма многіе, можно даже сказать сословіе дворянское, какъ сословіе, смотрѣло на совершающуюся реформу съ нѣкоторымъ негодованіемъ, по крайней мѣрѣ, съ сожалѣніемъ, не говоря уже о тѣхъ ярыхъ крѣпостникахъ, которые предсказывали возстаніе всѣхъ крестьянъ противъ всѣхъ помѣщиковъ. Между тѣмъ что̀ оказалось на опытѣ? Въ губернскихъ комитетахъ разсуждали о дѣлѣ. Многіе дворяне стояли за то, что̀ они называли своимъ правомъ. Но вмѣстѣ съ симъ, въ нѣкоторыхъ изъ губернскихъ комитетовъ, проявилась мысль, которая возторжествовала наконецъ повсемѣстно, о безвозмездномъ освобожденіи личности крѣпостныхъ людей. Даже и мысль объ уступкѣ крестьянамъ ихъ земли, была, говоря вообще, принята

дворянствомъ, за изключеніемъ нѣкоторыхъ упрямыхъ крѣпостниковъ и лицемѣрныхъ англомановъ. Споры происходили частію о величинѣ надѣловъ и особенно о суммѣ выкупныхъ оброковъ. Періодическая пресса — въ то время когда было позволено писать о семъ предметѣ — также представляла довольно утѣшительныхъ признаковъ не только доброхотства, но даже самаго искренняго, честнаго стремленія къ свободѣ крестьянъ. Замѣтимъ еще, что, когда отчаянные крѣпостники, рѣшившись издавать журналъ для своей защиты, не умѣя сами писать, не могли найти порядочнаго редактора для своего журнала — что̀, конечно, не показываетъ того сильнаго вліянія, котораго опасаются отъ дворянскихъ затѣй и предразсудковъ. Наконецъ вспомнимъ мировыхъ посредниковъ. Можно сказать, что счастливая мысль учрежденія мировыхъ посредниковъ какъ бы обезпечила благополучное исполненіе закона объ освобожденіи. Поставивъ посредниковъ въ положеніе самостоятельное, законодатель привлекъ къ должности посредника людей вообще достойныхъ важнаго своего призванія. Было даже замѣчено, что многіе изъ противниковъ освобожденія, сдѣлавшись посредниками, показали себя, въ исполненіи своихъ новыхъ обязанностей, неукоризненными исполнителями закона, защитниками слабыхъ, покровителями несвѣдущихъ и темныхъ. Крестьяне нашли въ нихъ самыхъ лучшихъ, самыхъ полезныхъ совѣт-

никовъ и доброжелателей. Но при семъ случаѣ мы спросимъ: отъ чего такое содѣйствіе къ освобожденію крестьянъ отъ власти дворянъ, отъ чего такое усердіе, отъ чего даже эта пылкость, съ коею иногда посредники-дворяне стояли за крестьянъ, отъ чего все это явилось даже въ тѣхъ изъ людей, кои, прежде, не благопріятствовали освобожденію? Причина сему кроется въ силѣ добра. Что бы ни говорили мизантропы о людяхъ, добро всегда привлекаетъ людей, болѣе или менѣе. Добро являетъ свою силу въ душѣ каждаго человѣка, не утратившаго чувства человѣческаго. Оно оказывается безсильнымъ только при встрѣчѣ съ закоснѣлыми предразсудками, съ натурами погруженными въ омутъ невѣжества и эгоизма.

Тѣ, кои не согласны съ нами въ нашемъ понятіи о Земскомъ Соборѣ, будутъ согласны съ нами въ понятіи о добрѣ, о силѣ добра. Пусть они вспомнятъ объ этихъ мировыхъ посредникахъ, которые, какъ бы вопреки самимъ себѣ, были увлечены къ добру одною силою добра — и пусть это воспоминаніе будетъ для нихъ, какъ для насъ, предвѣстіемъ того, чѣмъ и какъ покажетъ себя русское дворянство въ „Земскомъ Соборѣ.“

Бывъ всегда, теоретически, искреннимъ почитателемъ представительнаго образа правленія, мы однакоже признавали и объявляли, что учрежденіе такаго правленія въ Россіи, созваніе какаго бы то ни было

„Земскаго Собора“, во время существованія рабства, было бы великимъ зломъ для государства. Привиллегированныя сословія никогда, какъ сословія, не отказываются добровольно отъ своихъ привиллегій, и чѣмъ болѣе сіи послѣднія несправедливы, безразсудны, чудовищны, тѣмъ сильнѣе, какъ кажется, сословія держатся за нихъ, тѣмъ отчаяннѣе они ихъ отстаиваютъ. Индивидуальныя изключенія, въ семъ случаѣ, ни чему не помогаютъ, и даже тотъ кто, какъ человѣкъ, презираетъ, ненавидитъ свою привиллегію, будетъ иногда стоять за нее въ качествѣ члена сословія. „Я жилъ и умру въ союзѣ съ моимъ сословіемъ, (my order) не смотря ни на что“, сказалъ однажды либеральный лордъ Грей, давшій Англіи реформу, но защищавшій въ эту минуту какія то отжившія свое время права и преимущества высшей англійской аристократіи.

Но дворянское сословіе въ Россіи, осталось ли оно, какъ сословіе, въ томъ же положеніи, въ которомъ было до 19 Февраля 1861? Этого никто утверждать не можетъ. Самая существенная принадлежность, такъ сказать, вся суть дворянства заключалась въ главнѣйшемъ изъ его правъ и привиллегій, въ правѣ крѣпостномъ. Полное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, уничтоженіе чиновъ, наконецъ равноправіе предъ гражданскимъ и уголовнымъ закономъ — къ чему ведутъ совершающіяся нынѣ реформы — все это, въ гражданскомъ быту, приблизитъ къ дворян-

ству прочія сословія; а славянская натура русскаго человѣка не допуститъ дворянской спѣси и дворянской безразсудности, изгнанной изъ закона, найти пріютъ и утвердиться въ нравахъ, такъ какъ это было и продолжаетъ быть въ Германіи.

И такъ между нами и несогласными въ семъ случаѣ съ нами, вопросъ состоитъ въ томъ: можетъ ли и теперь дворянство быть камнемъ преткновенія при введеніи „Земскаго Собора“, какъ оно было во время крѣпостнаго права? Очевидно, что то, что̀ было прежде, того нѣтъ теперь, и вопросъ, можетъ статься, сходится наконецъ на вопросъ хронологическій.

Но оставляя въ сторонѣ и хронологію и весь споръ нашъ съ тѣми, мнѣніе коихъ оспариваемъ, мы, подъ опасеніемъ повторенія одного и того же, просимъ позволенія представить слѣдующее соображеніе.

Всякое созданіе, въ нравственномъ или въ физическомъ мірѣ, предназначенное для жизни, должно жить или должно двигаться. Для того, чтобы жить, чтобы двигаться, оно должно получить, въ нравственномъ мірѣ оживотвореніе, въ физическомъ — посторонній напоръ. Вселенная, бывъ создана всемогущимъ словомъ, осталась бы неподвижною, если бы не была оживотворена тѣмъ же словомъ. Но если всемогущее слово Творца неба и земли могло все создать и вмѣстѣ всему дать движеніе совершающееся на всегда по непреложнымъ законамъ; то творчество человѣческое

требуетъ, такъ сказать, продолженія безпрестаннаго творчества. Мысль человѣческая ищетъ осуществленія, и найдя его, должна быть поддерживаема, оживляема другими мыслями или приложеніемъ; иначе она заглохнетъ. Матеріальное произведеніе рукъ человѣческихъ требуетъ дѣйствія извнѣ дабы исполнить свое предназначеніе: самая великолѣпная машина осталась бы неподвижною, если бы не получила толчка отъ силы чуждой металлу, изъ котораго она построена. Въ дѣлахъ устройства общественнаго, въ дѣлахъ гражданскихъ, гдѣ творчество законодателя касается какъ до нравственнаго, такъ и до матеріальнаго міра, это творчество, дабы быть плодотворнымъ, не можетъ обойтись безъ содѣйствія извнѣ той сферы, въ которой совершается. Иначе и оно завянетъ, заглохнетъ, и дѣла государственныя, какъ говорится, придутъ въ затишье, въ застой. Поддержка, напоръ, нѣкотораго рода нравственные толчки, необходимы для продолженія гражданской жизни государства во всей ея полнотѣ, во всемъ цвѣтѣ. Для этого архимедовъ рычагъ найдется не въ чемъ иномъ, какъ въ сочувствіи, въ содѣйствіи общества къ общему дѣлу. Не даромъ было сказано, что лучшимъ признакомъ степени гражданскаго образованія народа, служитъ степень его сочувствія къ общественному дѣлу.

Правительство, ограничивающееся въ дѣлахъ государственныхъ самимъ собою, остается болѣе или

менѣе замкнутымъ. Оно можетъ издавать самыя благонамѣренныя узаконенія; но оно не можетъ знать въ точности, какъ сіи узаконенія прилагаются, если народъ не откликается на голосъ его. Императоръ Александръ I, долго былъ увѣренъ, что крестьянъ въ Россіи не продаютъ безъ земли и крайне удивился, получивъ жалобу отъ людей такимъ образомъ проданныхъ. „Продажа людей безъ земли давно уже запрещена закономъ“, писалъ онъ съ негодованіемъ государственному совѣту. Между тѣмъ, въ то же время, на той же дворцовой площади, гдѣ жилъ Государь, продавали съ публичныхъ торговъ женщинъ за два рубля съ полтиной!

Неизъятое отъ слабости человѣческой, правительство, можетъ устать, должно устать, тѣмъ болѣе, что употребляя свой трудъ, свои силы какъ на важные, такъ и на мелкіе предметы, сіи послѣдніе изтощаютъ его силы не менѣе первыхъ. Отъ этой неизвѣстности какъ дѣйствуютъ въ землѣ законы, отъ этой усталости, не далеко до затишья, до застоя.

Есть люди, которымъ этотъ-то именно застой и нравится; такъ какъ есть люди, которые любятъ „въ мутной водѣ ловить рыбу.“ О вкусахъ спорить нельзя. И мы прошли бы мимо сихъ людей, не обращая на нихъ вниманія. Но, къ несчастію, при замкнутости правительства, эти-то именно господа и

откликаются правительству, ихъ-то голосъ и слышится наиболѣе при общемъ молчаніи.

Что нѣкотораго рода застой теперь существуетъ, это очевидно.

Общее дѣло мало занимаетъ частныхъ людей. Объ общемъ дѣлѣ всего менѣе помышляетъ само общество. Оно какъ будто нѣжится въ своей ничтожности, въ своей лѣни, въ своемъ равнодушіи ко всему животворному, спасительному; оно засыпаетъ въ застоѣ. Много ли у насъ людей, посвящающихъ себя изключительно умственнымъ, интеллектуальнымъ занятіямъ? Молодые люди, даже и тѣ кои получаютъ порядочное воспитаніе, съ ранней молодости вступаютъ въ службу. Сколь ни полезна эта служба государству, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ; но она отвлекаетъ людей, болѣе и ранѣе нежели въ какой либо другой странѣ, отъ интеллектуальныхъ занятій; плоды образованія, изъ школы вынесенные, мало по малу изсыхаютъ въ ничтожности практической жизни. Оставляя службу, эти люди слишкомъ часто теряютъ всю свою нравственную силу въ пустотѣ праздной жизни, столь свойственной нашему обществу.

Если наша литература, если наша журналистика не находятся въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, то виноваты въ этомъ не наши писатели и публицисты, которые заслуживаютъ и болѣе вниманія и болѣе

уваженія со стороны читателей, не смотря на то что цензура чинитъ ихъ перья; но виновато общество, которое не любитъ читать, не любитъ особенно читать того, что наиболѣе было бы ему полезно. Мы безпрестанно видимъ въ газетахъ, что въ такомъ-то городѣ, уѣздномъ или губернскомъ, открыта публичная библіотека, но что читателей является весьма мало. Недавно петербургская императорская библіотека открыла залу для чтенія всѣхъ и русскихъ и иностранныхъ журналовъ. А гдѣ читатели? Ихъ еще почти и не видали въ этой залѣ. Разительный примѣръ этаго русскаго равнодушія ко всему интеллектуальному мы видѣли недавно въ Парижѣ. Издатель журнала „Le Nord“, съ большими издержками и пожертвованіями учредилъ читальню для русскихъ. Эта читальня находилась въ самомъ центрѣ города, на бульварѣ, гдѣ наши господа безпрестанно прогуливаются. Въ прилично убранныхъ комнатахъ были разложены всѣ русскіе журналы и значительнѣйшіе изъ иностранныхъ. Казалось бы, русскіе путешественники, люди, какъ извѣстно, образованные, просвѣщенные, охотно разсуждающіе съ иностранцами о всемъ, не изключая и политики, казалось бы, что они удѣлятъ часъ или два времени дабы зайти въ читальню, узнать что дѣлается въ родной землѣ, что дѣлается въ Европѣ. Увы! Два или три читателя являлось ежедневно, и читальня была закрыта, съ

большимъ убыткомъ для хозяина. Между тѣмъ русскихъ считаютъ тысячами въ Парижѣ!

Застой выражается не только въ равнодушіи къ лучшему, къ успѣху; онъ проявляется также въ сохраненіи старыхъ предразсудковъ, старыхъ привычекъ и притомъ самыхъ скверныхъ и предосудительныхъ. Когда имъ лѣнь обратиться къ новому доброму, люди продолжаютъ держаться стараго дурнаго; не принимая новаго, они не отказываются отъ стараго. Давно уже было замѣчено, что для человѣка легче выучиться, нежели отучиться (to learn, than to unlearn, apprendre que désapprendre).

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.“*)

Не есть ли это самое лучшее напутствіе къ успѣху, самое праведное направленіе къ добру, и вмѣстѣ самое разумное поощреніе къ дѣятельности? Не однимъ освобожденнымъ крестьянамъ слѣдовало бы проникнуться глубокимъ смысломъ этаго напутствія.

Прочитавъ нѣкогда со слезами радости и восхищенія эти прекрасныя слова, какъ бы изъ самой души законодателя изтекшія, теперь приходится отъ горя

---

*) Манифестъ 19 Февраля 1861 г.

плакать, видя какъ благой законъ исполняется людьми закоснѣлыми въ застоѣ старыхъ понятій, старыхъ привычекъ. Мы упомянули какъ они усмиряютъ крестьянъ, осѣненныхъ знаменіемъ креста. Здѣсь мы приведемъ примѣръ какъ они ихъ наставляютъ. На какомъ-то уѣздномъ мировомъ съѣздѣ, предсѣдательствовавшій посредникъ приказывалъ крестьянамъ строго исполнять ихъ повинности. „Мы и исполняемъ такъ“, вымолвилъ одинъ крестьянинъ. „Ты разговаривать?“ воскликнулъ предсѣдатель; спросилъ имя мужика и велѣлъ написать въ полицію отношеніе о наказаніи мужика розгами. „Это за излишніе разговоры“, прибавилъ онъ.

Помочь такому положенію общества нельзя иначе какъ посредствомъ самого общества. Надлежитъ открыть всѣ пути для полезной общественной дѣятельности, надлежитъ сдѣлать для честныхъ дѣятелей такую дѣятельность не только безопасною, но выгодною, выгодною въ томъ смыслѣ, чтобы честный дѣятель находилъ награду въ сочувствіи, въ одобреніи общества; надлежитъ дать просторъ умственнымъ силамъ людей, не подчиняя сіи силы силамъ матеріальнымъ, кои по существу своему и грубы и слѣпы; надлежитъ дать ходъ и возможность безпрепятственному развитію всѣхъ нравственныхъ способностей, гдѣ бы и въ комъ бы онѣ ни таились;

надлежитъ, наконецъ, допустить гласность для всего общественнаго, закрѣпивъ тайною и молчаніемъ все частное, личное.

Но какъ наше общество, которое мы находимъ ко всему столь равнодушнымъ, можетъ совершить все то чего мы здѣсь отъ него ожидаемъ?

Мы отвѣчаемъ: посредствомъ „Земскаго Собора“, не только созваннаго самимъ правительствомъ, но и направляемаго, ободряемаго, вспомоществуемаго тѣмъ же правительствомъ.

Можетъ ли какое нибудь иное средство помочь дѣлу? Мы не думаемъ. Мы убѣждены, напротивъ, что, для Россіи, инаго средства не существуетъ.

Есть примѣра два въ новѣйшей исторіи, когда буря и громъ революціи выводили народы изъ нестерпимо худаго положенія и поставляли, если не современниковъ, то, по крайней мѣрѣ, потомство въ положеніе лучшее — но съ какими пожертвованіями, съ какими утратами, съ какими бѣдствіями!

Такіе примѣры, впрочемъ, подражанія которыхъ нельзя совѣтовать никакому народу, остаются вовсе незначительными, безсильными для русскаго народа. Революціи всякаго рода чужды его характеру, его исторіи. Сложившійся изъ микроскопическихъ племенъ, которыхъ даже имена едва помнитъ исторія, русскій

народъ пережилъ и удѣльныхъ князей и татаръ, и самозванцевъ, пережилъ царя Ивана Васильевича, пережилъ Годунова и его вѣковое зло, и отъ всѣхъ бѣдъ только крѣпнулъ въ своей силѣ: онъ выросъ долготерпѣніемъ, и не можетъ измѣнить ни своей природѣ, ни опыту всей своей народной жизни.

Но изъ сего не слѣдуетъ, что Россія должна пребывать неподвижною въ томъ неоспоримомъ застоѣ, на нѣкоторые признаки коего мы указываемъ. Если она не можетъ встать, то она можетъ упасть — хотя и это было бы для нея трудно. И самый этотъ застой, не тотъ не тронутый, густой, вѣковой застой, который существовалъ до вѣчно памятнаго дня 19 Февраля 1861 года. Нѣтъ! Путь къ лучшему, путь къ успѣху открытъ. Вопросъ состоитъ въ томъ: можетъ ли Россія оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ она находится нынѣ: съ своими судами безъ правосудія *), съ своею администраціею, часто превращающеюся въ самую неуклюжую и иногда отвратительную полицію, съ государственными доходами основанными на пьянствѣ, съ общиннымъ владѣніемъ землею, съ университетами, гдѣ половина каѳедръ пусты, съ своею цензурою, разпространяющеюся даже и на проповѣдь Слова Божія, съ отсутствіемъ гласности, съ путями сообщенія безъ дорогъ,

*) Писано въ 1864 г.

съ денежнымъ обращеніемъ безъ денегъ, съ своею табелью о рангахъ, въ силу которой всѣ важнѣйшія дѣла общества и государства предоставляются первымъ тремъ классамъ, какъ будто умъ и способности всего народа заключаются въ этихъ трехъ классахъ, и наконецъ — что также имѣетъ свое значеніе — съ пробуждающимся сознаніемъ такаго хаоса?*)

Если бы Земскій Соборъ, котораго мы желаемъ, не доставилъ Россіи всѣхъ тѣхъ благъ, коихъ мы отъ него, съ вѣрою, ожидаемъ; то онъ спасъ бы ее, по крайней мѣрѣ, отъ застоя. Одно присутствіе Собора въ центрѣ правленія ободритъ — или, если хотите, понудитъ — къ вящшей дѣятельности и министровъ и тѣ безчисленныя коммиссіи, кои теперь занимаются обработаніемъ различныхъ проэктовъ. Одно присутствіе Собора покажетъ и правительству и обществу настоящій ходъ дѣлъ, настоящее положеніе Россіи и тогда непосредственнымъ послѣдствіемъ сего будетъ всеобщее сознаніе пользы и необходимости „Земскаго Собора.“ Въ этомъ мы вполнѣ увѣрены и готовы отвѣчать головою за наше убѣжденіе.**)

---

*) См. примѣчаніе VI.

**) См. примѣчаніе VII.

Мы провели всю жизнь въ непрестанныхъ помышленіяхъ о всевозможномъ и всяческомъ благѣ нашей родной земли. Оглядываясь теперь назадъ, мы находимъ, что за полвѣка предъ симъ, по освобожденіи и умиротвореніи Европы, вездѣ возникло и проявилось новое движеніе умовъ, новыя стремленія, новыя надежды. Того же не могло не быть и въ Россіи, такъ какъ Россія наиболѣе участвовала въ этомъ благотворномъ обновленіи Европы. И у насъ явились тогда новыя надежды, новыя стремленія. Молодость этихъ новыхъ нравственныхъ ощущеній придавала имъ какой-то особенный интересъ, какую-то юношескую прелесть. Но эта же молодость свидѣтельствовала и о ихъ слабости. Теперь не то. Время не даромъ протекло и для Россіи. Думы, воззрѣнія, мнѣнія русскаго общества, болѣе или менѣе, окрѣпли, и, какъ намъ кажется, окрѣпли и созрѣли достаточно для того, чтобы это общество могло принять отъ народолюбиваго царя даръ свободы политической. По этому мы, съ большею увѣренностію нежели за полвѣка, осмѣливаемся говорить о преобразованіяхъ, тогда, если хотите, несвоевременныхъ, нынѣ необходимыхъ.

Во успокоеніе же тѣхъ, кои добросовѣстно или иначе, боятся „Земскаго Собора“, выскажемъ тайную мысль, которую мы желали бы скрыть и отъ самихъ себя, но которая невольно намъ навязывается

и отъ которой мы освободиться не можемъ. Вотъ она: если захотятъ избавиться отъ Земскаго Собора, то не нужно будетъ разгонять его какъ Наполеоны разгоняли свои земскіе соборы. Нашъ, самъ разойдется, какъ, при Екатеринѣ II, разбрелись депутаты собранные для начертанія „Уложенія.“

III. *)

Мысль наша о созваніи „Земскаго Собора“, основывается изключительно на практической необходимости: обсуждая различные предметы государственнаго управленія, вникая въ сущность измѣненій, улучшеній, коихъ неуклонно требуютъ теперь многія отрасли законодательства, мы каждый разъ находили и убѣждались, что такой огромный трудъ, огромный и въ общемъ объемѣ и въ подробностяхъ, можетъ быть совершенъ, подъ благотворнымъ руководствомъ правительства, токмо совокупными силами правительства и народа, т. е. „Земскимъ Соборомъ“, въ которомъ правительственное вліяніе и участіе выразились бы посредствомъ назначенія самою верховною властію одной четвертой или пятой части членовъ Собора.

Но таковое появленіе, среди главнѣйшихъ госу-

---

*) Эта третья глава написана въ 1866 г.

дарственныхъ учрежденій, „Земскаго Собора“, вызываемое и оправдываемое современными требованіями государственнаго быта, и удовлетворяющее симъ требованіямъ, не ограничится, въ благотворномъ своемъ дѣйствіи, однимъ симъ удовлетвореніемъ общихъ, такъ сказать фактическихъ потребностей. Оно будетъ имѣть и другія, въ разныхъ видахъ и степеняхъ весьма важныя и полезныя послѣдствія.

Такимъ образомъ существованіе „Земскаго Собора“ дастъ между прочимъ извѣстное опредѣленное и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу гласности, необходимо здравое направленіе умамъ, мнѣнію общественному. Уже и теперь, при появленіи частныхъ преобразованій, земскихъ учрежденій, устройства судовъ и судопроизводства, пытливые, любознательные умы начали, съ замѣтною настойчивостію и ревностію, устремлять и сосредоточивать свое вниманіе около этихъ благотворныхъ реформъ. Допущеніе нѣкоторой свободы въ печати, много способствовало нравственному развитію общественной мысли въ семъ отношеніи. Дотолѣ, какъ замѣтилъ одинъ журналистъ, умы довольствовались токмо иностранными идеями и излагали ихъ каждый по своему, стараясь чрезъ то проводить свои собственныя воззрѣнія, по необходимости и неточныя и незрѣлыя. Теперь они могли заняться своимъ собственнымъ дѣломъ и начали обсуждать его, съ гораздо большею пользою и для самихъ себя и для

земли. Что же будетъ когда всѣ дѣла, вся сила, вся жизнь народная сосредоточится, такъ сказать, въ Земскомъ Соборѣ, который дастъ цѣль и направленіе всѣмъ и каждому, при благотворномъ свѣтѣ всеобщей гласности! По истинѣ, такая перемѣна справедливо можетъ быть сравнена съ восходомъ солнца, который, прогоняя тьму, даетъ каждому возможность видѣть предметы, коими онъ окруженъ, указываетъ путь, коему онъ желаетъ или можетъ слѣдовать; является тогда въ человѣкѣ и самосознаніе и отчетливая разсудительность: во тьмѣ можно только блуждать, догадываться и неминуемо страшиться странно-образныхъ привидѣній — до чего, въ потемкахъ, не можетъ дойти воображеніе человѣческое! — Свѣтъ даетъ всему свой настоящій видъ, свое значеніе, свой смыслъ.

И у насъ начинаютъ теперь сѣтовать на распространеніе различныхъ болѣе или менѣе неосновательныхъ, странныхъ воззрѣній и началъ, подрывающихъ самыя основы всякой правильной и порядочной гражданской жизни. Если противодѣйствіе этимъ началамъ ограничится простымъ запрещеніемъ, подавленіемъ ихъ; то они, можетъ быть, изчезнутъ на поверхности, снаружи, но вмѣстѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, они углубятся во внутрь, въ тайну, въ мракъ — потемки такъ съ руки всякому заблужденію, всякой неправдѣ! — и тогда, пожалуй, будутъ, если не опасны, то безпокойны. Но выведите неправду и

заблужденіе на свѣтъ божій, заставте блуждающихъ и злонамѣренныхъ оправдывать, предъ судомъ всего свѣта, и свои мнѣнія и свои начала и воззрѣнія, и тогда увидите какъ все это изпарится, изчезнетъ въ соприкосновеніи съ здравымъ смысломъ, съ наукою. Во всякомъ случаѣ дайте исходъ этому пару, этому дыму. Свободный исходъ дыма и пара позволяетъ дѣйствовать паровымъ машинамъ и обусловливаетъ безопасность. Въ приложеніи къ мысли человѣческой — клапанъ, отдушина также необходимы и полезны, какъ и въ паровой машинѣ.

Одна изъ этихъ теорій, на которыя мы здѣсь намекаемъ, отвергая право собственности, есть самая нелѣпая, но вмѣстѣ и по тому самому наименѣе опасная. Право собственности такъ тѣсно соединено съ личностію человѣка, которому оно принадлежитъ, что нападать на имущество значитъ нападать на лице. Всякій человѣкъ постоитъ за себя и всѣ за каждаго. Конечно имущество и слѣдственно собственность могутъ терпѣть ущербъ не прямо, не открытою всеобщею конфискаціею или положительнымъ уничтоженіемъ самаго права собственности; а косвеннымъ образомъ и именно чрезмѣрными расходами государственными, войною, бумажными деньгами и проч. и проч. Но эти бѣдствія, приводя равномѣрно къ разоренію, не касаются до основанія, до начала права собственности.

Скажутъ, что для противодѣйствія нелѣпымъ или опаснымъ теоріямъ должны служить существующіе законы и строгое ихъ исполненіе. Такъ, конечно. Не менѣе того нельзя не согласиться, что сдѣлать приложеніе карательныхъ законовъ ненужнымъ, излишнимъ, было бы весьма хорошо.

Но и самое строгое исполненіе самыхъ строгихъ законоположеній, можетъ ли обѣщать успѣхъ дѣлу т. е. изкорененіе преслѣдуемыхъ мнѣній, вѣрованій и т. п.? Чего не дѣлали у насъ для изкорененія раскола? Къ какимъ средствамъ, даже самымъ ужаснымъ, не прибѣгали въ преслѣдованіи раскольниковъ различныхъ сектъ и толковъ? Между тѣмъ ничто не помѣшало размноженію раскольниковъ. Такъ называемые у насъ нигилисты, на которыхъ теперь такъ сильно жалуются, судя по тому что̀ о нихъ говорятъ и пишутъ, не суть иное что какъ раскольники въ гражданскомъ быту общества, и при томъ они гораздо доступнѣе къ убѣжденіямъ науки и здраваго смысла, нежели, большею частію, темные, ограниченные въ мышленіи, иногда вовсе безграмотные, обыкновенные раскольники. Строгое преслѣдованіе относительно ихъ будетъ также безуспѣшно, какъ было противъ раскольниковъ, между тѣмъ какъ свободная печать, здравое общественное мнѣніе на сей свободѣ печати основанное, обѣщаетъ, въ отношеніи

раскольниковъ - нигилистовъ, несравненно болѣе успѣха.

Заблужденія мысли человѣческой и происходящія отъ того ложныя воззрѣнія и сужденія неизбѣжны во всякомъ обществѣ человѣческомъ, особливо въ моментъ начальнаго развитія и преуспѣянія въ жизни гражданской. Умственная работа человѣка дѣйствуетъ тогда съ особенною напряженностію. Это дѣйствіе получаетъ направленіе болѣе или менѣе сообразное степени образованности людей, ихъ характеру, соотвѣтственное средѣ, обстоятельствамъ, въ которыхъ они находятся и наконецъ даже климату, въ которомъ они живутъ. Все это не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Но мы остановимся изъ изчисляемыхъ нами причинъ умственнаго направленія человѣка на климатѣ. Климатъ дѣйствуетъ на тѣлосложеніе человѣка. Равнымъ образомъ онъ дѣйствуетъ и на разположеніе его духа, на его умъ и, такъ сказать, на процессъ его мысли. Въ южныхъ странахъ человѣкъ проводитъ жизнь на чистомъ воздухѣ, посреди почти всегда живой природы. Солнце грѣетъ его въ холодную погоду. На сѣверѣ, большую часть жизни человѣкъ проводитъ въ заперти. Снѣгъ, въ продолженіе долгой зимы, окружаетъ его, покрывая и поля и горы. Пѣчь грѣетъ его. Разположеніе ума, свойство, характеръ, направленіе мысли, не могутъ быть тѣ же самыя въ сихъ двухъ случаяхъ. На югѣ человѣкъ

болѣе или менѣе развлекается и увлекается природою, посреди которой живетъ и дѣйствуетъ, живою, цвѣтущею обстановкою, которою окруженъ. На сѣверѣ онъ болѣе углубляется въ самого себя. Въ себѣ самомъ человѣкъ ищетъ тогда того, чего не находитъ около себя. Размышленіе, обсужденіе, воображеніе, фантазія, дѣлаются для него источниками, орудіями его нравственной, духовной жизни; въ ней онъ заключается; въ жизни матеріальной нѣтъ довольно простора, гдѣ бы душа его могла, такъ сказать, разпахнуться, гдѣ бы силы душевныя могли найти удовлетвореніе въ дѣйствіи. Отпечатокъ того и другаго положенія видится на всѣхъ произведеніяхъ, на всѣхъ результатахъ дѣятельности человѣческой. Поэзія, наука, искусства, мнѣнія, вѣрованія, однимъ словомъ все, болѣе или менѣе, обусловливается климатомъ. Но мысль человѣческая, какъ кажется, болѣе всего другаго, принимаетъ свой характеръ отъ климата, въ которомъ живетъ человѣкъ. Мысль человѣческая, говоримъ мы, просто человѣческая, а не только мысль образованнаго человѣка. Сѣверные ученые, поэты, художники, имѣютъ конечно свой отпечатокъ. Но и мысль сѣвернаго селянина имѣетъ свой отпечатокъ. Между тѣмъ какъ на югѣ селянинъ увлекается наружною набожностію, процессіями, обожаніемъ мадонны и всякихъ святыхъ, въ чемъ онъ находитъ утѣшительное удовлетвореніе своему рели-

гіозному чувству — селянинъ сѣверный, осужденный, холодомъ, на долгое зимнее заточеніе, ищетъ и долженъ искать этаго удовлетворенія въ самомъ себѣ: онъ читаетъ библію. Вотъ прямая причина нашихъ расколовъ, на которые пора бы намъ обратить христіанское, а не только полицейское вниманіе, оцѣнить ихъ по ихъ внутреннему достоинству, признать то, что́ въ нихъ есть добраго, истинно христіанскаго, указать на то, что есть пустаго, безразсуднаго и иногда даже противнаго духу христіанства. Свобода вѣроисповѣданій поможетъ этому дѣлу болѣе нежели что либо иное.

Такимъ образомъ ограничиваясь здѣсь дѣйствіемъ только климата на нравственное разположеніе ума и характера человѣка, мы убѣждаемся, что у насъ, въ Россіи, однѣ только климатерическія причины требуютъ уже наибольшаго простора для мысли человѣческой. Человѣкъ есть существо мыслящее, сотворенное для мысли. Онъ долженъ, онъ обязанъ мыслить; онъ, можно сказать, осужденъ на мысль. И онъ мыслитъ, и всегда будетъ мыслить. Невозможность свободнаго развитія мысли, давленіе ея, лишеніе средствъ совершенствовать, повѣрять свою мысль, отсутствіе свободы слова, свободы печати, недостатокъ въ пособіяхъ грамотности, науки — все это остановитъ мысль на предметахъ неясныхъ, незначительныхъ, ложныхъ, т. е. приведетъ ее къ заблужденіямъ

всякаго рода; но никогда ее не подавитъ, не уничтожитъ; во тьмѣ, въ невѣжествѣ, въ гражданскихъ и нравственныхъ оковахъ она будетъ высказываться печально, грубо, иногда неистово и безнравственно. Вредныя послѣдствія такаго положенія будутъ для всѣхъ очевидны; но отвратить ихъ, направить умы и сердца на путь истины, возможно ничѣмъ инымъ какъ свободою мысли; и для того необходима свобода слова и печати. Вся мудрость человѣческая, для достиженія такаго блага, никогда не найдетъ инаго средства, какъ общее содѣйствіе дѣлу общему, т. е. въ нашихъ обстоятельствахъ „Земскій Соборъ.“

Замѣтимъ также, что этотъ бо́льшій просторъ, эта бо́льшая свобода слова и печати, о которой мы говоримъ, ни мало, такъ сказать, не обезсилитъ законъ и его исполненіе, ограждающіе порядокъ и благоустройство общественное.

Взгляните на Англію: тамъ существуетъ полная гражданская и политическая свобода; но въ Ирландіи существуютъ феніаны, которые тоже составляютъ нѣкоторый гражданскій расколъ и могутъ походить на нашихъ раскольниковъ-нигилистовъ. Они покрайней мѣрѣ, также какъ сіи послѣдніе, мечтаютъ о коренномъ преобразованіи и государства и самаго общества. Но попытки и усиліи ихъ, несравненно важнѣйшія усилій и попытокъ нашихъ нигилистовъ, или останавливаются или сокрушаются предъ силою

закона, не смотря на всѣ ихъ гражданскія и политическія права, коими они пользуются на ровнѣ со всѣми гражданами. Такимъ образомъ ясно и неоспоримо, что права гражданскія, что свобода политическая не облегчаютъ для людей неблагонамѣренныхъ и заблуждающихся дѣйствія ихъ, противнаго законному, общественному порядку. Можно даже положительно сказать, что свобода слова и печати затрудняетъ ихъ противообщественную дѣятельность. Посмотрите, съ другой стороны, на Испанію, гдѣ политическія строгости и кровавыя преслѣдованія какъ будто только вызываютъ новые безпорядки, новыя покушенія противъ общественнаго спокойствія и тишины, покушенія, которыя, въ свою очередь, побуждаютъ правительство къ новымъ тяжелымъ и кровавымъ мѣрамъ, и всегда безъ малѣйшаго успѣха!

Учрежденіе „Земскаго Собора“ въ Россіи необходимо отзовется и внѣ предѣловъ ея и прямо, непосредственно въ дѣйствіи своемъ на народы единоплеменные и единовѣрные. Эти народы всегда смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на Россію съ сочувствіемъ любви и надежды, ожидая отъ нея улучшенія своего политическаго быта и окончательнаго освобожденія. Но не слѣдуетъ обманывать себя, увлекаться такими стремленіями славянъ и грековъ къ сильному славян-

скому и православному народу: просвѣщенные между ними не могутъ любить и не любятъ всѣхъ русскихъ порядковъ. Россія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, должна, обязана, по совѣсти и по разсчетамъ политическимъ, стараться вести къ тому, чтобы эти народы, въ созерцаніи ея, находили, въ отношеніи къ гражданскому и политическому ея быту, полное оправданіе и удовлетвореніе своихъ инстинктивныхъ стремленій къ ней, чтобы въ судьбахъ русскаго народа они видѣли новыя побужденія, новыя выгоды и пользу пріютить свою свободу, свою независимость подъ ея мощнымъ покровительствомъ. Кто не согласится, что такія отношенія этихъ народовъ къ Россіи и усилятъ и утѣшатъ ее?

Наконецъ нельзя не замѣтить, что устройство представительнаго правленія даже и на тѣхъ началахъ, которыя, повинуясь самой необходимости, мы принимаемъ, возвеличитъ Россію въ глазахъ Европы и возвеличитъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ вѣрнѣе, что въ теперешнюю эпоху представительное начало утратило много своей силы и дѣйствія въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ. Тѣ правительства европейскія, которыя несклонны къ сему началу, необходимо слабѣютъ, хотя сами и воображаютъ, что минутное самовластіе ихъ усиливаетъ. Можетъ статься — и это даже весьма вѣроятно — что нѣкоторые изъ сихъ правительствъ и не могутъ, въ слѣдствіе основныхъ

причинъ своего бытія, не могутъ не противиться правильному развитію представительнаго начала. Бываютъ правительства, которымъ нельзя ужиться съ свободною печатью, съ свободнымъ словомъ. Конечно такія явленія суть изключенія изъ общаго правила и происходятъ отъ повторенныхъ революцій, которыя всегда, болѣе или менѣе, наносятъ вредъ представительству и свободѣ вообще. Какъ бы то ни было, Россія вполнѣ свободна отъ всѣхъ подобныхъ неудобствъ и опасностей. Самодержавный Императоръ можетъ все устроить по своему усмотрѣнію; онъ можетъ дать Россіи и „Земскій Соборъ“ и политическую свободу, не встрѣчая тѣхъ препятствій, которыя представляются правительствамъ иначе устроеннымъ и особенно иначе возникшимъ. Совершившіяся и совершающіяся реформы въ Россіи: преобразованіе арміи, земскія учрежденія, устройство судовъ и судопроизводства, и всего болѣе великолѣпное и святое дѣло освобожденія крестьянъ, возвысили Россію въ глазахъ образованнаго міра и привлекли благословенія всѣхъ честныхъ людей на главу вѣнчаннаго виновника этихъ великихъ благъ. Что же было бы, если бы Европа увидѣла первые лучи политической свободы освѣщающіе Сѣверъ и освѣщающіе въ то время, когда на Западѣ они меркнутъ? Сила нравственная есть также сила и

стòитъ силы матеріальной. Къ гигантской силѣ матеріальной прибавить силу нравственную — вотъ чего, на закатѣ дней моихъ, я отъ всей души и отъ всего сердца желаю для Россіи и для Того, кто освободилъ русскихъ крестьянъ!

IV.

Въ настоящее время, говоря о Россіи, нельзя не говорить вмѣстѣ и о Польшѣ. Кровавое возстаніе имѣло свой конецъ. Кромѣ бѣдствій и ужасовъ, оно имѣло и то печальное дѣйствіе, что пріостановило въ Россіи, или замедлило, развитіе тѣхъ благодѣтельныхъ преобразованій, кои ознаменовали уже царствованіе Александра IIго. Весьма невыгодно эти произшествія подѣйствовали и на экономическое положеніе имперіи, заставивъ правительство вновь усилить армію, вооружить крѣпости, однимъ словомъ приготовиться къ войнѣ.

Польское возстаніе нашло великое сочувствіе во всей Европѣ. Это весьма естественно: люди должны сочувствовать бѣдствіямъ людей; иначе они не были бы людьми. Сильное сочувствіе одной сторонѣ неизбѣжно приводитъ къ несправедливости относительно другой. Самая, въ нашихъ глазахъ,

чувствительная несправедливость отразилась обвиненіями въ жестокости и русскаго правительства и русской арміи, русскихъ генераловъ и проконсуловъ. Жестокость мы почитаемъ самымъ отвратительнымъ порокомъ въ человѣкѣ. Мы ее проклинаемъ, гдѣ бы она не проявлялась; между тѣмъ какъ тѣ, кои смотрятъ на произшествія только съ своей изключительной точки зрѣнія, не видятъ и не хотятъ видѣть, что польскими повстанцами умерщвлено втрое или въ четверо болѣе мирныхъ людей въ городахъ и особенно въ селеніяхъ, нежели сколько разстрѣляно и повѣшено военными русскими судами и проконсулами. Но всматриваясь какъ дѣла человѣческія совершаются на семъ свѣтѣ, что̀ люди дѣлаютъ во время войны, особенно войны междоусобной, мы находимъ, что повсемѣстныя проявленія жестокости вопіютъ наиболѣе противъ несовершенствъ современной сивилизаціи, даже въ народахъ отличающихся образованностію. Въ самомъ дѣлѣ: какъ дѣйствовали англичане во всѣхъ ирландскихъ возстаніяхъ, въ послѣднемъ возстаніи въ Индіи? Что̀ дѣлали австрійцы въ Галиціи и въ Венгріи? Что̀ дѣлали и дѣлаютъ французы въ Алжиріи? *) Однимъ словомъ

*) Тѣ же самые французскіе журналы, которые съ такимъ остервененіемъ нападали на русскихъ солдатъ и генераловъ въ Польшѣ, спокойно разсказываютъ, какъ окруженные

что̀ дѣлаютъ всѣ народы при укрощеніи такъ называемыхъ бунтовъ и всякаго рода возстаній за независимость, за свободу, за вѣру? Вините же, если вы хотите быть справедливыми, если искренно желаете добра людямъ, вините не такой или такой народъ, въ томъ, что̀ равно ненавистно всякому честному человѣку; вините общую человѣческую натуру, вините ту сивилизацію, которой вы такъ гордитесь и величаетесь, и которая — какъ видите — далеко еще не достигла той цѣли, до которой она должна когда нибудь достигнуть и конечно достигнетъ.

Обвиненія ваши противъ русскаго народа до того неудачны, что дѣлаются смѣшными: отличительная черта русскаго человѣка, искупающая многіе недостатки и пороки, есть мягкосердіе, благодушіе; жестокость чужда нравамъ и обычаямъ народнымъ, болѣе, можетъ быть, нежели гдѣ либо. Бѣда въ томъ, что русскаго человѣка мало знаютъ, мало понимаютъ, не только иностранцы, но и сами русскіе и даже, скажемъ съ горестію, само русское правительство.

Отстранивъ такимъ образомъ наиболѣе для насъ

французскимъ войскомъ 500 арабовъ, „ont tous succombés“ и что при семъ было взято въ плѣнъ 400 женщинъ, стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей; или что 56 арабовъ, „faits prisonniers“, были сосланы въ Кайену.

чувствительное обвиненіе противъ русскаго народа, или по крайней мѣрѣ раздѣливъ его на всѣ европейскіе народы, мы приступимъ къ самому дѣлу.

Не отъ насъ, конечно, услышится когда либо и какое либо слово злобы или ненависти противъ несчастливаго, но доблестнаго народа. Мы скажемъ только простую правду, по крайней мѣрѣ что̀ мы почитаемъ правдою, и скажемъ не въ обвиненіе поляковъ, къ чему мы не имѣемъ ни права, ни обязанности, и не въ защиту русскаго правительства, которое въ нашей защитѣ не можетъ имѣть нужды, но просто скажемъ правду для правды.

Всякій народъ, находящійся въ положеніи поляковъ, безъ сомнѣнія, можетъ, не нарушая естественнаго закона, прибѣгнуть къ возстанію для достиженія независимости, принимая на себя отвѣтственность всѣхъ послѣдствій неудачи. Этого было достаточно для нравственнаго оправданія поляковъ предъ собственною совѣстію и предъ свѣтомъ. Имъ было не нужно прибѣгать къ вымыслу какого-то тиранства, которое какъ бы противъ ихъ воли привело ихъ къ возстанію; не нужно уже, потому что это нѐ справедливо. Этаго тиранства не было.*) Въ дока-

*) Это обстоятельство, что возстаніе поляковъ не было вызвано какими либо общими мѣрами угнетенія, тиранства, со стороны русскаго правительства, весьма ясно, просто и

зательство тиранства поляки ссылаются на рекрутскій наборъ не по жребію, не по очереди, а по выбору правительственныхъ лицъ. Но откуда произошла инисіатива этой несчастной мѣры? Государь, видя неуспѣхъ русскихъ намѣстниковъ въ царствѣ, изъ которыхъ въ одного стрѣляли и сильно ранили его, рѣшился послать въ Польшу поляка, и вмѣстѣ послалъ туда собственнаго своего брата, для удобнѣйшаго и успѣшнѣйшаго умиротворенія края. Тутъ ли найдется тиранство? На жизнь и царскаго брата и польскаго правителя были также посягательства. Маркизъ Веліопольскій, человѣкъ, какъ всѣ увѣряютъ, отличнаго ума, дошелъ какъ-то до страннаго убѣжденія, что схвативъ изъ массы народной тысячь пять людей буйныхъ и злонамѣренныхъ, онъ вырветъ съ корнемъ всѣ начала обуявшей тогда Польшу агитаціи. Посему онъ представилъ императору о необходимости произвести наборъ не по вновь предлагаемому закону, а по старому обычаю, когда рекруты назначались мѣстными властями; и такъ какъ мѣстныя начальства отказывались отъ такаго дѣла, то г. Веліопольскій принималъ обязанность выбора рекрутъ на

убѣдительно доказано однимъ безпристрастнымъ англичаниномъ въ „North British Review.“ August 1864, „Russia under Alexander II.“ Вся статья свидѣтельствуетъ не только о безпристрастіи автора, но равно и о знаніи дѣла, о которомъ онъ разсуждаетъ.

самого себя. Государь, какъ слѣдовало ожидать, не согласился на представленіе намѣстника. Новыя представленія со стороны г. Веліопольскаго о необходимости предлагаемой имъ мѣры. Вторичный отказъ отъ императора. Наконецъ, г. Веліопольскій, повторяя свои требованія, объявилъ, что откажется отъ своей должности, если императоръ не утвердитъ требуемой имъ мѣры. Императоръ утвердилъ. Мы не знаемъ причинъ этаго утвержденія. Но намъ кажется, что одно затрудненіе замѣнить г. Веліопольскаго какимъ нибудь другимъ полякомъ, могло уже побудить императора къ сему утвержденію. Обнародованіе сей мѣры было сигналомъ возстанія — но не было его причиною.

Возстаніе приготовлялось издавна и издалека. Первые признаки его оказались въ пѣніи гимновъ въ церквахъ и предъ иконами на улицахъ. Толпы безпрестанно собирались на главной площади столицы. Люди изъ толпы подходили къ неподвижно стоявшимъ въ строю солдатамъ и плевали на нихъ!

На сихъ дняхъ, въ Туринѣ, нѣсколько брошенныхъ камней изъ шумѣвшей толпы, вызвали немедленный залпъ со стороны войска, который однимъ разомъ повалилъ втрое болѣе людей нежели русскіе залпы на варшавской площади. На другой или третій день опять начали бросать камни и другой залпъ повалилъ на землю опять почти столько же людей

какъ и первый. Вотъ какъ справляются съ толпами въ образованной Европѣ!

Г. Веліопольскій, посланный въ Польшу, всегда былъ, въ душѣ, полякъ и не скрывалъ своихъ убѣжденій. Политическія его мнѣнія были извѣстны съ 1848 года. Онъ полагалъ, что поляки, коихъ земля была раздѣлена между тремя державами, могутъ легче, такъ сказать, ужиться съ Россіею, нежели съ Пруссіею или съ Австріею. Въ пользахъ Польши русскій императоръ и царь польскій, не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Прибывъ въ Варшаву г. Веліопольскій началъ съ того, что потребовалъ удаленія изъ царства всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Русскій императоръ и царь польскій согласился. При новомъ устройствѣ школъ, также съ утвержденія императора и царя, изученіе русскаго языка было лишено особенныхъ преимуществъ, кои предоставлялись оному въ сравненіи съ изученіемъ другихъ европейскихъ языковъ; число русскихъ учителей въ польскихъ школахъ было уменьшено. Вполнѣ нехорошаго тутъ было то, что, при введеніи въ дѣйство новаго устава, исполнители сдѣлали такъ, что обученіе русскому языку вовсе изчезло изъ польскихъ школъ. Наконецъ русскій языкъ употреблялся еще въ донесеніяхъ изъ Варшавы въ С. Петербургъ. И это было отмѣнено: донесенія стали писать по польски. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія правительства вели къ полной admini-

стративной автономіи. Мы видѣли въ печати подробную программу законодательныхъ мѣръ для царства польскаго, составленную г. Веліопольскимъ и принятую правительствомъ. Увѣряютъ, что ему было даже обѣщано учрежденіе какаго либо конституціоннаго порядка въ Польшѣ.

Всѣ сіи мѣры, равно и учрежденіе новыхъ высшихъ школъ, и всего болѣе новое устройство мѣстнаго, муниципальнаго управленія со введеніемъ мѣстныхъ выборныхъ совѣтовъ, достаточно, кажется, показываютъ направленіе, въ которомъ правительство дѣйствовало въ царствѣ польскомъ. Иное направленіе, иные пріемы со стороны правительства удержали поляковъ въ тишинѣ и покоѣ даже и во время крымской войны. Мы не удивляемся этому; но только приводимъ это на память слѣпымъ недоброжелателямъ теперешняго русскаго правительства.

Какъ бы то ни было, возстаніе вспыхнуло, и, къ несчастію какъ Россіи такъ и Польши, слишкомъ долго пылало.

Поляки сдѣлали огромную ошибку начавъ возстаніе. Они сдѣлали другую, провозгласивъ своею цѣлію возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года. Такъ какъ они ничего явнаго не предприняли ни противъ Пруссіи, ни противъ Австріи, то намъ нечего говорить о Познани, о Галиціи. Мы ограничимся тѣмъ краемъ, Россіи принадлежащимъ, на который

поляки объявили свое притязаніе и въ которомъ, со стороны высшаго сословія, они нашли сильное содѣйствіе къ достиженію предположенной цѣли возстановленія прежней Польши. Этотъ край составляетъ теперь 9 губерній имперіи. Во главѣ его стоитъ Кіевъ, самая колыбель русскаго государства. Въ краѣ считается 9 мил. жителей, изъ коихъ поляки составляютъ не много болѣе однаго милліона, русскіе 7 мил.; остальное населеніе состоитъ изъ евреевъ, литвиновъ, нѣмцевъ, и т. д. Почти всѣ землевладѣльцы сего края поляки. Въ Кіевской губерніи, однако же, считаютъ около одной четверти русскихъ помѣщиковъ; въ губерніяхъ Витебской и Могилевской есть также значительное число русскихъ помѣщиковъ. Не смотря на всѣ усилія, поляки не могли подвигнуть крестьянъ сего края къ возстанію. *) Это весьма понятно. Не говоря уже о различіи племени и вѣроисповѣданія, эти крестьяне были крѣпостными рабами своихъ помѣщиковъ и питали безъ сомнѣнія къ нимъ тѣ чувства, кои рабы обыкновенно питаютъ къ своимъ владѣтелямъ. И въ какое время поляки призывали крестьянъ къ возстанію противъ русскаго

*) Только нѣкоторые крестьяне католическаго исповѣданія, увлеченные своими ксендзами, приняли участіе въ возстаніи.

правительства? Тогда какъ, на канунѣ, это правительство даровало имъ освобожденіе съ землею!

Очевидно, что мысль о привлеченіи къ польскому возстанію этаго русскаго края не могла имѣть никакаго успѣха. Между тѣмъ эти странныя и неосновательныя притязанія сильно раздражили народъ русскій, особливо когда онъ увидѣлъ, что вся Европа опрокинулась на Россію, требуя отъ нея .... чего? Этого Европа сама не знала, или, по крайней мѣрѣ, никогда ясно и положительно не высказала.

Польскія притязанія на край, о которомъ мы говоримъ, если не оправдываются, то, по крайней мѣрѣ, кое-какъ изъясняются тѣмъ, что этотъ край, конечно искони русскій, былъ, однако же, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ подъ владычествомъ Литвы и Польши.

Но чѣмъ можетъ быть изъяснена эта шумная, задорная, упрямая настойчивость, съ которою и европейская пресса и европейская политика, ратовали за Польшу, не зная, въ самомъ дѣлѣ, за что ратуютъ? Послѣ долгихъ мѣсяцевъ бѣдоваго польскаго возстанія, англійскіе министры, какъ бы спохватились и поставили въ парламентѣ вопросъ: о чемъ дѣло? о царствѣ польскомъ или о русскихъ провинціяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Польшѣ? И не сдѣлавъ никакаго яснаго отвѣта, продолжали свои парламентскія разглагольствованія и дипломатическія филиппики

и получили отвѣтъ, который положилъ конецъ и спорамъ и переговорамъ.

Увлеченіе поляковъ, какъ мы сказали выше, понятно и ошибка ихъ можетъ имѣть нѣкоторое извиненіе.

Но европейскіе писатели, ораторы, публицисты и министры, они, болѣе нежели поляки, могли удержать порывы своихъ желаній; для нихъ легче было остаться въ предѣлахъ умѣренности, быть хладнокровными. Во всякомъ случаѣ ихъ честный, непреложный долгъ былъ: ознакомиться съ дѣломъ, въ пользу коего они ополчались; они должны были сами себѣ отдать отчетъ въ томъ, чего они хотятъ, къ чему стремятся, что̀ защищаютъ, за что̀ ратуютъ. „За Польшу“, скажутъ они. Но за какую Польшу? За царство польское съ $4^1|_2$ мил. жителей? или за царство и за русскія губерніи съ 9 мил. жителей? или наконецъ за небывалую Польшу съ 22 мил. жителей, о какой также мечтали поляки?

Всѣхъ трехъ этихъ Польшъ нельзя защищать одними и тѣми же доводами и аргументами. Аргументы пригодные къ одной изъ сихъ трехъ Польшъ, могутъ быть неудобны для другой или для третьей. Такая безразборчивая, валовая симпатія не могла имѣть ни силы ни дѣйствія. „Qui trop embrasse, mal etreint.“

Но оставшись безполезною, эта симпатія не была ли даже вредною? Она неминуемо долженствовала сдѣлаться пагубною для поляковъ, поддерживая въ нихъ надежды на успѣхъ и, безъ всякаго сомнѣнія, надежды на помощь, которая едва ли была возможна и которой поляки не дождались.

Можетъ быть и тѣ и другіе, и поляки и Европа, невольно были увлечены этимъ призракомъ великой Польши, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, который конечно имѣетъ свою прелесть, грандіозность, но который не долженъ увлекать по крайней мѣрѣ тѣхъ, кои собою, своею кровію, не жертвуютъ для его осуществленія.

Эту непомѣрность польскихъ притязаній, это стремленіе къ возстановленію старой Польши, или даже къ созданію новой, небывалой Польши, иные изъясняли тѣмъ, что желая подвигнуть людей на великое дѣло, надобно указать имъ и на великую цѣль; что тотъ кто не подниметъ пальца для улучшенія муниципальнаго быта своей родины, бросится на смерть для разпространенія и возвеличенія отечества. Было даже высказано мнѣніе, что польское возстаніе въ тридцатыхъ годахъ не удалось особенно по той причинѣ, что возстаніе ограничивалось преобразованіемъ царства польскаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно было создано вѣнскими трактатами, не касаясь иныхъ земель польскихъ.

Но и увлеченія и истолкованіе этихъ увлеченій не могли преодолѣть самой сущности дѣла, въ томъ состоящей, что земля, на которой долженствовало основаться великое польское государство, принадлежала Россіи и что народъ русскій не уступитъ этой земли. Такимъ образомъ созданный въ воображеніи призракъ долженъ былъ изчезнуть и вмѣстѣ съ нимъ всѣ надежды и ожиданія поляковъ и сочувствовавшей имъ Европы. Inde iræ. Тогда посыпались со всѣхъ сторонъ на Россію упреки, обвиненія и даже непростительныя, презрительныя ругательства.

Не эти крики недоброжелательства и злобы могли насъ тронуть. Для насъ было удивительно, странно то, что нѣкоторые люди честные, правдивые, твердо защищающіе права человѣческія, свободу и достоинство человѣческое, стоящіе, въ дѣлахъ Америки, за сѣверъ противъ юга единственно, потому что сѣверъ хочетъ уничтоженія, а югъ сохраненія рабства, что такіе люди, какъ бы отрѣшившись отъ факта, отъ дѣйствительности, не видѣли, не хотѣли видѣть, что въ вопросѣ о бывшихъ польскихъ провинціяхъ, Россіею возвращенныхъ, заключалась участь милліоновъ самыхъ несчастныхъ созданій, людей, которые не желали, не могли желать успѣха польскимъ притязаніямъ. Казалось бы, что этотъ фактъ долженствовалъ, по крайней мѣрѣ, заставить призадуматься честныхъ и правдивыхъ людей, о коихъ мы говоримъ,

заставить ихъ оговориться и умѣрить безусловное ихъ сочувствіе польскому возстанію. Къ сожалѣнію, этой оговорки, этой умѣренности не было. И когда вниманіе ихъ было обращено на этотъ фактъ, что милліоны несчастныхъ людей будутъ жертвою успѣха возстанія, то они прибѣгали къ извѣстному средству всеобщаго голосованія! „Le suffrage universel“, отвѣчали они, можетъ все поправить. И такъ бѣлорусскіе, малороссійскіе крестьяне должны были бы дать голосъ и сказать: хотятъ ли они оставаться русскими или сдѣлаться поляками! Мы вѣримъ въ благія намѣренія, въ искренность такаго отвѣта: но отвѣтъ при всемъ томъ куріозенъ.

Есть, впрочемъ, принципій, вопросъ, который возвышается надъ всѣми вопросами: политики, національности, вѣроисповѣданія. Это вопросъ чисто человѣческій. Къ разрѣшенію сего-то вопроса прежде всего надлежитъ стремиться. Это разрѣшеніе можетъ состоять только въ томъ, что крестьяне 9ти губерній, составляющіе огромное большинство народонаселенія края, бывъ, въ продолженіе вѣковъ, жертвами самаго тяжкаго, невыносимаго рабства и необузданнаго своеволія своихъ польскихъ помѣщиковъ, должны наконецъ отдохнуть, возродиться къ новой жизни подъ властію того правительства, которое даровало имъ свободу и землю!

Недоброжелательство къ Россіи проглядываетъ и

теперь въ европейской прессѣ. Въ то время какъ мы пишемъ эти строки, французскіе журналы сообщаютъ новыя постановленія вышедшія въ царствѣ польскомъ касательно устройства учебныхъ заведеній, и находятъ въ нихъ разныя направленія и къ тому и къ другому, къ угнетенію польской національности, къ принудительному введенію русскаго языка, и т. д. Между тѣмъ и цѣль и средства къ достиженію оной изъяснены правительствомъ весьма ясно и просто: „Не позволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было (сказано между прочимъ въ рескриптѣ о народномъ образованіи), превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія.“

Это дѣло поручено императоромъ человѣку, одаренному государственнымъ умомъ и вмѣстѣ возвышеннымъ характеромъ. Вникая въ сущность дѣла, онъ нашелъ, что различные уставы по учебной части въ царствѣ польскомъ носили на себѣ отпечатокъ различныхъ направленій. При первоначальномъ устройствѣ царства, во времена Императора Александра I^го^, было принято правиломъ оставить учебную часть такъ какъ она тогда существовала. Вышло на дѣлѣ, что учебная часть очутилась если не въ изключительномъ

вѣденіи, то, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ и руководствомъ духовенства. Это было признано неудобнымъ. Въ послѣдствіи устройство школъ клонилось къ преобладанію или русскаго или польскаго элемента. И то и другое направленіе также оказались неудобными и несостоятельными. Опираясь на такой опытъ, человѣкъ, коему было поручено это дѣло, понялъ (чего — скажемъ мимоходомъ — венгерцы никогда понять не могли), что всего проще предоставить всѣмъ народностямъ или національностямъ равный просторъ въ дѣлѣ образованія. Четверть населенія въ царствѣ не принадлежитъ къ польскому племени и состоитъ изъ евреевъ, нѣмцевъ, русскихъ, литвиновъ. Для каждой народности учреждаются школы, которыя, подъ общимъ покровительствомъ и надзоромъ центральнаго управленія въ царствѣ, остаются въ вѣденіи каждой изъ національностей по принадлежности. Въ польскихъ школахъ, для желающихъ, допускается изученіе русскаго языка и русской словесности; въ русскихъ, изученіе польскаго языка, и т. д. Скажутъ, что такимъ уравновѣсіемъ различныхъ національностей, ослабляется вліяніе главной по числу польской національности. Если это, по мнѣнію иныхъ, составляетъ какой нибудь недостатокъ, то онъ вполнѣ вознаграждается тою пользою, которая произойдетъ отъ совмѣстничества различныхъ національностей въ дѣлѣ образованія, особливо отъ

простора, который дается нѣмецкому элементу. Уставъ, въ семъ случаѣ, именно ссылается на превосходную нѣмецкую школу Св. Петра въ С. Петербургѣ, въ которой не одни нѣмцы, но и многіе русскіе получили весьма хорошее, солидное образованіе. Не забудемъ также, что учреждаемый университетъ въ Варшавѣ и другія высшія спеціальныя школы, останутся наиболѣе принадлежностію польскаго племени, какъ самаго многочисленнаго.

Въ новомъ уставѣ мы, между прочимъ, видимъ, что возстановляются женскія школы, которыя оказались весьма полезными. Онѣ были учреждены честнымъ и благороднымъ княземъ Горчаковымъ, при которомъ появилась польская агитація, и были уничтожены г. Веліопольскимъ. Уничтожая эти школы, г. Веліопольскій объявилъ, что польская женщина должна быть воспитываема только въ монастырѣ.

Между дѣяніями русскаго императора и царя польскаго мы встрѣчаемъ одно, которое блеститъ особеннымъ свѣтомъ чистаго добра: освобожденіе польскихъ крестьянъ и надѣленіе ихъ землею.

Три милліона крестьянъ — большинство населенія въ царствѣ — изъ несчастныхъ илотовъ сдѣлались гражданами и владѣльцами земли! Такое благодѣяніе, покрывая все, многое искупаетъ.

Объ этомъ дѣлѣ, сколько мы могли замѣтить, европейская пресса мало толковала: надобно было

бы хвалить — предпочли молчать. Только изрѣдка проявляются кое-какіе критики обвиняющіе русское правительство въ какихъ-то соціалистическихъ направленіяхъ. Если добро и правду хотятъ называть соціализмомъ, то пусть называютъ: отъ того и добро и правда не утратятъ ни своей цѣны, ни своей пользы.

Иные говорятъ, что русское правительство прибѣгло къ этой эмансипаціи для потушенія мятежа. Нѣтъ сомнѣнія, что эмансипація положила рѣшительный конецъ уже утихавшему возстанію и сдѣлала всякое возстаніе невозможнымъ, по крайней мѣрѣ на долгія времена. Но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы она была предпринята исключительно съ этою цѣлію; доказательствомъ сему служитъ, что немедленно по освобожденіи крестьянъ въ Россіи, русское правительство обратило вниманіе на освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ. Уже тогда были составляемы по сему предмету, въ Варшавѣ, различные проэкты. Самое польское земледѣльческое общество рѣшилось заняться этимъ дѣломъ для того, чтобы отнять его изъ рукъ правительства. Инисіатива правительства не имѣла успѣха: обстоятельства, можетъ быть, были тогда не совсѣмъ благопріятны, по причинѣ тайнаго и явнаго сопротивленія видамъ правительства со стороны поляковъ, патріотовъ и помѣщиковъ, пріобрѣвшихъ наконецъ для себя органъ въ земледѣль-

ческомъ обществѣ, хотя мы не можемъ допустить, чтобы какія либо обстоятельства долженствовали или могли бы препятствовать совершенію столь праведнаго дѣла. Можетъ быть орудія, коими правительство разполагало тогда въ Польшѣ, не соотвѣтствовали важности и трудности исполненія благихъ его преднамѣреній.

Какъ бы то ни было, святое дѣло освобожденія и надѣленія крестьянъ землею совершилось, и совершилось скоро, тихо и съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Тѣ же честные, разумные и просвѣщенные люди и во главѣ ихъ тотъ же государственный мужъ, о которомъ мы упомянули выше, тѣ же, кои наиболѣе участвовали въ составленіи „Положеній“ 19го Февраля 1861 года, совершили и этотъ трудъ, трудъ славный для Россіи, благодѣтельный для человѣчества.

Если бы мы находили, что настоящее, справедливое освобожденіе крестьянъ польскихъ могло совершиться иначе и такъ, чтобы оно могло умѣрить жалобы и порицанія противниковъ; то ничто на свѣтѣ не могло бы заставить насъ говорить такъ, какъ мы здѣсь говоримъ. Но нѣтъ! Задуманное здраво, честно, справедливо, это великое дѣло и исполнено въ томъ же смыслѣ. Мы не скажемъ, что мы гордимся, но конечно намъ позволятъ сказать: мы радуемся, что это дѣло было совершено русскимъ царемъ и русскими людьми. Тѣ, кои потерпѣли въ

интересахъ своихъ, могутъ быть недовольны: это понятно. Но непонятно какъ люди посторонные, вообще въ мнѣніяхъ своихъ либеральные, встрѣтили эту реформу лишь токмо пустыми декламаціями о соціализмѣ и т. п., не взявъ и не желая взять на себя труда познакомиться съ дѣломъ.

Преобразованіе быта крестьянъ въ царствѣ польскомъ мы называемъ эмансипаціею, хотя эти крестьяне имѣли уже по закону личную свободу; но на самомъ дѣлѣ положеніе ихъ едва ли чѣмъ отличалось отъ положенія крестьянъ крѣпостныхъ. Въ старину, польскіе крестьяне, такъ какъ и русскіе, будучи крѣпостными, имѣли свое имущество: скотъ, орудія, домъ, въ которомъ жили; все это они почитали своимъ добромъ и рѣдко встрѣчались помѣщики, которые лишали бы ихъ этой собственности. Но, вскорѣ по объявленіи личной свободы для польскихъ крестьянъ, декретомъ Наполеона и введеніемъ въ Польшѣ гражданскаго уложенія (Code civil), вышелъ эдиктъ саксонскаго короля, герцога варшавскаго, въ силу коего все крестьянское имущество было объявлено принадлежащимъ помѣщику. Пресловутая патріархальная юрисдикція (Patrimonial-Gerichtsbarkeit), которая живетъ еще и по сію пору въ Мекленбургѣ, и отъ которой теперь крестьяне бѣгутъ въ сосѣднія земли, чрезъ что помѣщики лишаются необходимыхъ рукъ для обработыванія земли, эта бѣдовая юрисдикція

процвѣтала вполнѣ въ герцогствѣ варшавскомъ и по томъ въ царствѣ польскомъ. Помѣщикъ имѣнія былъ вмѣстѣ и войтомъ, администраторомъ сельскаго общества; онъ же былъ и судьею 1й инстанціи, онъ и полицмейстеромъ съ правомъ наказывать крестьянъ розгами или палками. Мало по малу помѣщики нашли выгоднымъ для себя уменьшать и вовсе уничтожать крестьянскіе надѣлы землею и присоединять землю къ своей экономіи, обращая такимъ образомъ хазяевъ въ простыхъ работниковъ, въ батраковъ, въ пролетаріевъ. Въ 1846 году императоръ Николай I, особымъ указомъ, запретилъ помѣщикамъ отнимать у крестьянъ землю или сгонять ихъ съ земли. Этотъ указъ не былъ исполненъ. Польская администрація, различными истолкованіями и ухищреніями, сдѣлала такъ, что указъ остался мертвымъ словомъ, не смотря на то, что предписаніе императора было весьма ясно и твердо. Во главѣ этой администраціи, конечно, стоялъ русскій намѣстникъ; но окружавшіе его чиновники были поляки, преданные не крестьянскимъ, а шляхетскимъ интересамъ. Отнятіе земли у бѣдныхъ крестьянъ продолжалось по прежнему, такъ что, наконецъ, изъ трехъ милліоновъ съ половиною, оказалось 1 мил. 300 тысячь крестьянъ безземельныхъ, пролетаріевъ.

Освобожденіе крестьянъ въ царствѣ польскомъ,

въ основныхъ началахъ, соотвѣтствуетъ освобожденію въ Россіи. Какъ въ Россіи, польскіе крестьяне получаютъ въ собственность землю, на которой они живутъ, которою пользуются. Управленіе и судъ ввѣряется лицамъ избраннымъ самими крестьянами. Помѣщики получаютъ уплату за крестьянскую землю посредствомъ ликвидаціонныхъ 4^{хъ} процентныхъ листовъ, которые должны быть погашены въ продолженіе 42 лѣтъ. Но въ приложеніи основныхъ началъ является значительная разница между русскимъ и польскимъ освобожденіемъ.

Въ Россіи вся сумма выкупа земли падаетъ исключительно на крестьянъ, которые обязаны платить тяжелый выкупной оброкъ въ продолженіе 49 лѣтъ. Въ Польшѣ, для выкупа, возвышаются нынѣ существующіе окладные налоги съ недвижимой собственности, за изключеніемъ крестьянской; сверхъ сего, для того же выкупа, будетъ продана часть коронныхъ имуществъ. Чтожь касается до крестьянъ, то они будутъ впредь платить вдвое болѣе противъ того, что̀ они платили прежде въ видѣ податей и налоговъ государственныхъ и мѣстныхъ (гминныхъ). Такимъ образомъ и крестьяне будутъ содѣйствовать къ составленію выкупнаго капитала.

Другая разница между русскимъ и польскимъ освобожденіемъ является въ приложеніи начала сель-

скаго самоуправленія. Въ Россіи помѣщики, лишившись крѣпостнаго права на крестьянъ, не утратили другихъ своихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Дворянское сословіе осталось сословіемъ, съ своими избираемыми предводителями, своими собраніями, и вообще съ прежнимъ сословнымъ устройствомъ. Въ слѣдствіе сего, при введеніи сельскаго самоуправленія, сіе послѣднее было только крестьянскимъ самоуправленіемъ, такъ какъ и сельскіе суды были изключительно крестьянскими судами. Помѣщики, имѣя свое сословное устройство, не могли подлежать вѣденію ни сельскаго управленія, ни сельскаго суда.

Въ царствѣ польскомъ всѣ права и преимущества помѣщиковъ сосредоточивались и заключались въ ихъ помѣщичьей власти. Не имѣя ни того устройства, ни тѣхъ сословныхъ правъ и преимуществъ, коими пользуются русскіе помѣщики, землевладѣльцы въ Польшѣ должны были неминуемо вступить въ общій составъ земства, подчиниться и управленію и суду сельскому. Самоуправленіе, въ царствѣ, относится ко всѣмъ обывателямъ сельскаго общества. Къ изключенію помѣщиковъ изъ вѣдомства властей муниципальныхъ, не было никакаго повода, ни даже возможности.

Изъ различныхъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ

польскаго освобожденія, особеннаго вниманія заслуживаютъ два слѣдующія.

Новый законъ предоставляетъ освобожденнымъ крестьянамъ право продолжать пользоваться тѣми льготами относительно пастбища для ихъ скота въ лѣсахъ помѣщика, и относительно лѣса для строенія и для топлива, коими они пользовались доселѣ, впредь — прибавляетъ законъ — до окончательнаго и рѣшительнаго соглашенія между помѣщикомъ и крестьянами о сихъ льготахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такія льготы весьма неудобны и могутъ быть обременительны для помѣщиковъ. Но не упоминая о томъ, что помѣщики подвергались же симъ неудобствамъ прежде, мы спрашиваемъ: какъ лишить крестьянъ возможности пасти свой скотъ тамъ, гдѣ они его пасли прежде, и получать лѣсъ и дрова оттуда откуда они прежде получали? Иныхъ полей для пастбищъ, иныхъ лѣсовъ для строенія и для дровъ, состоящихъ впрочемъ, по большей части въ валежникѣ, они не имѣютъ. Оградить вполнѣ и немедленно помѣщичьи права въ семъ отношеніи, было бы лишить крестьянъ самыхъ необходимыхъ средствъ существованія, или привести ихъ въ новыя обязательныя отношенія въ родѣ тѣхъ, отъ которыхъ они только что избавились. Обоюдныя выгоды крестьянъ и помѣщиковъ, равно какъ и выгоды самой адми-

страціи, побудятъ всѣхъ вытти изъ такаго натянутаго положенія и опредѣлить однажды на всегда, по общему соглашенію, взаимныя права и обязанности обѣихъ сторонъ.*)

Другое возраженіе касается возвращенія крестьянамъ земли, которой они были лишены вопреки указу 1846 года. Число обезземеленныхъ крестьянъ, какъ мы видѣли выше, простирается до 1 милл. 300 тысячъ. Не всѣ земли противузаконно отнятыя у крестьянъ съ 1846 года, поступили въ экономію помѣщика; есть и такія, которыя, бывъ противозаконно отняты у однаго крестьянина, были переданы другому. Нѣкоторые участки были отнимаемы и передаваемы нѣсколько разъ. Такимъ образомъ на одинъ и тотъ же участокъ можетъ явиться два и болѣе претендентовъ; и такъ какъ настоящій владѣлецъ удерживаетъ участокъ за собою, то всѣ прочіе будутъ требовать

---

*) Мы видимъ, что даже крестьянамъ, которые жили доселѣ подъ лифляндскимъ положеніемъ 1819 года, именно крестьянамъ острова Эзеля, получающимъ теперь новое образованіе для ихъ быта, весьма скудное истинными улучшеніями сего послѣдняго и весьма мало похожее на „Положенія“ крестьянскія въ Россіи и въ Польшѣ, даже и такимъ мало покровительствуемымъ крестьянамъ сохраняется прежнее право пастбища на помѣщичьихъ выгонахъ и пользованіе помѣщичьимъ лѣсомъ.

вознагражденія отъ помѣщика. „Учредительный комитетъ“, конечно, не оставитъ разъяснить и разрѣшить встрѣчающихся здѣсь недоумѣній и затрудненій съ обычною его справедливостію. При всемъ желаніи правительства обезпечить крестьянъ землею, оно не можетъ надѣяться всѣхъ пролетаріевъ сдѣлать собственниками. Оно оставляетъ многихъ изъ нихъ въ ихъ теперешнемъ положеніи, особенно тѣхъ, кои, съ землею, были лишены жилищъ своихъ и живутъ въ какихъ то казармахъ, помѣщиками для нихъ построенныхъ. Между тѣмъ правительство заботится, однако же, о поселеніи пролетаріевъ на казенныхъ земляхъ.

Что касается до возраженій общихъ, поверхностныхъ, указывающихъ на какое-то особенное пристрастіе русскаго правительства въ пользу крестьянъ и на какое-то особенное недоброжелательство противъ помѣщиковъ, то такія возраженія опровергаются, между прочимъ, цифрою оцѣнки личныхъ повинностей крестьянъ, ихъ работы на помѣщика: между тѣмъ какъ при надѣленіи крестьянъ землею въ Галиціи и при изчисленіи вознагражденія помѣщику за сію землю, день работы пѣшаго крестьянина опредѣляется въ 3 коп. сер., а день работы крестьянина съ парой лошадей или воловъ въ 15 коп., — въ царствѣ польскомъ пѣшій день. оцѣнивается отъ $7^1|_2$ до 12 коп., а день съ упряжью однопарною отъ 30 до 45 коп.

Сверхъ сего, изчисленная, на основаніи выше упомянутой низкой оцѣнки, выкупная сумма дѣлилась, въ Галиціи, на три части, изъ коихъ одна только треть падала на крестьянина — и онъ обязывался выплатить ее помѣщику; вторая треть уплачивалась помѣщику правительствомъ или земствомъ посредствомъ облигацій; послѣдняя же треть падала на самого помѣщика, т. е. онъ терялъ ее. Въ Познани, такъ, какъ и во всей Пруссіи, крестьяне получили, безвозмездно, свои усадьбы и половину или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, двѣ трети земли, коею они пользовались, съ правомъ выкупа другой половины или остальной трети. Изъ сего явствуетъ, что помѣщики царства польскаго нашлись въ гораздо лучшемъ положеніи, въ отношеніи надѣленія крестьянъ землею, нежели помѣщики галицкіе и даже познанскіе.

Исполненіе новаго положенія было ввѣрено русскимъ людямъ. Царство польское находится теперь въ осадномъ положеніи. Мало по малу правительство было приведено къ необходимости возложить почти изключительно самое управленіе краемъ на военныхъ людей. Во всякомъ случаѣ невозможно было ожидать отъ самихъ поляковъ дворянскаго и шляхетскаго сословія особеннаго сочувствія къ предпринимаемому преобразованію; нельзя было надѣяться найти между ними усердныхъ исполнителей въ семъ дѣлѣ. Въ слѣдствіе сего были вызваны изъ Россіи люди извѣстные

не только по своему образу мыслей въ семъ отношеніи, но и по нравственнымъ качествамъ и умственнымъ способностямъ. Многіе молодые офицеры изъ войскъ, въ Польшѣ разположенныхъ, приняли участіе въ дѣлѣ и чистымъ усердіемъ, неутомимымъ трудомъ содѣйствовали къ достиженію цѣли. „Идите на трудъ“ — говорилъ всѣмъ этимъ честнымъ дѣятелямъ, тотъ кто управлялъ ходомъ дѣла — „идите на трудъ и дѣйствуйте такъ, чтобы въ позднемъ потомствѣ, когда, можетъ быть, и русскихъ вовсе не будетъ въ Польшѣ, сохранилась въ народѣ память, что когда то русскій царь прислалъ въ страну русскихъ людей, которые, по велѣнію его, дали крестьянамъ землю и свободу.“

Можетъ быть такія инструкціи покажутся странными, необыкновенными для тѣхъ, кои такъ охотно разглагольствуютъ противъ Россіи. Правда, и слова и смыслъ совѣта даннаго исполнителямъ по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ, далеко отступаютъ отъ обыкновенныхъ совѣтовъ и наставленій, даваемыхъ лицамъ дѣйствующимъ въ завоеванныхъ странахъ — хотя бы, напримѣръ, отъ совѣтовъ и наставленій, которые давалъ, въ сферахъ конечно несравненно высшихъ, императоръ Наполеонъ своему брату Неаполитанскому королю Іосифу.

Но дѣло въ томъ что все что́ было предпринято и совершено въ Польшѣ касательно освобожденія крестьянъ, было, какъ мы уже сказали, и пред-

принято и исполнено честно, мудро и, по сію пору, удачно. Крестьяне оказываютъ неограниченное довѣріе къ русскимъ людямъ, приводящимъ въ исполненіе новыя „положенія.“ Выборы со стороны крестьянъ были, вообще, удовлетворительны. Изъ среды своей они избирали крестьянъ пользующихся въ ихъ сельскихъ обществахъ почетомъ и уваженіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне избирали въ должность войта прежнихъ владѣльцевъ; въ другихъ мѣстахъ избраны бывшіе управители имѣній. Большинство выборовъ пало, конечно, на крестьянъ.

Это освобожденіе польскихъ крестьянъ, взятое само по себѣ, въ отдѣльности, независимо отъ всѣхъ окружающихъ его обстоятельствъ, отъ всѣхъ современныхъ произшествій, есть, неоспоримо, дѣло великое и праведное, и соотвѣтствуетъ выгодамъ человѣчества; оно, можетъ быть, окажется въ послѣдствіи болѣе благотворнымъ для поляковъ вообще, нежели сколько они теперь полагаютъ.*) Не менѣе того общее

*) И теперь нѣкоторые просвѣщенные поляки признаютъ великую пользу освобожденія крестьянъ. Въ процессѣ познанскихъ поляковъ, одинъ изъ подсудимыхъ, г. Нѣголевскій, членъ прусской палаты депутатовъ, въ отвѣтахъ судьѣ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Je me felicite d'avoir pris part à une lutte qui a amené, en fin de compte, l'émancipation des paysans du royaume de Pologne et de la Galicie, reclamée en-vain depuis tant d'années par la noblesse.“

положеніе страны бѣдственно, горестно. Мы никогда не рѣшились бы разсуждать о Польшѣ при такомъ ея положеніи, предлагать наши мысли о дальнѣйшихъ судьбахъ страны — предоставляя это изключительно самимъ полякамъ — еслибъ судьбы Польши не были теперь связаны съ судьбами Россіи. Мы можемъ и намѣрены говорить о Польшѣ только въ отношеніи ея къ Россіи. Поляки имѣютъ свои собственныя воззрѣнія на судьбы ихъ земли, свои желанія, свои стремленія и надежды. Наши желанія, стремленія, ограничиваются только Россіею, даже и относительно къ Польшѣ. Однимъ словомъ, говоря о судьбахъ Россіи, мы принуждены говорить о Польшѣ, имѣвшей всегда, а теперь болѣе нежели когда либо, положительное вліяніе на судьбы нашей земли.

Такъ какъ мы для Россіи, такъ точно и поляки для Польши могутъ желать всѣхъ возможныхъ благъ. Поляки желаютъ независимости Польши, или всѣхъ тѣхъ земель, кои они почитаютъ Польшею, т. е. независимости не только царства польскаго, но и 9ти губерній, которыя находились прежде подъ польскимъ владычествомъ. Россія признаетъ эти губерніи искон-

---

(„Le Temps“ 8 sept. 64.) Не знаемъ не ошибкою ли переводчика упомянута здѣсь Галиція, гдѣ крестьяне освобождены съ землею уже въ 1849 году. Чтожь касается до давнишняго желанія дворянства, касательно освобожденія крестьянскаго, то мы скажемъ только: тѣмъ лучше!

нымъ русскимъ краемъ и никогда никому ихъ не уступитъ. Царство польское, соединенное съ имперіею, находится къ русскому правительству въ иныхъ отношеніяхъ нежели сіи губерніи. Россія, говоря о Польшѣ, разумѣетъ это царство польское и не что иное. По тому и мы будемъ говорить только о царствѣ польскомъ изключительно.

Польское царство возникло, какъ извѣстно, въ слѣдствіе вѣнскихъ трактатовъ. Россія завоевала герцогство Варшавское и ея войско занимало эту страну, когда открылся вѣнскій конгрессъ. Императоръ Александръ I[й] могъ просто присоединить герцогство къ имперіи, образовавъ его въ видѣ русскихъ губерній. Другія державы, признавъ завоеваніе, не могли бы воспротивиться такому простому присоединенію. Онѣ и не противились. Далеко отъ того, видя, что императоръ намѣревался возстановить имя Польши и дать новому царству конституцію, онѣ находили, что такія мѣры будутъ весьма неблагопріятны для двухъ другихъ державъ, владѣющихъ каждая своею частію бывшаго польскаго королевства. Въ этомъ смыслѣ были дѣлаемы представленія императору Александру не только со стороны сихъ двухъ державъ, но даже и со стороны Англіи, ея уполномоченнымъ на конгрессѣ лордомъ Кастлере, который тогда вполнѣ раздѣлялъ всѣ мнѣнія и воззрѣнія князя Меттерниха. Все, что послѣ было говорено въ парламентѣ, не

можетъ опровергнуть истины того что̀ мы здѣсь означаемъ и что́ подтверждается записками брата лорда Кастлере, лорда Стюарта, тогдашняго посла при вѣнскомъ дворѣ. Австрія, Пруссія, Англія совѣтовали императору скорѣе просто присоединить герцогство къ Россіи, нежели возстановлять Польшу и возстановлять съ конституціею.

Какъ бы то ни было, вѣнскіе трактаты рѣшили, что герцогство Варшавское будетъ принадлежать Россіи, подъ имянемъ царства польскаго съ особенными конституціонными учрежденіями. Каковы именно должны быть эти учрежденія, этого не было изъяснено: все, въ семъ отношеніи, оставалось въ произволеніи императора Александра, такъ что когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императоръ даровалъ Польшѣ извѣстную конституцію, сія послѣдняя не была даже сообщена союзнымъ державамъ.

Эта конституція, данная, очевидно, единственно и даже изключительно по волѣ императора Александра, но при всемъ томъ, если не предопредѣленная, то упомянутая въ постановленіяхъ конгресса, могла ли она быть уничтожена русскимъ императоромъ въ слѣдствіе народнаго возстанія въ тридцатыхъ годахъ, возстанія, окончившагося новымъ завоеваніемъ Польши?

Русское правительство утверждало, что возстаніе

уничтожило конституцію и что завоеватель можетъ дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію.

Англійскій кабинетъ и, можетъ быть, другіе, утверждали, что конституція данная Польшѣ Александромъ, остается обязательною и для его преемника, не смотря на возстаніе и войну.

Мы, съ своей стороны, всегда признавали и признаемъ, что есть на свѣтѣ неотъемлемыя человѣческія права, которыя всегда долженствовали бы оставаться неотъемлемыми, не смотря на завоеваніе, на два, на три завоеванія. Къ несчастію, мы не то видимъ на опытѣ, и самое „народное право“, теорія коего основывается какъ на законѣ естественномъ, такъ и на здравыхъ логическихъ соображеніяхъ, изъ опыта почерпнутыхъ, самое народное право не даетъ намъ яснаго, рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Выводы могутъ быть дѣлаемы и pro и contra, и первые по крайней мѣрѣ равносильны послѣднимъ.

Между тѣмъ послѣднія произшествія въ Америкѣ представляютъ нѣкоторыя указанія по сему вопросу. По усмиреніи южнаго возстанія, многіе изъ замѣчательнѣйшихъ людей Сѣвера, и, между ними знаменитый сенаторъ Сомнеръ, предлагали: объявить всѣ бунтовавшіе штаты простыми территоріями, т. е. низвергнуть ихъ частныя или мѣстныя конституціи и приступить къ начертанію новыхъ конституцій, кои должны быть разсматриваемы и утверждаемы кон-

грессомъ. Ораторы, въ различныхъ митингахъ по сему предмету, вообще признавали и провозглашали, что война, послѣдовавшая за возстаніемъ, дала побѣдителю полное право уничтожить прежнія конституціи покоренныхъ штатовъ, и вообще подчинила ихъ вполнѣ произволу завоевателя.*) Дѣйствія президента Соединенныхъ Штатовъ согласуются съ симъ началомъ и конституціи южныхъ штатовъ уничтожаются, измѣняются, передѣлываются по указаніямъ президента. — Почему лордъ Пальмерстонъ, требовавшій возстановленія польской конституціи послѣ возстанія въ тридцатыхъ годахъ, равно какъ и во время послѣдняго возстанія, почему благородный лордъ, признавъ Южные Штаты воюющею державою (belligerent), не обратилъ такихъ же требованій къ американскому кабинету въ пользу сохраненія или возстановленія конституцій этихъ Южныхъ Штатовъ?

Во всякомъ случаѣ русское правительство не было, конечно, лишено довольно полновѣсныхъ аргументовъ для защиты своего мнѣнія, аргументовъ, разумѣется, того рода, которые обыкновенно употребляются въ международныхъ, дипломатическихъ негоціаціяхъ. По этому мы были нѣсколько изумлены, увидѣвъ какъ легко русскій кабинетъ отступилъ отъ

---

*) См. между прочимъ Anty-Slavery Standard. 1го Іюля 1865 г. Прибавлено въ 1865 г.

начала, провозглашеннаго въ тридцатыхъ годахъ. Но изумившись, мы немедленно нашли, что признавъ для себя обязательными постановленія вѣнскаго конгресса, не смотря на польское возстаніе и новое завоеваніе Польши въ 30^хъ^ годахъ, этотъ кабинетъ тѣмъ самымъ далъ новое доказательство прямоты и искренности, съ каковыми онъ желалъ дѣйствовать въ отношеніи къ Польшѣ, и вести переговоры о ней съ европейскими державами.

Эта ли уступка со стороны русскаго кабинета, или одна только настойчивость на прежнемъ началѣ сдѣлала, что всѣ постановленія вѣнскаго конгресса сохранили свою силу и дѣйствіе, не смотря ни на какія возстанія или завоеванія — мы не знаемъ; но то или другое привело иностранныя державы къ разпространенію своихъ переговоровъ и на русскія губерніи, въ прошедшемъ столѣтіи отъ Польши пріобрѣтенныя или возвращенныя; такъ что вмѣшательство этихъ державъ отъ дѣлъ польскихъ перешло къ дѣламъ чисто русскимъ.

Такое вмѣшательство насъ чрезмѣрно удивило. Бывъ, такъ сказать, свидѣтелемъ того что происходило на вѣнскомъ конгрессѣ — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можетъ быть свидѣтелемъ человѣкъ посторонній, въ дипломатическихъ дѣлахъ не участвовавшій; зная, что о руссо-польскихъ провинціяхъ, во все продолженіе конгресса, не было даже и

помину; зная, что ни одному дипломату и въ голову не приходило простирать какія либо европейскія или конгрессовыя претензіи на эти провинціи, мы не постигали и не постигаемъ какъ, съ чего, откуда могъ возникнуть вопросъ о сихъ провинціяхъ въ послѣднихъ переговорахъ о царствѣ польскомъ.

Приводимый къ сему поводъ заключается въ словахъ трактата, которыми были обѣщаны полякамъ, внѣ царства, подъ владычествомъ иныхъ государствъ находящимся, нѣкоторыя гарантіи и, между прочимъ, ихъ національность и представительныя учрежденія. Мы всегда полагали, что подъ этими словами должно разумѣть поляковъ Познани, Галиціи. Но теперь видимъ, что и на поляковъ 9ти русскихъ губерній также должны разпространяться сіи гарантіи. Такимъ образомъ императоръ Александръ I, по внушенію коего все выгодное для поляковъ на конгрессѣ совершалось, признавалъ 7 милліоновъ русскихъ крестьянъ въ сихъ губерніяхъ поляками и обязывался имъ, крѣпостнымъ рабамъ и одному милліону польской шляхты, и въ ихъ числѣ владѣльцамъ русскихъ рабовъ, дать представительное правленіе! По истинѣ! Если бы и можно было найти въ постановленіяхъ конгресса какое нибудь необдуманное, двусмысленное выраженіе, допускающее что либо похожее на такія претензіи, то это выраженіе было бы не что иное какъ lapsus calami.

Что касается до отвѣта русскаго кабинета на такія претензіи, то мы находимъ, что онъ какъ-то слишкомъ круто возразилъ, въ своей окончательной нотѣ, что отказывается вступать въ переговоры о странѣ, въ составъ имперіи входящей и не допуститъ вмѣшательства въ вопросы чисто русскіе. Если бы русскій кабинетъ, съ самаго начала, отстранилъ всякое вмѣшательство въ свои дѣла со стороны державъ иностранныхъ, то такой отвѣтъ былъ бы конечно самымъ простымъ и естественнымъ. Но начавъ переговоры о польскихъ дѣлахъ вообще, онъ могъ бы слѣдовать за переговорами во всѣхъ направленіяхъ, которыя давали имъ иностранные кабинеты, и сіе, если не по какимъ другимъ причинамъ, то по причинѣ тѣхъ темныхъ, весьма недостаточныхъ понятій, которыя Европа вообще имѣла о дѣлахъ польскихъ, о положеніи царства польскаго и тѣхъ провинцій, Россіи принадлежащихъ, которыя поляки объявляли, предъ Европою, своими, польскими. При таковой неполнотѣ и сбивчивости европейскихъ понятій о Польшѣ, какъ въ географическомъ и этнографичискомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, ни мало не удивительно, что европейскіе кабинеты не могли дать себѣ яснаго, отчета какія именно польскія страны подразумѣваются въ приводимыхъ постановленіяхъ вѣнскаго конгресса, и могли добросовѣстно полагать, что дѣло идетъ о русскихъ провинціяхъ,

тогда какъ оно могло итти только о Познани и Галиціи, или наконецъ о самомъ царствѣ польскомъ. Русскій кабинетъ могъ бы, въ переговорахъ, изъяснить это обстоятельство и вразумить Европу.

Такія изъясненія и вразумленія по польскому вопросу никогда не будутъ излишними. Вспомнимъ какъ слабо и сама Россія понимала истинное положеніе того края, о которомъ идетъ здѣсь дѣло. Въ западномъ краѣ Россія видѣла провинціи, конечно, возвращенныя отъ Польши; но продолжала называть ихъ польскими провинціями. Русскаго народа, сей край населяющаго, Россія почти не знала. Она имѣла свои сношенія съ этимъ краемъ только посредствомъ помѣщиковъ-поляковъ. Поляки управляли краемъ, поляки говорили во имя его. Правительство, съ самаго начала присоединенія къ Россіи сего края, признало всѣхъ польскихъ дворянъ и шляхтичей русскими дворянами, и защищало ихъ дворянскія права противъ бѣднаго русскаго народа, съ тою же строгостію, какъ и права русскихъ помѣщиковъ на ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Только послѣднее польское возстаніе образумило русскихъ и вызвало къ изученію географіи, этнографіи и исторіи этой несчастной страны. Тѣмъ же печальнымъ невѣденіемъ изъясняются и либеральныя мечтанія Александра, предоставлявшаго себѣ увеличить царство польское со стороны прежнихъ польскихъ провинцій! Начало націо-

нальностей не было тогда въ такомъ ходу какъ нынѣ. Симъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и то, что тѣ люди, кои возставали противъ мечтаній императора, ссылались не столько на русскую національность этаго края, сколько на право завоеванія. Теперь не то. Русская національность огромнаго большинства жителей 9ти губерній, еслибъ она не была очевидною, явилась бы доказанною неопровергаемыми доводами, и между прочимъ тѣмъ рѣшительнымъ, сильнымъ отпоромъ, который крестьяне этаго края дали возстанію поляковъ, ихъ помѣщиковъ. Права національности сдѣлались теперь эгидою для бѣдныхъ русскихъ крестьянъ въ этомъ краѣ. Скажемъ, что и прежде, этой эгидою могли бы служить права человѣческія.

Вообще воззрѣнія на польскія дѣла не только въ тѣ времена, но даже и во времена позднѣйшія, были весьма мало похожи на воззрѣнія современныя. Такъ, на примѣръ, въ 30хъ годахъ русскій кабинетъ содѣйствовалъ присоединенію къ Австріи независимаго, самостоятельнаго Кракова, ни мало не помышляя о томъ, что чрезъ такое присоединеніе, впрочемъ противное вѣнскимъ трактатамъ, усиливалось въ Галиціи вліяніе польскаго элемента ко вреду элемента русскаго, преобладающаго въ восточной половинѣ этаго края.

Обращаясь къ нашему предмету и повторивъ,

что будемъ продолжать смотрѣть на него съ русской точки зрѣнія, мы спрашиваемъ: какое устройство Польши будетъ наиболѣе полезно для Россіи?

Здѣсь, на первомъ шагѣ, мы можемъ встрѣтить возраженіе, въ томъ состоящее, что признавъ обязательными для нея вѣнскіе трактаты, Россія не имѣетъ выбора въ разрѣшеніи сего вопроса, и не можетъ сдѣлать ничего инаго какъ возстановить ту конституцію, которая была дарована царству польскому императоромъ Александромъ Iмъ.

Мы отвѣтимъ, что послѣ лишь только усмирившагося возстанія, послѣ всѣхъ проявленій обнаружившихся во время возстанія и войны, послѣ неоднократно провозглашенныхъ требованій со стороны поляковъ и ихъ мысли о самомъ созданіи и о существованіи царства, едва ли встрѣтится какой либо европейскій кабинетъ, или какой либо добросовѣстный европейскій публицистъ, который рѣшился бы настаивать на необходимости возстановленія польской конституціи, какъ на единственномъ средствѣ удовлетворить поляковъ и обезпечить въ этомъ отношеніи спокойствіе Европы.

И какой смыслъ, какое значеніе, какой характеръ имѣетъ эта конституція? Это конституція дворянская, шляхетская: масса народная посылала на сеймъ не болѣе какъ четвертую часть представителей. Какъ же приложить ее къ теперешнему порядку вещей,

когда 3 мил. съ половиною поляковъ — большинство всего народонаселенія — были призваны къ гражданской и политической жизни?

Главная, существенная, практическая выгода этой конституціи состояла въ томъ, что она ясно выражала и ограждала административную автономію царства. Нѣтъ сомнѣнія, что въ матеріальномъ отношеніи эта автономія была весьма благодѣтельна: едва ли поляки видѣли въ своей землѣ когда либо такіе успѣхи въ промышлености, особливо мануфактурной, и въ торговлѣ. Въ политическомъ отношеніи конституція дѣйствовала слабо, неправильно. Задача правильнаго, прочнаго существованія конституціонной Польши подлѣ самодержавной Россіи, не могла имѣть практическаго разрѣшенія. Многіе изъ государственныхъ людей, русскихъ и иностранцевъ, представляли это на благоусмотрѣніе императора и знаменитѣйшій изъ нихъ, баронъ Штейнъ, совѣтовалъ отказаться отъ мысли общей конституціи для царства и ограничиться учрежденіемъ здраваго муниципальнаго управленія, окружными и провинціальными избирательными совѣтами. Александръ устоялъ на своей мысли: далъ конституцію Польшѣ и обѣщалъ другую Россіи. Если это была ошибка со стороны императора — въ чемъ мы и по сію пору, вспоминая тогдашнія обстоятельства, не можемъ вполнѣ убѣдиться — то это была ошибка души благородной и возвышенной. Такія ошибки

по-сердцу народамъ и высоко ставятъ имя царей въ исторіи.

Мы должны, однако же, здѣсь замѣтить, что если конституція не была для правительства священнымъ, неприкосновеннымъ завѣтомъ, то и въ глазахъ польскихъ патріотовъ она не имѣла великой значительности: имъ и тогда было тѣсно въ предѣлахъ царства польскаго, этой „конгрессовки“, какъ они съ неуваженіемъ изъяснялись. Въ самомъ началѣ, прежде нежели правительство коснулось еще прямо до правъ и преимуществъ сейма и его членовъ, были уже изъявляемы и въ сеймѣ и въ обществѣ, мнѣнія, не обѣщавшія прочности ни для конституціи, ни для самого царства. Правда, поляки имѣли предлогъ для всегдашнихъ жалобъ, предлогъ въ присутствіи великаго князя Константина, который, бывъ самъ депутатомъ на сеймѣ, командовалъ и польскою арміею и русскимъ войскомъ въ Польшѣ разположеннымъ, и дѣйствовалъ внѣ законнаго порядка, по своему усмотрѣнію и безотвѣтственно. Но принимая и это въ надлежащее соображеніе, нельзя не признать, что польскіе патріоты и тогда стремились не къ устройству и утвержденію царства, а къ возстановленію самой Польши, независимой и сильной.

Эти стремленія вполнѣ обнаружились въ послѣднемъ, нынѣшнемъ возстаніи. И тѣ европейскіе кабинеты, которые, въ силу вѣнскихъ трактатовъ, тре-

бовали отъ Россіи возстановленія конституціи Александромъ Iмъ данной и автономіи царства въ административномъ порядкѣ, могли, изъ различныхъ отзывовъ со стороны поляковъ, изъ ихъ различныхъ провозглашеній вполнѣ убѣдиться, что ни конституція, ни автономія царства никогда поляковъ не удовлетворятъ.

Во всякомъ случаѣ для русскаго правительства, въ этомъ не можетъ быть никакаго сомнѣнія. Для умиротворенія Польши, при началѣ волненій, оно, какъ мы видѣли выше, прибѣгло къ средству автономіи. Всѣ мѣры, которыя были принимаемы въ царствѣ, особенно по назначеніи ея правителемъ г. Велiопольскаго, къ чему онѣ стремились, если не къ совершенной автономіи царства въ административномъ отношеніи?

И такъ, по крайней мѣрѣ, для русскаго правительства, вопросъ административной автономіи рѣшенъ и рѣшенъ окончательно: она несбыточна, невозможна. Прибавивъ къ административной автономіи, самую конституцію Александра Iго, и даже отдѣльную польскую армію, автономія, конечно, не сдѣлалась бы менѣе невозможною.

Необходимо искать другихъ путей и средствъ къ разрѣшенію, для Россіи, такъ называемаго польскаго вопроса.

Первымъ представляется, по видимому, самое простое средство: отказаться отъ царства польскаго.

Какъ ни странно это покажется Европѣ, но можно не ошибаясь сказать, что въ Россіи, прежде послѣдняго польскаго возстанія, это мнѣніе: отказаться отъ Польши, т. е. отъ царства польскаго, было довольно разпространено, особенно между такъ называемыми либеральными людьми. Какъ ни трудно, по причинѣ цензуры, судить въ Россіи объ общемъ мнѣніи, намъ кажется, по всѣмъ доходящимъ до насъ свѣденіямъ и слухамъ, что дѣйствительно многіе просвѣщенные люди желали, чтобы Россія вовсе отказалась отъ Польши. Въ чемъ мы почти убѣждены, это то, что если бы Россія могла отказаться отъ Польши такъ какъ Англія отказалась недавно отъ Іоническихъ острововъ, т. е. если бы для Россіи отъ этого не произошло болѣе невыгодныхъ послѣдствій, какъ сколько произошло для Англіи отъ отдѣленія семи острововъ; то русскіе вообще съ радостію привѣтствовали бы такой исходъ польскому дѣлу. Но послѣднее польское возстаніе совершенно измѣнило воззрѣніе русскаго общества на польскій вопросъ. Тѣ самые, кои прежде наиболѣе желали отдѣленія царства отъ Россіи, говорятъ теперь, что это отдѣленіе было бы пагубно для Россіи, что царство сдѣлалось бы средоточіемъ агитаціи противъ Россіи и привлекло бы къ себѣ польскихъ помѣщиковъ и поль-

скую шляхту, въ Россіи живущихъ. Тогда западный край, т. е. тѣ 9 губерній, въ которыхъ помѣщики по большей части поляки и въ которыхъ вообще считается слишкомъ милліонъ поляковъ, сдѣлались бы театромъ безпрестанныхъ интригъ и пропаганды въ пользу польской національности и католичества, точно также какъ это было прежде.

Это неудобство находятъ возможнымъ отклонить нѣкоторые русскіе, особливо уроженцы западнаго края. Пусть, говорятъ они, пусть польскіе помѣщики и вся мелкая шляхта, пусть они продаютъ свои земли и идутъ въ Польшу. Въ такомъ случаѣ, избавившись отъ непріязненнаго польскаго элемента внутри имперіи, Россія конечно можетъ вовсе отказаться отъ царства польскаго. Надобно замѣтить, что указывающіе на это средство, полагаютъ вообще, что поляки живущіе въ семъ краѣ должны быть почитаемы какъ иностранцы, въ Россіи поселившіеся и должны повиноваться, на равнѣ съ другими иностранцами и на равнѣ съ самими русскими, всѣмъ русскимъ законамъ и постановленіямъ; въ противномъ случаѣ и если они желаютъ быть и оставаться вполнѣ поляками, то пусть идутъ въ Польшу.*)

Изъ сего слѣдуетъ, что средство разрѣшенія

*) См. примѣчаніе VIII.

польскаго вопроса отдѣленіемъ царства отъ имперіи, не пріемлется теперь русскимъ обществомъ.

Между тѣмъ русская мысль продолжаетъ свою работу о разрѣшеніи этаго жизненнаго для Россіи вопроса и, въ послѣднія времена, возникло новое мнѣніе, какъ бы вызванное послѣднимъ польскимъ возстаніемъ.

По сему мнѣнію польскій вопросъ можно разрѣшить присоединеніемъ одной части царства, по Вислу, къ Имперіи и предоставленіемъ остальной части, вмѣстѣ съ Варшавою, нѣмцамъ, т. е. вѣроятно, Пруссіи.

Тѣ, кои предлагаютъ сіе средство, присовокупляютъ, что въ части Польши, Россіи предоставляемой, живетъ около 400 тысячь людей не польскаго племени, а русскаго и жмудскаго или литовскаго, и что эти люди охотно примутъ такое присоединеніе къ Россіи.

Если бы сами поляки предпочли это средство другимъ, которыя Россія имъ можетъ предоставить для разрѣшенія польскаго вопроса, то, вѣроятно, общее мнѣніе въ Россіи, съ своей стороны, охотно бы его одобрило. Всѣ сіи средства, конечно, весьма мало соотвѣтствуютъ требованіямъ поляковъ, и можетъ быть, ожиданіямъ симпатизирующей имъ Европы. Между тѣмъ искать другихъ средствъ сего рода, особливо такихъ, которыя соотвѣтствовали бы буквѣ вѣнскихъ трактатовъ, было бы напрасно.

Все сіе приводитъ насъ къ иному средству разрѣшенія польскаго вопроса, къ средству, конечно, не новому, по крайней мѣрѣ для насъ, такъ какъ мы давно уже о немъ помышляли. Это средство состоитъ въ соединеніи Польши съ Россіею на тѣхъ основаніяхъ, на коихъ Познань соединена съ Пруссіею, Галиція съ Австріею, Ирландія съ Англіею, т. е. на основаніи общаго представительства.

Когда, прежде, мы помышляли о соединеніи Польши съ Россіею, то насъ всегда останавливала та мысль, что соединить Польшу, которой нѣкогда русскій императоръ даровалъ представительную конституцію, съ народомъ, такой и вообще никакой конституціи не имѣющимъ, было бы неблаговидно и подвергло бы русское правительство болѣе или менѣе искреннимъ упрекамъ со стороны Польши и со стороны Европы. По этому, не помышляя тогда о возможности ввести въ Россіи какое либо представительное правленіе, по причинѣ существовавшаго тамъ рабства, мы оставались въ молчаніи. Но когда, видя рабство уничтоженнымъ, видя въ Россіи императора, коего благотворныя для Россіи дѣянія дозволяютъ ожидать дальнѣйшихъ благихъ преобразованій, мы рѣшились изъявить наше желаніе о созваніи „Земскаго Собора“, тогда мы естественно обратились къ мысли о соединеніи Польши съ Россіею на основаніи представительныхъ началъ.

Намъ могутъ возразить, что введеніе представительныхъ началъ въ Россіи не доказываетъ еще необходимости соединенія съ Польшею на этихъ началахъ; что если прежде, въ отсутствіи сихъ началъ въ Россіи, мудрено или вовсе невозможно было существованіе конституціонной Польши подлѣ не конституціонной Россіи; то теперь, если эти начала будутъ приняты въ Россіи, они могутъ быть приняты и въ несоединенной съ Россіею Польшѣ. Ирландія, принадлежа Англіи, долго жила съ своимъ особымъ парламентомъ.

Именно эта-то жизнь Ирландіи съ ея собственнымъ парламентомъ и приводитъ насъ желать одного Земскаго Собора какъ для Россіи такъ и для Польши. Пусть вспомнятъ, что̀ былъ этотъ ирландскій парламентъ; пусть вспомнятъ тѣ побудительныя причины, тѣ доводы и доказательства, на коихъ Питтъ, съ его великимъ умомъ государственнымъ, основалъ, предпринялъ и совершилъ соединеніе въ одинъ великобританскій двухъ парламентовъ Англіи и Ирландіи.

Когда Россія будетъ имѣть Земскій Соборъ, ей будетъ чѣмъ подѣлиться съ Польшею. Тогда она будетъ въ положеніи смѣло и вполнѣ добросовѣстно приступить къ соединенію царства съ имперіею на основаніи общихъ для обѣихъ началъ представительныхъ, кои и для поляковъ будутъ благодѣтельны, по крайней мѣрѣ въ ихъ гражданскомъ быту. Поляки

царства будутъ имѣть свой голосъ въ общемъ представительномъ собраніи. Въ этомъ случаѣ не будетъ никакаго посягательства на ихъ народность: она останется такою, каковою была доселѣ. Россія никогда не искала обращать людей иноплеменныхъ въ людей русскихъ, такъ какъ нѣмцы германизируютъ, онѣмечиваютъ славянъ имъ подвластныхъ. Польскій языкъ, польская словесность могутъ остаться, какъ были доселѣ, неприкосновенными; мѣстное управленіе, за изключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ высшихъ административныхъ должностей, можетъ быть предоставлено полякамъ.

Для Россіи, какъ намъ по крайней мѣрѣ кажется, не можетъ быть лучшаго исхода изъ этаго, столь для нея тягостнаго польскаго дѣла. Мы же, съ свой стороны, въ возможности такаго исхода, находимъ новыя побудительныя причины желать созванія въ Россіи „Земскаго Собора“.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I.

См. предисловіе стр. XVI.

„Чтобъ быть свободнымъ, надлежитъ силою добыть свободу.“ Независимо отъ того что́ я говорю объ этомъ правилѣ въ текстѣ, мнѣ кажется, что оно годилось для прежнихъ временъ. Едва ли оно приложимо ко временамъ настоящимъ. Если предки нынѣшнихъ прогрессивныхъ народовъ не завѣщали имъ уже добытой ими свободы, то теперешніе ихъ потомки *не лягутъ костьми* за свободу. Эти потомки, конечно, любятъ свободу и предпочитаютъ ее не-свободѣ. Но жизнь ихъ развилась теперь въ такихъ удобствахъ, въ такомъ комфортѣ, въ такихъ наслажденіяхъ и умственныхъ и матеріальныхъ, что они не чувствуютъ всей цѣны, всей важности, всего нравственнаго достоинства свободы. Предки ихъ, по сравненію, съ грубыми нравами, съ жесткою жизнію, жизнію сосредоточенною въ самихъ себѣ или въ тѣсномъ кругу семейства, мало развлекаемые постороннею обстановкою, чувствовали сильнѣе и мыслили основательнѣе, серіознѣе. Отъ того и дѣйствія ихъ были рѣшительнѣе, значительнѣе и обу-

словливались всякаго рода лишеніями, пожертвованіями, которыя, при простотѣ нравовъ, при настроеніи духа удаленномъ отъ всякой утонченности, не могли казаться имъ столь важными, столь трудными, какъ такія же лишенія и пожертвованія показались бы человѣку, живущему въ нынѣшнемъ комфортѣ, въ нынѣшнемъ развлеченіи, въ нынѣшней общности народовъ, когда такъ легко перемѣнять мѣсто своего пребыванія, переѣзжать изъ однаго государства въ другое, находить даже и у себя дома столь много развлеченій, умственныхъ и матеріальныхъ, въ наукѣ и въ искусствѣ. Наскучивъ жить подъ гнетомъ однаго правительства, человѣкъ переходитъ подъ гнетъ или подъ покровъ другаго. Не имѣя простора въ гражданской жизни, онъ обращается къ жизни ученой, литературной или къ жизни просто странствующаго наблюдателя. Не говорите такому эпикурейцу о высшихъ обязанностяхъ человѣка и гражданина. Прежде нежели онъ приступитъ къ созерцанію и къ пониманію этихъ обязанностей, онъ перейдетъ чрезъ всѣ пути обыкновенной свѣтской жизни, такъ сказать чрезъ всѣ ея мытарства, и только если онъ имѣетъ особенную силу въ душѣ и чувство въ сердцѣ, онъ познаетъ всю суету этой свѣтской жизни и обратится, наконецъ, къ тому что „едино есть на потребу“, т. е. къ исканію и къ достиженію свободы. Такимъ образомъ то что, въ старину, простому здравому смыслу грубыхъ, но крѣпкихъ людей, представлялось, такъ сказать, само собою и увлекало ихъ къ высокой цѣли, это „единое на потребу“ входитъ нынѣ въ убѣжденіе людей медленно, путемъ опыта, разочарованій, или путемъ напряженнаго раз-

мышленія. Очевидно, что въ такихъ столь различныхъ положеніяхъ людей, увлеченіе и дѣйствіе не можетъ быть одинаково: въ первомъ оно сильно, во второмъ слабо.

И такъ, если для какаго либо народа предки не заготовили запаса свободы, то плоха надежда, что потомки ее добудутъ. Мы видимъ, что нынѣ свобода царитъ только въ тѣхъ земляхъ, гдѣ, съ старину, жители ея за нее бились, за нее умирали.

Остатки той силы, той энергіи, съ которою люди, въ старину, боролись за свободу, остатки того духа самопожертвованія, который одушевлялъ ихъ въ борьбѣ, какъ за религіозныя такъ и за гражданскія ихъ права, еще существуютъ между народами; но они приняли нынѣ иное направленіе. Начало свободы уступило мѣсто началу народности, національности. Духовное уступило мѣсто матеріальному. Это соотвѣтствуетъ нынѣшнему положенію людей и вещей. Сколь ни важно, сколь ни почтенно, ни естественно начало народности, основанное на врожденномъ чувствѣ человѣческомъ, при всемъ томъ, предъ нравственнымъ закономъ, оно подчиняется началу свободы, на коемъ основывается личное достоинство человѣка и достоинство самыхъ народовъ. Главное для человѣка быть человѣкомъ, а потомъ уже гражданиномъ такаго или такаго государства. Забывая это чистое, святое правило, люди какъ бы проложили новый, не бывалый прежде путь для деспотизма съ одной стороны, и для рабства или безусловнаго подданства съ другой. Замѣтимъ при томъ, что начало свободы, развиваясь болѣе и болѣе, включило бы въ себя все истинно

полезное для людей изъ того, чего они ищутъ въ началѣ народности; между тѣмъ какъ сіе послѣднее можетъ только отдалить ихъ отъ перваго. Но таковы судьбы! Начало свободы оказалось какъ бы не подъ силу нынѣшнимъ поколѣніямъ; а необходимость для людей стремиться къ чему либо — эта необходимость всегда будетъ соприсущна человѣку — привела ихъ къ избранію иной цѣли, менѣе возвышенной, но обрекающей, какъ видно, людей на лишенія, на пожертвованія, на бѣдствія, столь же великія, какъ и тѣ, кои были удѣломъ поборниковъ свободы.

ПРИМѢЧАНІЕ II.

См. предисловіе стр. XXII.

Упомянувъ о беззаконности постигшаго меня осужденія за 40 лѣтъ предъ симъ, пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы, въ короткихъ словахъ, изъяснить сущность дѣла.

Въ 1826 году я былъ осужденъ на смерть. Объявленное въ приговорѣ преступленіе состояло въ томъ, что я принадлежалъ къ обществу, имѣвшему цѣлію бунтъ. Всѣ прочія преступленія, взводимыя на меня въ рапортѣ слѣдственной Коммиссіи, и между ними такія, кои совершались въ Петербургѣ въ то время когда я былъ въ Неаполѣ, были отстранены.

Чтобы опредѣлить, чтобы признать совершившимся какое либо преступленіе, всѣ возможныя законодательства, не исключая и нашего, необходимо требуютъ чтобы было дознано и доказано

во первыхъ: злое намѣреніе обвиняемаго,

во вторыхъ: какое либо дѣйствіе или начало дѣйствія, съ его стороны, для совершенія преступленія.

Отсутствіе того или другаго изъ двухъ необходимыхъ условій всякаго преступленія, дѣлаетъ невозможнымъ всякое преслѣдованіе, обвиненіе, осужденіе. И такъ, если злой умыселъ не имѣлъ никакаго послѣдствія, не привелъ злоумышленника къ совершенію какаго либо злаго дѣйствія, то преступленія, въ глазахъ закона, не было и быть не могло. Равнымъ образомъ, если противозаконное дѣйствіе не было сопровождаемо злымъ умысломъ, то, также, преступленія нѣтъ и быть не можетъ.

Справедливость, необходимость сего кореннаго правила въ уголовномъ законодательствѣ очевидны. Человѣкъ, въ одно извѣстное время, можетъ имѣть какой либо умыселъ. Но не приступая къ исполненію, онъ можетъ отъ него добровольно отказаться. Нѣтъ возможности преслѣдовать человѣка за такой умыселъ. Въ примѣръ недостаточности злаго умысла для обвиненія, нѣмецкія компендіи уголовнаго права приводятъ одну старуху, которая изъявила намѣреніе уморить другую старуху молитвою: Sie wolle sie todt beten! т. е. прося Бога о ея смерти.

Чтожъ касается до преступленія безъ злаго умысла, безъ намѣренія совершеннаго, то и здѣсь очевидно, что никакой законъ такаго преступленія карать не можетъ.

Основываясь на этомъ неоспоримомъ, всѣми принимаемомъ началѣ, я имѣю полное право утверждать, что постигшее меня осужденіе было и несправедливо и противозаконно. Вотъ доказательства:

Военное возстаніе, по поводу коего я былъ осужденъ, произошло въ Декабрѣ 1825 года. Я

выѣхалъ изъ Россіи въ Апрѣлѣ 1824 года. Въ продолженіе этихъ 20ти мѣсяцевъ я ни съ кѣмъ, въ Россіи, ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ не былъ; ни рапортъ слѣдственной комиссіи, ни приговоръ верховнаго суда ничего подобнаго мнѣ не приписываютъ. Изъ сего слѣдуетъ, что если я имѣлъ, будучи въ Россіи, какой либо злой умыселъ, то я ни тогда, ни послѣ, не приступилъ къ какому либо дѣйствію для приведенія его въ исполненіе, и по тому не могъ подлежать никакой отвѣтственности предъ закономъ. Дѣйствія, съ моей стороны, для совершенія преступленія, очевидно, не было. Повторю: все это ясно какъ Божій свѣтъ!

Для настоящихъ судей, т. е. для судей безпристрастныхъ, просвѣщенныхъ, питающихъ уваженіе къ закону, во имя коего они дѣйствуютъ, этого было бы вполнѣ достаточно для отстраненія меня отъ всякой отвѣтственности; объясненія, съ моей стороны, были совершенно не нужны, излишни. Но не таковы были мои судьи. Во многихъ изъ нихъ воспылала злоба къ тому образу мыслей, который я имѣлъ, или который вообще мнѣ приписывали, къ тѣмъ началамъ, которыя я исповѣдывалъ и которыя, съ обыкновенными преувеличеніями и изкаженіями, служили предметомъ различныхъ на меня доносовъ императору Александру Iму. Мои открытыя стремленія къ освобожденію крестьянъ были главною причиною злобы этихъ людей противъ меня. Если, во время суда, слышался голосъ въ мою защиту, то онъ былъ заглушаемъ крикомъ бѣснующихся отступниковъ правды и справедливости. Такъ былъ заглушенъ голосъ по-

чтеннаго Н. С. Мордвинова; такъ было отвергнуто письменное мнѣніе адмирала Шишкова въ защиту отсутствующаго. Г. Сперанскій, смыслившій въ законахъ болѣе другихъ, говорилъ, что противъ меня нѣтъ, по дѣлу, никакой причины къ обвиненію, прибавляя, что за неявку къ суду, если бы хотѣли меня обвинять въ оной, наше законодательство не полагаетъ никакаго взысканія. Это не помѣшало ему подписать приговоръ вмѣстѣ съ другими. Такая слабость изъясняется, если не извиняется, тѣмъ, что г. Сперанскій былъ въ то время самъ подозрѣваемъ въ участіи въ заговорѣ. Онъ постарался отстранить это подозрѣніе жалкимъ, отвратительнымъ усердіемъ въ обвиненіи беззащитныхъ подсудимыхъ.

Нѣкоторые изъ судей, въ послѣдствіи, говорили, что причиною моего осужденія была неявка къ суду. Одинъ изъ нихъ не постыдился даже сказать, что онъ подписалъ мой приговоръ, потому что зналъ, что онъ меня не постигнетъ!

Одна неявка къ суду, сама по себѣ, не составляетъ и не можетъ составлять преступленія. Въ многосложныхъ уголовныхъ процессахъ могутъ быть замѣшаны многія имена. Но уже слѣдствіе, предшествующее суду, должно относительно каждаго обвиняемаго, опредѣлить въ чемъ его вина состоитъ, въ чемъ онъ долженъ отвѣчать предъ судомъ. Всѣхъ подозрѣваемыхъ или арестуемыхъ полиціею, судебное слѣдствіе не можетъ, безъ разбора, предавать суду; оно обязано въ точности высказать вину приписываемую каждому обвиняемому; если вины не оказывается, то слѣдователь обязанъ освободить обвиняе-

маго. Если же слѣдствіе было произведено неправильно и противозаконно, то обязанностію суда было, во всякомъ случаѣ, опредѣлить виновность всѣхъ подсудимыхъ, и если бы открылось, что противъ или находящихся на лицо или отсутствующихъ, не представляется никакой вины, то самая простая справедливость требуетъ присутствующихъ и отсутствующихъ отъ суда освободить и, относительно послѣднихъ, не останавливаться на неявкѣ. По крайней мѣрѣ эти судьи, не видя вины, а видя одну неявку къ суду, и желая, не смотря ни на что, дать смертный приговоръ противъ меня, должны были выразить ясно, что осуждаютъ меня за неявку къ суду, а не за что либо иное. Очевидно, что если тутъ была какая либо вина, то это вина тѣхъ, кои безъ всякаго законнаго основанія, требовали человѣка къ суду, когда его требовать не слѣдовало.

Слѣдствіе не отличается отъ суда ни большею правильностію ни большею добросовѣстностію. Чего не было употреблено, дабы найти какое либо дѣйствительное, настоящее обвиненіе противъ меня: со всѣхъ сторонъ искали показаній, чтобы не сказать доносовъ, противъ меня; допрашивали людей не прикосновенныхъ къ дѣлу, дабы узнать что нибудь противъ меня, и между прочими одного бывшаго членомъ и даже однимъ изъ основателей общества, но не привлеченнаго къ процессу и котораго я почти не зналъ: отвѣтъ его былъ правдивый — и не былъ внесенъ въ рапортъ; получали показанія, менѣе правдивыя, но все таки весьма несостоятельныя, пустыя, даже изъ за границы. Всѣ усилія слѣдователей остались тщетными,

и редакторъ рапорта, дабы имѣть, какъ видно, хотя одно опредѣленное обвиненіе противъ меня, рѣшился сказать, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ подсудимыхъ, я присутствовалъ въ какомъ-то засѣданіи общества, гдѣ было опредѣлено приготовить флотъ для отправленія императора за границу!

Обвиненіе отстраняется само собою, моимъ отсутствіемъ изъ Россіи въ то время когда это совѣщаніе происходило. По напечатаніи рапорта слѣдственной коммиссіи, вниманіе редактора рапорта было обращено на это противорѣчіе. Редакторъ изъяснилъ его типографическою ошибкою въ означеніи года въ одномъ изданіи, увѣряя, что въ другихъ ошибки нѣтъ. Тотъ кому было дано это объясненіе, не могъ усомниться въ справедливости отвѣта. Между тѣмъ ошибки тутъ не было никакой; всѣ изданія означаютъ одну и ту же эпоху времени. Очевиднымъ же доказательствомъ въ мою пользу служитъ то, что лица, означенныя въ семъ случаѣ, какъ присутствовавшія на совѣщаніи и дѣлавшія показанія противъ меня, по словамъ самаго рапорта, вступили въ общество послѣ моего отъѣзда изъ Россіи.*) Такимъ образомъ, дабы загладить свой умышленный или неумышленный, но, во всякомъ случаѣ, непростительный промахъ, редакторъ рѣшился просто — сказать неправду!....

*) Это обстоятельство изъяснено и опредѣлено въ отвѣтѣ, который я былъ вынужденъ сдѣлать на разсужденія, весьма впрочемъ поверхностныя и неопредѣлительныя, которыя были направлены противъ меня г. Ковалевскимъ въ его книгѣ „Графъ Блудовъ и его время.“ Сего моего отвѣта петербургская цензура не допустила къ продажѣ. Audiatur et altera pars. ... „Это не при насъ писано.“ 1868.

Еслибъ, вмѣсто сего, редакторъ, какъ слѣдовало, сознался тогда въ своей ошибкѣ, то онъ не только очистилъ бы, по возможности, свою совѣсть, но могъ бы содѣйствовать справедливому исходу дѣла, такъ какъ, въ это время, приговоръ еще не состоялся.

И слѣдователи и судьи тщательно изыскивали чего либо предосудительнаго, виновнаго въ моей жизни въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ моего пребыванія въ Россіи и не нашли ровно ничего. Если бы жизнь корифеевъ процесса была подвергнута подобному розыску, то жизнь корифея слѣдствія представила бы черту только что нами означенную; а на жизнь корифея суда, не смотря на его великія умственныя качества и на гражданскую дѣятельность полезную во многомъ, печальную тѣнь бросили бы, между прочимъ, его воспѣванія акафистовъ учредителю военныхъ поселеній, въ которыя онъ продалъ собственныхъ своихъ крестьянъ!

При всей ничтожности моей жизни, я могу однако же дать предъ моею совѣстію правдивый отчетъ, что въ продолженіе ея я не преступилъ нравственнаго закона, ни даже гражданскаго, и что особенно въ періодъ моего пребыванія въ это время въ Россіи, я не могу упрекнуть себя даже въ какомъ либо помышленіи о моихъ личныхъ выгодахъ по службѣ или иначе: вся воля, всѣ усилія мои были устремлены ко благу общему. Въ такомъ положеніи, я могу, относительно самого себя, смотрѣть только съ жалостію и презрѣніемъ на всѣхъ этихъ такъ называемыхъ судей, чуждыхъ понятію о законѣ и еще болѣе понятію о нравственномъ долгѣ человѣка, и для коихъ

придворныя каверзы казались дѣятельностію государственною; я не могу даже, лично, жаловаться на неожиданный переломъ въ моей жизни, возпослѣдовавшій по сему случаю, принимая этотъ переломъ какъ благодѣяніе, низпосланное мнѣ неисповѣдимымъ и всеблагимъ Промысломъ. Не мое собственное горе, — горе моихъ братьевъ сокрушало меня и легло вѣчною тяжестію на мою душу. Я могъ бы остаться въ молчаніи; я могъ бы святыню братской любви оградить отъ всякаго соприкосновенія съ мыслію о людяхъ недостойныхъ. Но всѣ эти люди, забывшіе и совѣсть и законъ, погубили множество такихъ людей, кои, въ нравственномъ отношеніи, стояли неизмѣримо выше ихъ. Я остался свободнымъ и независимымъ и долженъ былъ поднять голосъ для свидѣтельствованія истины и для опроверженія неправды. Скажу даже, что и лично, для самого себя, я имѣлъ прямую обязанность защищаться, доказать мою полную правоту, оттолкнуть и разсѣять въ прахъ всѣ поднятыя противъ меня обвиненія, всякую клевету, отъ злобы ли, или отъ невѣжества произтекавшую — помня, что если, для смерти, довольно чистой совѣсти, то, для жизни, необходимо сохраненіе личнаго достоинства.

Когда я узналъ, что мое имя замѣшано между именами тѣхъ, коихъ преслѣдуютъ за военное возстаніе въ Петербургѣ, я немедленно отправилъ туда изъяснительную записку, въ которой ясно показалъ, что я оставался въ совершенной неизвѣстности о томъ что происходило въ Петербургѣ.

Вскорѣ послѣ сего я получилъ требованіе явиться

къ суду. Полагая, что посланная мною записка вполнѣ удостовѣритъ правительство въ моей неприкосновенности къ дѣлу, я отказалъ явиться къ суду. Я ошибся. Но не сожалѣю, что не явился. Впрочемъ, я не могъ тогда предвидѣть рапорта слѣдственной коммиссіи и всѣхъ съ такою роскошью и съ такимъ наивнымъ пренебреженіемъ правды, даже правды математической или хронологической, взводимыхъ противъ меня обвиненій.

Спустя нѣсколько времени, однакоже, я получилъ извѣстіе, что если я явлюсь, то мнѣ будетъ данъ судъ и что такимъ образомъ я могу оправдаться. Я отвѣчалъ, что явлюсь. Но немедленно получилъ увѣдомленіе, чтобы не являлся, что никакаго суда мнѣ дано не будетъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ, что, по закону, я не могъ подлежать не только никакому уголовному приговору, но даже никакой отвѣтственности, я могу показать, что намѣренія, мнѣ какъ въ слѣдствіи такъ и въ судѣ приписываемыя — о какомъ либо дѣйствіи и рѣчи нѣтъ — не только не вѣроятны, не правдоподобны, но совершенно противны и моимъ мнѣніямъ и моимъ поступкамъ, которые были извѣстны и слѣдователямъ и судьямъ, извѣстны до того, что были истинною причиной моего осужденія!

Главною, единственною цѣлію моей жизни всегда было: стремленіе къ уничтоженію рабства. Этого я никогда не скрывалъ. Напротивъ, при всѣхъ возможныхъ случахъ, и кстати и не кстати, я говорилъ, писалъ и дѣйствовалъ сообразно сей цѣли. Вскорѣ по напечатаніи моей книги о „Теоріи налоговъ“,

я получилъ предложеніе вступить въ общество „Союза Благоденствія.“ Прочитавъ уставъ сего общества и находя, что между различными благими намѣреніями (иныхъ не было въ уставѣ) общество оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, я замѣтилъ это сообщившему мнѣ уставъ и встрѣтилъ сочувствіе къ моей задушевной мысли. Я объявилъ, что согласенъ вступить въ общество и немедленно по вступленіи обратилъ вниманіе членовъ на мою мысль и сдѣлалъ нѣкоторыя предложенія въ смыслѣ освобожденія крѣпостныхъ людей.

Это мое всегдашнее стремленіе къ освобожденію крестьянъ было единственною причиною побудившею меня ко вступленію въ общество, болѣе или менѣе тайное. Я имѣлъ уже прежде сего возможность удостовѣриться какъ несостоятельны, какъ безплодны были даже нѣкоторыя серіозныя тайныя общества и именно извѣстный Tugend-Bund въ Германіи. Политическія цѣли, къ которымъ обыкновенно стремятся тайныя общества, по самому существу своему, не могутъ быть достигаемы средствами и путями скрытыми, тайными. Удаются иногда заговоры; но заговора нельзя смѣшивать съ тайнымъ обществомъ. Общество карбонаріевъ, на которое всегда указываютъ какъ на самое значительное изъ тайныхъ обществъ, могло ли оно еще почитаться тайнымъ, когда въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ на примѣръ въ Неаполѣ, всѣ къ нему принадлежали? Вступая въ общество „Союза Благоденствія“, я, просто, желалъ сблизиться съ людьми умомъ и сердцемъ разположенныхъ къ пріятію и къ содѣйствію мысли освобожденія крестьянъ.

Чрезъ нѣсколько времени многіе изъ членовъ, убѣдившись, что общество остается въ совершенномъ бездѣйствіи и что нѣтъ возможности дѣйствовать съ пользою, рѣшились закрыть его. Общество было уничтожено при моемъ содѣйствіи.

Здѣсь представляется замѣчательная случайность, которая освобождаетъ это общество даже и отъ того обвиненія, которое могло бы основываться на томъ, что оно имѣло видъ, характеръ тайнаго общества. Эта случайность состоитъ въ томъ, что общество было закрыто прежде появленія того предписанія правительства, по коему рѣшительно запрещались масонскія ложи и всѣ вообще тайныя общества.

Что общество не имѣло цѣлію „бунта“, это явствуетъ изъ его устава. Никакихъ другихъ уставовъ не было открыто ни тогда ни послѣ, ни даже до сего времени. Изъ самаго рапорта слѣдственной коммиссіи, не смотря на всѣ хитрости редактора, можно видѣть, что общество до самаго его закрытія, оставалось въ бездѣйствіи, было лишено всякой значительности.

Но если общество не имѣло цѣлію бунта, то тѣ, кои болѣе и прежде всего желали уничтоженія рабства, не только не имѣли, но *не могли* имѣть такой цѣли. Во всякомъ случаѣ, если они желали „бунта“, то это могло быть только: бунта крестьянъ противъ помѣщиковъ. Но о такомъ бунтѣ нѣтъ помину, ни слѣда, даже и въ богатомъ всякими фантазіями рапортѣ слѣдственной коммиссіи. Что касается до меня, еслибы я имѣлъ въ виду бунтъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, то я просто объявилъ бы это мнѣніе,

зная, что для раба не противно нравственному закону искать освобожденія всѣми средствами. Но какъ я, или кто либо другой, могъ рѣшиться на такое желаніе, видя и зная, что самодержавное правительство, однимъ почеркомъ пера, можетъ даровать свободу всѣмъ несвободнымъ? Скажу болѣе: видя такую возможность, и въ то время даже вѣроятность освобожденія со стороны самодержавнаго правительства, всѣ желавшіе освобожденія крестьянъ, могли и надежды свои возлагать единственно на это самодержавное правительство. Не желая бунта, они не желали и не могли желать даже и введенія представительнаго правленія прежде уничтоженія рабства. Представителями могли быть только лица высшаго, рабовладѣльческаго класса. Тогда уничтоженіе рабства сдѣлалось бы весьма затруднительнымъ, даже невозможнымъ, или, по краней мѣрѣ, не могло совершиться мирно и правильно. Я, съ моей стороны, относительно освобожденія крестьянъ, въ самодержавіи находилъ якорь спасенія для Россіи и сказалъ это въ запискѣ представленной императору Александру Iму, извѣстно въ какихъ выраженіяхъ и въ какомъ смыслѣ.

Но не въ одной этой запискѣ я изъявилъ это мнѣніе. Я говорилъ это всѣмъ, съ коими я толковалъ объ освобожденіи крестьянъ, и членамъ общества, и членамъ Арзамаса, и членамъ государственнаго совѣта, вездѣ и всегда одно и тоже.

Странные революціонеры тѣ, кои хотѣли изкоренить единственный революціонный принципій въ тогдашней Россіи!

Что въ Россіи было тогда много людей, кото-

рые желали введенія представительнаго образа правленія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Императоръ Александръ, давъ представительную конституцію Польшѣ, обѣщалъ такую же и Россіи. Многіе члены общества могли желать и, безъ сомнѣнія, желали того же, и если бы они не прибѣгли къ военному возстанію для достиженія сей цѣли, если бы не было убійствъ и особенно убійства героя Милорадовича, благородство души котораго не уступало его храбрости — кровь ни съ какой стороны къ добру не ведетъ — то никакой справедливой, законной отвѣтственности они подлежать бы не могли. Въ глазахъ закона вина состояла въ томъ, что позволительное желаніе, они хотѣли достигнуть непозволительными, противозаконными путями. Умыселъ возстанія и приведеніе его въ дѣйство, вполнѣ характеризируютъ, опредѣляютъ уголовное преступленіе. Здравое, справедливое, законное слѣдствіе долженствовало остановиться на этомъ, этимъ ограничиться. Вмѣсто того слѣдствіе наполнило свой рапортъ словами, рѣчами, разговорами, болѣе или менѣе безсмысленными, грубыми, неистовыми — но все же словами, а не дѣйствіями — словами, произнесенными въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, даже прежде учрежденія тайнаго общества. Что касается лично до меня, то я никогда не слыхивалъ этихъ разговоровъ и никто не показываетъ, чтобы я въ нихъ участвовалъ. Этимъ отстраняется относительно меня даже и ничтожное въ глазахъ закона обвиненіе въ какихъ либо преступныхъ или просто безсмысленныхъ словахъ. При этомъ нельзя не видѣть, что настаивая на разговорахъ объ убійствахъ,

о республикѣ, рапортъ слѣдственной коммиссіи мало останавливается на дѣйствительной цѣли военнаго возстанія, которая явствуетъ изъ бумагъ взятыхъ у арестованныхъ лицъ. Въ этихъ бумагахъ говорится о созваніи, посредствомъ Сената, общаго народнаго собранія для начертанія государственнаго устава. — Случившейся великой бѣды для слѣдователей было недостаточно; они хотѣли устрашить Россію призраками всякаго рода невѣроятныхъ, неслыханныхъ ужасовъ — не возможно понять съ какою цѣлію. „У страха глаза велики“, говоритъ пословица. Но одного испуга не довольно для такой ярости въ преслѣдованіи и въ карѣ. Дѣло проще объясняется чрезмѣрнымъ, слѣпымъ усердіемъ, преступною угодливостію, которая увлекаетъ и самую власть за предѣлы умѣренности, и сверхъ всего весьма печальнымъ невѣжествомъ. Иначе, чѣмъ можно изъяснить это стремленіе привлечь къ дѣлу всѣхъ тѣхъ, кои когда либо принадлежали къ какому нибудь обществу? Чѣмъ объяснить это беззаконное, очевидно несправедливое осужденіе тѣхъ, кои не находились въ Петербургѣ во время возстанія, жили въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, не знали совершенно ничего о готовящемся возстаніи, которое, какъ это неоспоримо явствуетъ изъ рапорта, было придумано и приведено въ исполненіе въ теченіе 48 часовъ? Положимъ, хотя и нѣтъ основанія сего предполагать, что эти люди имѣли какой либо злой умыслъ: не приступивъ ни къ какому исполненію, они не могли подлежать никакой отвѣтственности. А какъ вспомнимъ, какіе это были люди! Орловъ, Фонъ-деръ-Бриггенъ, Фонъ-Визинъ, Никита

Муравьевъ, и столько другихъ! — благороднѣйшія существа, умомъ и нравственными качествами дѣлавшія честь роду человѣческому.

Уловки скользить по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя могутъ быть выгодны для подсудимыхъ, по крайней мѣрѣ предъ нравственнымъ закономъ, замѣтны вездѣ въ рапортѣ слѣдственной коммиссіи. Такъ, напримѣръ, относительно меня, рапортъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ того предложенія, которое я сдѣлалъ при уничтоженіи общества, предложенія, по коему бывшіе члены общества были приглашаемы устремить свои усилія, каждый въ своей сферѣ, на вопросъ уничтоженія рабства. Въ слѣдствіе сего была составлена мною программа, которую должно было сообщить въ тѣ мѣста гдѣ находилось нѣсколько такихъ членовъ и именно въ Москву, Петербургъ и Смоленскъ. Я взялъ на себя доставить эту программу въ Петербургъ. Она могла быть не маловажнымъ свидѣтельствомъ по крайней мѣрѣ того, что общество дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, было закрыто и что закрывшіе его члены въ это время положили: ограничиться въ частныхъ дѣйствіяхъ своихъ вопросомъ освобожденія крестьянъ. Это обстоятельство не могло оставаться для слѣдствія неизвѣстнымъ. Но въ рапортѣ о немъ не упоминается. Напротивъ, въ этомъ сообщеніи мною программы въ Петербургѣ, рапортъ, съ помощію пустыхъ и противорѣчащихъ одно другому показаній, умудрился найти попытку съ моей стороны основать новое общество!

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я, такъ сказать, обжился на чужбинѣ, безъ всякой надежды возвращенія въ Россію, я приступилъ къ подробному изложенію обстоятельствъ, приведшихъ меня въ то положеніе, въ которомъ я находился. Въ полномъ смыслѣ слова я писалъ „безъ страха и безъ надежды.“ О тайномъ обществѣ я разсказалъ то, что я зналъ о немъ. Изъ моего описанія слѣдуетъ, что это общество не имѣло никакой значительности, ни въ какомъ отношеніи. Оно, какъ говорится, не давало никакаго признака жизни. Это мнѣніе о незначительности общества было раздѣляемо всѣми членами, которыхъ я видалъ въ то время. Первое предложеніе о формальномъ закрытіи общества было сдѣлано изъ Москвы. „Общество совершенно ничего не дѣлаетъ, говорилъ намъ пріѣхавшій оттуда членъ общества: надобно его или преобразовать или закрыть.“ На съѣздѣ въ Москвѣ общество было закрыто.

Нѣкоторые изъ членовъ, не бывшіе въ Москвѣ, остались недовольны закрытіемъ общества.

Кончина императора Александра взволновала умы нѣкоторыхъ людей въ Петербургѣ, какъ тѣхъ, кои занимались тайными обществами, такъ и другихъ, постороннихъ, ни къ какому тайному обществу никогда не принадлежавшихъ. Настоящій заговоръ и исполненіе его, т. е. военное возстаніе — все это было придумано и приведено въ дѣйство въ продолженіе двухъ дней.

Вину этаго возстанія слѣдствіе и судъ разпространили на всѣ тайныя общества и на всѣ лица, когда либо къ нимъ принадлежавшія. Такимъ обра-

зомъ приговоры на смерть и каторгу постигли и тѣхъ, кои ничего не знали о возстаніи, постигли и тѣхъ, кои почитали незначительнымъ общество, къ которому принадлежали. Они видѣли себя осужденными не за что иное, какъ за принадлежность къ обществу. Не нужно имѣть глубокаго познанія сердца человѣческаго, чтобы не удивляться, что эти люди, страдая за мнѣнія, за желанія, за надежды, исполненія коихъ они нѣкогда искали въ тайныхъ обществахъ, не смотря на послѣдовавшее разочарованіе, прилѣпились, такъ сказать, къ тому нѣкогда питаемому идеалу, который смѣшивался для нихъ съ мыслію объ обществѣ, причинѣ ихъ гибели. Возвысивъ, въ мысли своей, общество до того идеала, они исполнились страстнаго уваженія и къ тому и къ другому. Человѣкъ, чѣмъ болѣе онъ страдаетъ за свои вѣрованія, тѣмъ сильнѣе къ нимъ привязывается; вмѣстѣ онъ привязывается и къ тѣмъ предметамъ, кои ему эти вѣрованія напоминаютъ, или кои ихъ осуществляютъ.

Этого для меня достаточно, чтобы изъяснить то неудовольствіе, которое показали нѣкоторые изъ пострадавшихъ за тайныя общества, увидѣвъ мои мнѣнія объ обществѣ „Союза благоденствія“, къ которому я принадлежалъ, о его совершенной незначительности. Имъ казалось — и это естественно — что если страданія ихъ велики, то и причина сихъ страданій должна быть велика. Я, съ моей стороны, признавая страданія и великими и незаслуженными, находилъ, кромѣ сего, великими только несправедливость, беззаконіе слѣдствія, судопроизводства и приговоровъ.

Но въ сужденіяхъ моихъ объ обществѣ я могъ ошибиться; многаго я могъ не знать въ то время какъ я писалъ мои записки. Объ этомъ я и не спорю. Между тѣмъ, однако же, съ тѣхъ поръ какъ я писалъ прошло не мало времени. Многое могло бы обнаружиться въ теченіе этаго времени что̀ оставалось неизвѣстнымъ, сомнительнымъ при слѣдствіи и судѣ. Но время ничего не обнаружило, особенно ничего такого, что̀ могло бы дать болѣе значительности или тайнымъ обществамъ, или заговорамъ и революціоннымъ попыткамъ частныхъ лицъ. Наконецъ сами страдальцы, умирая одинъ за другимъ или въ Сибири или, по возвращеніи оттуда, въ различныхъ углахъ имперіи, оставляли послѣ себя записки, которыя были печатаемы за границею. Всѣ сохранили свое человѣческое достоинство, всѣ остались вѣрными своимъ вѣрованіямъ и со святынею идеала, въ воображеніи ихъ образовавшагося, они, естественно, соединяли мысль о тайномъ обществѣ. Одинъ изъ нихъ, неукротимый въ твердости духа, удрученный страданіями внутри сибирскаго каземата, который онъ называлъ своимъ гробомъ, достигъ до какой-то восторженности и ему казалось, что тайное общество имѣло большое вліяніе на все тогда совершавшееся въ Россіи и, между прочимъ, что оно какъ бы принудило императора Александра дать конституцію Польшѣ!

Между тѣмъ что̀ находимъ мы существеннаго во всѣхъ этихъ запискахъ касательно занимающаго насъ вопроса о значительности общества? Вездѣ обнаруживается, что общество никогда не имѣло ни устрой-

ства, ни дѣйствія; были толки, были разговоры; вообще всѣ жаловались на бездѣйствіе общества; самые ревностные члены заботились наиболѣе разпространеніемъ общества и мы видимъ, по этимъ запискамъ, что въ самомъ дѣлѣ множество людей вступало въ общество; но входя въ одну дверь, они выходили въ другую. Однимъ словомъ, всѣ записки, не исключая ни одной, ничего не представляютъ такого, что могло бы опровергнуть высказанное мною о незначительности общества.

Это и не могло быть иначе. Принимаясь за перо, я не имѣлъ — и не могъ имѣть — никакой иной цѣли, кромѣ желанія сказать правду, по мѣрѣ какъ она была мнѣ извѣстна. Не моя вина, что мое описаніе приводитъ къ заключенію, что тѣ, кои пострадали за свои мнѣнія и убѣжденія, а не за что либо ими содѣянное, были жертвою токмо суда неправеднаго. Но для нихъ такого объясненія было недостаточно. Страданіе ихъ не сломило; они не только не отказались отъ своихъ вѣрованій, но еще болѣе въ нихъ укрѣпились, какъ бы стараясь уравнять ихъ съ постигшею ихъ карою. Повторю, что это ясно для того, кто вникаетъ въ тайны сердца человѣческаго. Если бы, въ ихъ тяжкомъ положеніи, они могли разсуждать вполнѣ хладнокровно; то они могли бы притти къ заключенію, что если мое повѣствованіе умаляетъ причину ихъ бѣдствій, т. е. общество, за которое они пострадали, то съ другой стороны правда историческая въ немъ очевидна, несомнѣнна. Для памяти ихъ, можетъ быть, не безполезно, что все это чудовищное дѣло, это без-

совѣстное слѣдствіе, этотъ противозаконный и несправедливый судъ, что все было однажды навсегда высказано человѣкомъ, который, по положенію своему, могъ все высказать прямо, откровенно, и съ сердечнымъ участіемъ къ жертвамъ беззаконія!

Эта правда историческая наконецъ восторжествуетъ. И какой судъ произнесетъ тогда исторія? Она опредѣлитъ смыслъ и характеръ той эпохи, въ которую совершались произшествія нами обсуждаемыя. Она укажетъ, что послѣ кровавыхъ, гигантскихъ войнъ, Европа возрождалась тогда къ новой жизни. Россія, болѣе всѣхъ другихъ государствъ, содѣйствовала низверженію завоевателя Европы: народъ русскій сломилъ его своимъ могущественнымъ отпоромъ; русскій императоръ привелъ европейскія войска въ Парижъ. Весьма естественно, что всѣ эти произшествія имѣли вліяніе и на самую Россію: духомъ права и свободы, вѣявшимъ тогда по всей Европѣ, захотѣли подышать и нѣкоторыя русскія сердца. Самыя чистыя, самыя благія намѣренія одушевляли тѣхъ, кои начали желать перемѣнъ, преобразованій во имя добра и правды. Но средства и силы были слишкомъ недостаточны для совершенія чего либо значительнаго, важнаго. Смотря на Европу и видя, что она ищетъ свободы политической, они, очевидно, желали того же, какъ бы забывая, что огромное, сильнѣйшее и лучшее большинство русскаго народа не имѣетъ не только гражданской, но даже и человѣческой свободы. Не смотря на это, они, желая, можетъ быть, слишкомъ многаго, или не того чего тогда желать слѣдовало, не желали, однакоже, ничего дурнаго,

безнравственнаго; никакое чувство, никакая мысль эгоизма, собственныхъ выгодъ или выгодъ какаго либо особеннаго сословія, не вмѣшивалась въ ихъ патріотическія мечтанія. Но совершенное, неоспоримое безсиліе не могло не сдѣлаться наконецъ очевиднымъ и для нихъ самихъ. Все это, впрочемъ весьма лѣнивое волненіе, кончилось бы, вѣроятно, ничѣмъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, еслибы тогда не постигла Россію роковая кончина Александра Iго, или, по крайней мѣрѣ, если бы эта бѣдственная кончина не привела къ той неизвѣстности въ порядкѣ престолонаслѣдія, которая была непосредственнымъ поводомъ несчастнаго возстанія въ Петербургѣ.

Исторія безпристрастна. Она, вмѣстѣ съ симъ, и неумолима. Всемогущій и милосердый Творецъ вселенной прощаетъ заблудшимся и кающимся. Исторія никому и ничего не прощаетъ. Она оцѣнитъ намѣренія и дѣянія тѣхъ, кои произвели возстаніе или участвовали въ немъ, взвѣситъ и эти намѣренія и эти дѣянія, и, можетъ быть, поставитъ первыя въ оправданіе послѣднихъ: принесенныя жертвы освящаютъ дѣянія человѣческія; она благословитъ память тѣхъ, кои были жертвою не чего инаго, какъ своихъ намѣреній, желаній, своего стремленія къ добру и которые, съ великимъ нравственнымъ достоинствомъ, перенесли незаслуженныя бѣдствія. Она, наконецъ, заклеймитъ тѣхъ отступниковъ правды и закона, кои умышленно или неумышленно были орудіемъ неправды и беззаконія. Однимъ словомъ, она произнесетъ свой неумолимый приговоръ и надъ мучениками и надъ мучителями.

Судъ потомства будетъ согласенъ съ судомъ исторіи. Наше потомство будетъ имѣть всѣ средства и всю возможность къ изрѣченію своего суда. Оно будетъ имѣть свободу печати, гласность въ судахъ и въ Земскомъ Соборѣ. Мы, не дожившіе еще до этихъ вожделенныхъ временъ, но видѣвшіе уже, благодаря царю-освободителю, и уничтоженіе рабства и земскія учрежденія, и наконецъ — о чудеса! — журналы безъ цензуры *), мы можемъ съ спокойнымъ духомъ отойти отъ міра сего, въ надеждѣ всего добраго, нравственнаго, свободнаго для нашей родной земли.

---

*) Прибавлено въ 1865 г.

ПРИМѢЧАНІЕ III.

См. предисловіе стр. XXIX.

Лучшимъ свидѣтельствомъ умѣренности, о которой я здѣсь говорю, служатъ совершившіяся въ послѣднее время реформы по предметамъ, о коихъ мнѣ случалось говорить въ различныхъ моихъ и не напечатанныхъ запискахъ, и печатныхъ сочиненіяхъ; и именно:

1) относительно городоваго положенія я указалъ однажды на неправильность существовавшаго порядка, по коему одни только купцы и мѣщане завѣдывали городами и предлагалъ, чтобы домовладѣльцы всѣхъ сословій участвовали въ управленіи городскими дѣлами. Преобразованіе по сему предмету совершилось въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ и городовое управленіе, въ слѣдствіе новаго устройства думъ и пр. сдѣлалось самостоятельнымъ, будучи основано на правильныхъ и либеральныхъ началахъ.

2) По части судоустройства и судопроизводства, я придерживался, болѣе или менѣе и по возможности, „Учрежденія о Губерніяхъ.“ Я, конечно, говорилъ

и объ устности, о „говореніи“, въ дѣлопроизводствѣ, о гласности, о судѣ присяжныхъ, о докладѣ дѣлъ, вмѣсто секретарей, самими членами; я настаивалъ особенно на необходимости полнаго преобразованія слѣдственнаго порядка въ дѣлахъ уголовныхъ. Всѣ эти благотворныя начала нашли великолѣпное приложеніе и развитіе въ новомъ устройствѣ судовъ и судопроизводства. Я предлагалъ, между прочимъ, учрежденіе полицейскихъ судовъ для вѣденія дѣлъ маловажныхъ всякаго рода (что возложено теперь на мировыхъ судей), также какъ и для слѣдствій, и видѣлъ въ этихъ судахъ великое средство морализаціи массъ народныхъ. Теперь я нахожу мировыхъ судей, мировые съѣзды и, заключая по дѣйствію и поступкамъ этихъ судей, убѣждаюсь, что благая цѣль морализаціи вполнѣ достигается. Здѣсь я позволю себѣ привести сказанное мною за нѣсколько лѣтъ предъ симъ (см. „О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ“ стр. 119.). Разсуждая о благотворномъ дѣйствіи сихъ послѣднихъ, я говорилъ: „Если мы пристальнѣе всмотримся въ характеръ полицейскаго судопроизводства, то найдемъ, что кромѣ общихъ требованій правосудія, коимъ оно соотвѣтствуетъ, оно должно, или, по крайней мѣрѣ, можетъ въ особенности споспѣшествовать успѣхамъ нравственности народной, споспѣшествовать морализаціи массъ и сіе если не болѣе то, конечно, легче, удобнѣе нежели судопроизводство инаго рода.

„И подлинно! Тысячи людей, въ теченіе года, проходятъ чрезъ суды и слѣдствія полицейскія. Не всѣ, подвергаемые слѣдствію, бываютъ виновны; многіе,

виновные только въ малой степени, заслуживаютъ снисхожденія и должны быть охранены въ соразмѣрности. Видя себя предъ обыкновеннымъ нынѣ судомъ, они могутъ страшиться, робѣть, бояться, по русской пословицѣ, судьи еще болѣе нежели суда; но спрашивается: могутъ ли они имѣть довѣріе къ судьѣ, какъ обвиняемые во Франціи и особенно въ Англіи? Откуда это довѣріе можетъ возникнуть?

„Вообразите, напротивъ того, что обвиняемый, представляясь суду, находитъ судью настоящаго, правовѣда, который допрашиваетъ его тихо, терпѣливо, честно, зная, что обвиняемый не есть уже осужденный, и что этотъ судья, въ его присутствіи, такимъ же законнымъ образомъ, допрашиваетъ свидѣтелей какъ въ пользу такъ и противъ него; что кромѣ сего, онъ, обвиняемый, можетъ пользоваться совѣтомъ избраннаго имъ самимъ адвоката, и наконецъ — это всего важнѣе — что все слѣдствіе происходитъ гласно . . . вообразите себѣ такое судопроизводство, и скажите: останется ли оно безъ всякаго благотворнаго вліянія на умъ и сердце не только подсудимыхъ, но и цѣлыхъ массъ народныхъ?“

Отвѣтъ на мой вопросъ я нахожу въ изъясненіи того впечатлѣнія, которое выносятъ люди присутствующіе при разбирательствѣ дѣлъ въ мировыхъ судахъ (См. Моск. вѣдомости No. 114, Іюля 4, 1866.).

„Нѣкоторые субъекты, участвовавшіе въ разбирательствахъ, очевидно, не первый разъ имѣли дѣло съ судомъ; многіе изъ нихъ хорошо знакомы съ процессуальными пріемами, употребительными въ кварталѣ и частномъ домѣ. Иные не прочь бываютъ

пустить и тутъ въ дѣло упомянутые пріемы, которые резюмируются въ извѣстной фразѣ: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.“ Но этотъ привычный тонъ мигомъ измѣняется, какъ только они замѣчаютъ, что имѣютъ дѣло съ новымъ, дотолѣ имъ совершенно невѣдомымъ порядкомъ, какъ только они убѣждаются, что судья, предъ которымъ они стоятъ, добивается лишь одного — правды. Кто желаетъ наглядно въ очію увидѣть какое великое дѣло совершилось у насъ съ 17го Мая, тому мы совѣтуемъ просидѣть часъ другой въ присутствіи у мироваго судьи.“ *)

Всѣ мои предложенія, ожиданія и надежды не доходили до тѣхъ великихъ размѣровъ, которые характеризируютъ состоявшуюся у насъ судебную реформу; скажу просто: я не смѣлъ надѣяться всего этаго совершившагося огромнаго добра!

3) По крестьянскому дѣлу, отвергая всякій выкупъ со стороны крестьянъ, я предлагалъ весьма умѣренный земельный надѣлъ (3 десят. на тягло). Вмѣсто этого, крестьяне получили большіе надѣлы, вообще то же количество земли, коимъ они дотолѣ пользовались. Конечно они обязаны платить за эту землю большіе оброки. Но за то крестьяне получаютъ несравненно бо́льшую самостоятельность. Я имѣлъ въ виду образованіе сельской общины такимъ образомъ, чтобы въ нее мало по малу входили люди всѣхъ сословій, слѣдовательно и дворяне-помѣщики. По новому положенію крестьяне были совершенно отдѣлены отъ дворянъ, имѣютъ свое волостное

*) Это прибавлено въ 1866 г.

управленіе, свои сельскіе суды. Я согласенъ, что это полезнѣе для крестьянъ и слѣдовательно лучше моего предложенія, тѣмъ болѣе, что связь, которую я имѣлъ въ виду, между различными сословіями, была сохранена или вновь установлена „Земскими Учрежденіями“, въ которыхъ участвуютъ члены всѣхъ сословій: всему этому рѣшительному превосходству осуществленныхъ реформъ въ сравненіи съ моими видами и предложеніями, я безконечно радуюсь; но вмѣстѣ говорю, что все это гораздо радикальнѣе того что̀ я могъ предлагать.

Здѣсь я долженъ, однакоже, изъяснить вполнѣ мое мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ.

Лучшимъ разрѣшеніемъ сего вопроса я всегда почиталъ то, которое было принято въ Пруссіи, и это мнѣніе я неоднократно высказывалъ во всѣхъ моихъ запискахъ и сочиненіяхъ по сему предмету. Это разрѣшеніе состояло въ томъ, что крестьянамъ безвозмездно предоставлялась, вмѣстѣ съ усадьбою, половина той земли, которою они пользовались за повинность работы на помѣщика, съ правомъ выкупа другой половины. Принятіе сего метода освобожденія въ Россіи представляло великія затрудненія уже по тому что половина крестьянъ находилась на оброкѣ и пользовалась всею землею помѣщика. Очевидно, что въ такомъ положеніи не возможно было предоставить всѣмъ вообще крестьянамъ половину земли, такъ какъ крестьяне барщинные получили бы половину земли только крестьянской, земля же самимъ помѣщикомъ обработываемая оставалась бы при немъ неприкосно-

венною, и такимъ образомъ эти крестьяне получили бы только около одной четверти всей земли. Сверхъ сего таковое разрѣшеніе вопроса повлекло бы къ безчисленнымъ разпоряженіямъ въ слѣдствіе различія мѣстныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились крестьяне и пользованіе ихъ землею. Огромный трудъ редакціонной коммиссіи, конечно, свидѣтельствуетъ, что какъ эти, такъ и всѣ возможныя затрудненія могли бы быть преодолѣны и что прусское освобожденіе могло бы совершиться и въ Россіи. Но во всѣхъ моихъ предложеніяхъ по дѣлу освобожденія крестьянъ, я имѣлъ въ виду сколь возможно упростить, облегчить дѣло освобожденія. Наконецъ я никогда не принималъ метода выкупа крестьянской земли самими крестьянами; въ слѣдствіе чего я, по необходимости, былъ принужденъ ограничиться весьма малымъ надѣломъ. Признавая, какъ я изъяснилъ выше, рѣшительное превосходство принятаго метода освобожденія въ сравненіи съ тѣмъ, который былъ предлагаемъ мною, я не могу, однакоже, по совѣсти, не сказать, что прусскій методъ былъ превосходнѣе даже и того, который былъ принятъ окончательно правительствомъ. *)

---

*) Вотъ что́ я писалъ въ одномъ письмѣ къ брату: Лондонъ 2 Іюля 1827 г. „Вы пишете о моихъ мысляхъ о рабствѣ .... Я знаю, что и въ Россіи, если будетъ воля, то найдутся и средства. Опытъ это доказываетъ. Захотѣли сдѣлать что нибудь для Остзейскихъ провинцій — и сдѣлали. Сколь сдѣланное ни несовершенно, но при всемъ томъ хо-

4) „Земскія Учрежденія“ въ особенности далеко оставляютъ за собою мои робкія указанія на проэкты Тюрго, на „Городовое положеніе“ Штейна и пр.

Въ одномъ отношеніи я не нахожу еще полнаго удовлетворенія ожиданіямъ какъ моимъ, такъ, смѣю сказать, ожиданіямъ и всѣхъ просвѣщенныхъ людей, это: не полное, не совершенное еще уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній. Но и тутъ сдѣланъ великій шагъ: тѣлесныя наказанія уничтожены по судебнымъ приговорамъ; они почти уничтожены въ арміи. Благословляя подвиги благородныхъ дѣятелей на пути человѣколюбія и образованности, дѣятелей, которые

рошо и благодѣтельно. Для русскихъ крестьянъ то же было бы еще благодѣтельнѣе. Но конечно есть другія средства, лучшія, болѣе дѣйствительныя и особенно болѣе полезныя для государства вообще, и именно дать крестьянамъ не только свободу, но и кусокъ земли. Нашъ законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ имѣетъ основаніемъ сію идею. Но она такъ близка къ уродливости невозможностію въ исполненіи! . . . . Лучшихъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ должно искать не въ Россіи, не въ томъ, что тамъ предполагаемо было, но въ другихъ земляхъ и именно въ Пруссіи. Я самъ, даже и бывъ въ Россіи, всегда думалъ, что лучшее и полезнѣйшее для государства было бы раздѣлить землю, теперь помѣщиками владѣемую, впрочемъ не по ровну, между господами и крестьянами, сдѣлавъ ихъ независимыми одинъ отъ другаго. Но я не предлагалъ этого никому, зная, что это только устрашитъ и отдалитъ мысли помѣщиковъ отъ освобожденія. Въ Пруссіи это сдѣлано, и сіе истинно государственное благодѣяніе, увѣнчалось успѣхомъ . . . . . Для насъ это было бы слишкомъ хорошо. Не надобно искать совершенства, гдѣ и менѣе совершенное было бы такъ благодѣтельно.“

могли явиться токмо при царѣ-освободителѣ, мы умоляемъ ихъ не останавливаться на семъ пути и итти до конца, дотолѣ, пока не будетъ ни для одного русскаго ни палокъ, ни плетей, ни розогъ!

Въ изъявленіи моихъ воззрѣній относительно „Земскаго Собора“ я, кажется мнѣ, остался вѣрнымъ принятому мною правилу умѣренности.

ПРИМѢЧАНІЕ IV.

Къ стр. 42.

Кромѣ пагубныхъ нововведеній въ самыя основанія русскаго законодательства, методъ, которому слѣдовали составители свода, направленіе, принятое ими, духъ одушевлявшій ихъ, представляетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самыя печальныя явленія. Такъ, напримѣръ, законоположенія о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, съ видимымъ умысломъ и вмѣстѣ съ непростительною неразборчивостію соединяютъ въ себѣ все что̀ можно было найти невыгоднаго для крестьянъ въ различныхъ указахъ, по частнымъ случаямъ изданныхъ. На такихъ частныхъ разрѣшеніяхъ и постановленіяхъ редакторы свода основываютъ новый законъ, увлекаясь иногда до того, что обращаютъ разрѣшенія и постановленія выгодныя для крестьянъ, въ узаконенія для нихъ невыгодныя, и вся эта неправда увеличивается простымъ отстраненіемъ изъ Свода нѣкоторыхъ указовъ Петра 1го, прямо выгодныхъ для крестьянъ.

Гнъ Порошинъ въ весма замѣчательной книгѣ *), въ которой — скажемъ мимоходомъ — лучше нежели гдѣ либо объяснено положеніе такъ называемаго польскаго вопроса, говоря о „Сводѣ“, разсматриваетъ тѣ статьи онаго, кои касаются до крѣпостнаго права, избравъ, какъ онъ говоритъ, предметомъ своей критики отживавшее тогда свое время законодательство о крѣпостномъ правѣ: experimentum in anima vili.

По статьѣ 1045 опредѣляющей права помѣщика на работу крестьянина и на требованіе оброка, оказывается, что ни одинъ изъ приводимыхъ подъ сею статьею указовъ не опредѣляетъ прямо и положительно чего помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянина. Изъ всѣхъ этихъ указовъ, по частнымъ случаямъ состоявшихся, редакторы свода выбрали только невыгодное для крестьянъ.

Статья 1046, опредѣляющая трехъ-дневную работу крестьянъ для помѣщика, основана на указѣ императора Павла Iго, подтверждающемъ запрещеніе заставлять крестьянъ работать въ воскресенье, замѣчая, что достаточно работы шести дней въ недѣлю, раздѣленныхъ, по обыкновенію, на двѣ равныя части.

Изъ обыкновенія, которое выставляется здѣсь какъ maximum работы и которое равно можетъ допускать и два дня, редакторы сдѣлали положительный законъ.

Статья 1047, предоставляющая полное право

*) Nos questions russes. Paris 1865.

помѣщику располагать участію, силами и занятіями крѣпостнаго человѣка, основывается:

на инструкціи чиновникамъ по дѣламъ ревизіи,

на указѣ, обезпечивающемъ платежъ подушнаго оклада недвижимою собственностію помѣщика.

Статья 1085, нѣкоторымъ образомъ, разрѣшаетъ продажу людей безъ земли. Она основывается на указѣ, который, въ случаѣ покупки земли лицами неимѣющими права владѣть людьми, обязываетъ продавца переводить крестьянъ на другую землю.

Такимъ образомъ, говоритъ г. Порошинъ, указъ возлагаетъ, въ извѣстномъ случаѣ, на помѣщика обязанность перевести людей на другую землю. Сводъ превращаетъ эту обязанность, въ право продавать людей для переселенія!

Статья 1030 опредѣляетъ обязанности крѣпостныхъ людей въ отношеніи къ государству или правительству. Но § 4. сей статьи, вопреки тому, что тутъ идетъ дѣло только о обязанностяхъ, опредѣляетъ также и право крестьянъ искать защиты предъ закономъ, въ случаяхъ, когда у нихъ отнимаются вещи имъ принадлежащія, не помѣщикомъ ихъ, а посторонними лицами.

Такое постановленіе, замѣчаетъ г. Порошинъ, предполагаетъ или указываетъ, что власть помѣщика разпространяется на все имущество крестьянъ, чего не возможно вывести или доказать никакимъ положительнымъ закономъ.

„Вотъ нѣсколько статей, говоритъ г. Порошинъ, ни одна изъ коихъ не согласуетя съ прежде сущест-

вовавшими узаконеніями, подъ сими статьями приводимыми, и всѣ очевидно направлены къ ущербу крестьянъ.

„Этотъ фактъ прошелъ не замѣченнымъ, въ продолженіе 30 лѣтъ!

. . . . . „Съ того времени рабство приняло видъ нѣкоторой законности, законности не имѣвшей правдиваго основанія. Это могло быть весьма пагубно: къ счастію общество продолжало жить и дѣйствовать по прежнему и, говоря вообще, не употребляя слишкомъ во зло предоставляемыхъ ему неправедныхъ правъ и власти.

„Желаніе императора было, чтобы Сводъ соединялъ въ себѣ законы, тогда существовавшіе. Этимъ законамъ сводъ далъ новое значеніе, новое истолкованіе, новый смыслъ. По выходѣ изъ этой лабораторіи, ихъ нельзя было узнать.“

Между узаконеніями, не вошедшими въ сводъ, г. Порошинъ приводитъ неоднократно повторенныя предписанія Петра Iго о томъ, что крестьяне, торгующіе или занимающіеся ремеслами въ городахъ, обязаны платить помѣщику такіе же оброки, какіе платятъ другіе его крестьяне, а не соотвѣтственно съ тѣмъ что они заработываютъ своею торговлею или ремесломъ.

Другое узаконеніе Петра Iго, приводимое г. Порошинымъ, постановляетъ, что солдаты, стоящіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, не могутъ жениться на вдовахъ и дѣвицахъ сихъ имѣній безъ позволенія помѣщика; но что помѣщикъ, съ свой стороны, не можетъ противиться браку, если желающій жениться

заплатитъ за невѣсту выкупную сумму денегъ, сообразную обычаямъ мѣстности.

Такія узаконенія, заключаетъ г. Порошинъ, показываютъ, что была же прежде какая-то опредѣленность какъ въ отношеніи оброковъ, такъ и въ отношеніи выкупа крѣпостныхъ женщинъ, опредѣленность, основанная на мѣстныхъ обычаяхъ и на которую ссылается самый законъ.

Между тѣмъ статья 1038, IX^го тома, провозглашаетъ простое запрещеніе вдовамъ и дѣвицамъ вступать въ бракъ безъ дозволенія помѣщика. Узаконеніе Петра I^го приводится подъ этою статьею; но вторая половина этаго узаконенія, дозволяющая выкупъ, не вошла въ эту статью свода!

ПРИМѢЧАНІЕ V.

Къ стр. 56.

Если тѣлесныя наказанія, по судебнымъ приговорамъ, были отмѣнены, то, конечно, это не только, потому что онѣ были чрезвычайно жестоки, но и потому что онѣ вообще безчеловѣчны и безнравственны. Но тогда представляется вопросъ: справедливо ли, полезно ли, соотвѣтственно ли даже здравому смыслу, признавъ зло зломъ и отмѣнивъ его въ высшихъ размѣрахъ и степеняхъ, удерживать въ низшихъ, какъ бы только для того, чтобы память и мысль о тѣлесныхъ наказаніяхъ сохранялась въ памяти народной? Розги принадлежатъ къ той же категоріи возмутительныхъ наказаній какъ и плети и шпицрутены: разница состоитъ только въ числѣ ударовъ. Мы не могли, безъ сердечнаго сокрушенія, читать въ газетахъ, что одинъ солдатъ провинился сдѣлавъ грубый отвѣтъ унтеръ офицеру: полковой судъ, какъ находящагося въ разрядѣ штрафованныхъ, приговорилъ солдата къ наказанію 35 ударами розогъ. Полковой

командиръ просилъ (sic) возвысить наказаніе до 100 ударовъ и продолжить пребываніе его въ разрядѣ штрафованныхъ до двухъ лѣтъ. Помощникъ прокурора полагалъ, что увеличенію пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ отъ 1го до 2хъ лѣтъ, должно соотвѣтствовать наказаніе розгами отъ 150 до 200 ударовъ. Судъ постановилъ: подвергнуть подсудимаго наказанію розгами въ размѣрѣ 170 ударовъ (см. современная лѣтопись 22 Октября 1867. г. No. 38.). Такой приговоръ, даже и числомъ ударовъ, напоминаетъ прежнія изтязанія: 170 ударовъ!! И такая отвратительная жестокость совершается подъ названіемъ „дисциплинарныхъ взысканій!“ Въ старину, по крайней мѣрѣ просто и прямо говорили: „бить кнутомъ нещадно.“ Теперь ненавистное дѣло маскируютъ манерными фразами. Мы не можемъ также не замѣтить, что здѣсь, по мѣрѣ перехода дѣла въ высшія инстанціи, наказаніе увеличивалось. Это напоминаетъ намъ, какъ почтенный Н. С. Мордвиновъ возставалъ, въ государственномъ совѣтѣ, противъ усиленія приговоровъ въ высшихъ инстанціяхъ, справедливо говоря, что инстанціи низшія ближе къ подсудимому и потому основательнѣе могутъ судить о дѣлѣ, и что если приговоры ихъ подвергаются измѣненію, то это должно быть только въ смыслѣ смягченія оныхъ. Если мы не ошибаемся, то предсѣдатель военнаго суда былъ тотъ же самый генералъ, который предсѣдалъ при открытіи въ Москвѣ военныхъ судовъ и въ рѣчи своей сказалъ: „слова, изшедшія съ высоты престола, что судъ долженъ быть скорый, правый и милостивый, будутъ всегда

у насъ въ памяти.“ (См. Моск. Вѣд. 6. Сентября 1867 г. No. 194.)

„Слова изшедшія съ высоты престола“, эти великодушныя, человѣколюбивыя, прекрасныя слова, сколько мы можемъ судить по газетнымъ извѣстіямъ, были поняты гражданскими уголовными судами лучше, нежели военными. (Добавлено 15. Ноября 1867. г.)

ПРИМѢЧАНІЕ VI.*)

Къ стр. 109.

Къ этимъ печальнымъ результатамъ нашего прошедшаго, мы должны прибавить нѣкоторыя современныя явленія, которыя тѣмъ болѣе для насъ прискорбны, что дотрогиваются до тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, которыя такъ кстати и такъ удачно осчастливили, оживотворили Россію. Мы разумѣемъ Земскія Учрежденія и преобразованіе судовъ и судопроизводства. Великая польза этихъ великихъ реформъ заключается: въ ихъ самостоятельности, въ ихъ нравственномъ достоинствѣ, въ непоколебимости основаній, на коихъ они созданы, въ независимости дѣйствія въ тѣхъ предѣлахъ, кои опредѣлены закономъ и уже освящены опытомъ, хотя и кратковременнымъ. Всего же болѣе желаемый успѣхъ и желаемое про-

---

*) Прибавлено въ 1867 г.

цвѣтаніе сихъ благотворныхъ преобразованій зависитъ отъ тщательнаго сохраненія и соблюденія того духа правды, человѣколюбія, справедливости, коимъ проникнуты эти новыя узаконенія и манифесты по симъ предметамъ вѣнценоснаго законодателя.

Но какъ отнеслись къ этому великому, святому дѣлу исполнители-министры?

Въ Земскихъ Учрежденіяхъ вошло въ обыкновеніе печатать разсужденія и заключенія членовъ различныхъ управъ. Это не могло быть иначе: общія дѣла, обсуждаемыя и рѣшаемыя избранными отъ земства, должны быть извѣстны земству, публикѣ. Взаимныя отношенія избирателей съ избранными должны быть самыя непринужденныя, свободныя. Постороннее вмѣшательство, съ какой бы стороны оно ни происходило, не только неумѣстно, но вредно для правильнаго хода дѣлъ. Свободное общеніе избранныхъ съ избирателями поддерживаетъ дѣятельность и усердіе первыхъ и возбуждаетъ вниманіе послѣднихъ къ общему дѣлу. Всякое препятствіе въ таковомъ взаимномъ общеніи земства съ избранными имъ дѣятелями, непремѣнно отзовется на дѣлѣ самымъ печальнымъ образомъ: усердіе однихъ и вниманіе другихъ будетъ парализировано и можетъ быть задавлено тою несчастною лѣностію, тою апатіею, кои такъ сильно дѣйствуютъ, въ гражданской жизни, на нашихъ соотечественниковъ.

Что же мы видимъ? Въ то время, какъ мы съ сердечною заботливостію слѣдили за ходомъ земскихъ учрежденій, лелѣяли, такъ сказать, въ нашемъ во-

ображеніи, эти первые зародыши гражданской жизни въ Россіи — вдругъ находимъ предписаніе министра, подвергающее земскія разсужденія и заключенія цензурѣ губернаторовъ!! Этого довольно, чтобы не только изказить сущность этихъ учрежденій, но мало по малу совсѣмъ ихъ задушить, если только министерство будетъ продолжать дѣйствовать въ этомъ направленіи. Еще болѣе печальное, бѣдственное явленіе поразило насъ въ области судопроизводства. Съ неизъяснимымъ, такъ сказать, съ ошаломительнымъ изумленіемъ, прочли мы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ*), что предсѣдатель Московскаго уголовнаго суда выгналъ изъ присутствія адвоката!! И такое непостижимое посягательство на все что есть наиболѣе священнаго въ новомъ судопроизводствѣ — на право защиты, случилось не въ первый, а во второй разъ; почему можно предполагать, что такія уродливыя выходки со стороны судей могутъ превратиться наконецъ въ судебный обычай! Кто не видитъ, что такая жестокая безсмыслица, въ самомъ основаніи, разрушаетъ всю сущность новаго столь благотворнаго преобразованія!

Если мы чему либо особенно радовались, чѣмъ особенно восхищались, то это появленіемъ у насъ настоящихъ адвокатовъ: умныхъ, свѣдущихъ, искусныхъ, усвоившихъ себѣ здравое, сдержанное, умѣренное, истинно судебное краснорѣчіе. Появленіе такихъ адвокатовъ казалось намъ какимъ-то чудомъ.

---

*) 7 Ноября 1867 г. No. 244.

И вдругъ мы видимъ, что эти-то адвокаты, первые, подвергаются непріязни и даже обидамъ со стороны самихъ судей! Правда — эти судьи не были, не могли быть прежде адвокатами! И одною изъ первыхъ жертвъ этой судейской запальчивости былъ именно тотъ адвокатъ, котораго рѣчь въ одномъ уголовномъ дѣлѣ, привела меня въ особенное удивленіе и восхищеніе. Я слыхалъ и читывалъ много рѣчей адвокатовъ и въ Англіи и во Франціи и скажу по совѣсти, что эта русская рѣчь можетъ итти на ряду съ лучшими англійскими и французскими.

Если кто возьметъ на себя трудъ подумать о званіи адвоката, то найдетъ, что на здравомъ образованіи, на самобытной независимости этаго сословія, основывается вся сущность судопроизводства. Изкаженіе, униженіе адвокатуры, изкажаетъ, унижаетъ самое дѣло правосудія. Важность званія адвоката требуетъ, чтобы люди честные, благородные, дорожащіе своимъ личнымъ достоинствомъ, могли принимать его. Не знаемъ поддержитъ ли кассаціонный судъ это достоинство адвокатуры и направитъ ли судей на путь истиннаго правосудія, по коему, какъ намъ казалось, они шли доселѣ съ честію для самихъ себя и съ пользою для общества.

Мы не можемъ здѣсь не замѣтить, что въ томъ же самомъ № Московскихъ Вѣдомостей, въ коемъ описанно это второе изгнаніе адвоката изъ суда, мы читаемъ, что по представленію управляющаго Министерствомъ Юстиціи, прогнавшій адвоката судья, не задолго предъ симъ произшествіемъ получилъ въ

награду за ревностную службу св. Владиміра 3й степени. . . . . Единственное средство сохранить въ ихъ благотворной цѣлости и полнотѣ дарованныя народолюбивымъ царемъ учрежденія и институты найдется въ контролѣ не министровъ, а токмо „Земскаго Собора.“ (Добавлено въ 1867 г.)

ПРИМѢЧАНІЕ VII.

Къ стр. 109.

Почитаю не излишнимъ къ сказанному въ текстѣ сдѣлать слѣдующее дополненіе, которое, ничего не доказывая, имѣетъ, однакоже, свое значеніе, свой смыслъ.

Англійскій посолъ, бывшій въ Петербургѣ предъ начатіемъ Крымской войны, возвратившись въ Лондонъ, произнесъ за обѣдомъ, даннымъ однимъ изъ корпоративныхъ обществъ, рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ сказалъ, что:

Если бы въ Россіи нашелся человѣкъ имѣющій довольно смѣлости для того, чтобы представить и разъяснить императору настоящее положеніе дѣлъ, обстоятельства, въ коихъ находилось государство, дѣйствительныя средства, коими могло располагать правительство — то императоръ, конечно, не рѣшился бы начать войну . . . . .

Эти слова сильно меня поразили. Возможно ли, чтобы отъ смѣлости и правдивости однаго человѣка, зависѣла судьба имперіи! Возможно ли, чтобы им-

ператоръ не встрѣтилъ между окружающими его хотя однаго такаго смѣлаго и правдиваго человѣка!

Говоря вообще, мы этого допустить не можемъ. Безъ сомнѣнія, между окружавшими императора были люди умные, благородные, честные.

Но порядки у насъ существующіе не благопріятствуютъ инисіативѣ частныхъ лицъ въ дѣлахъ государственныхъ, особливо въ дѣлахъ такой щекотливой важности, каково дѣло войны и мира. Самые почтенные государственные сановники остаются въ молчаніи, когда ихъ именно о чемъ нибудь не спрашиваютъ. Они стараются съ усердіемъ исполнять высочайшую волю, не дерзая обнаруживать собственныхъ мнѣній, собственныхъ воззрѣній на дѣла и на обстоятельства, какъ бы эти дѣла и обстоятельства ни были важны, рѣшительны для блага или для ущерба государственнаго.

Самымъ наглядным примѣромъ и доказательствомъ сего могутъ служить военныя поселенія: никто (кромѣ г. Сперанскаго!) ихъ не одобрялъ; всѣ рѣшительно осуждали, но вмѣстѣ всѣ же и молчали. Одинъ только ф. м. Барклай де Толли поднялъ голосъ противъ военныхъ поселеній и то только въ военномъ отношеніи, находя ихъ вредными для порядочнаго образованія арміи.

Чтожъ касается до выраженія мнѣнія общественнаго — отголоски его не могутъ быть достаточно громки, ясны, значительны тамъ, гдѣ нѣтъ свободной печати.

Такимъ образомъ, если мы не допускаемъ того, чтобы въ Россіи, въ извѣстный, роковой моментъ,

не нашлось ни однаго смѣлаго человѣка; то мы не можемъ не признать того, что пути для смѣлой правды очень, очень трудны, трудны до невозможности итти по нимъ даже и съ самымъ рѣшительнымъ самоотверженіемъ. Въ настоящую эпоху преобразованій и улучшеній всякаго рода, люди серіозные не могутъ оставаться равнодушными къ тѣмъ размышленіямъ, на кои приводятъ насъ слова англійскаго посла: „одинъ смѣлый человѣкъ могъ бы избавить Россію отъ Крымской войны!“

ПРИМѢЧАНІЕ VIII.

См. стр. 169.

Эта мысль, объ удаленіи изъ западнаго края тѣхъ поляковъ, которые почитаютъ себя, въ гражданскомъ отношеніи, поляками, была неоднократно обсуждаема въ современной русской печати. Нѣкоторые публицисты, ссылаясь на начала принимаемыя въ законѣ объ экспропріаціи для пользы общественной, разсуждали, что если, считается не противнымъ справедливости лишить человѣка, за достаточное вознагражденіе, его собственности, когда сего требуетъ общая польза, обыкновенно чисто матеріальная; то, конечно, нельзя почитать несправедливымъ лишить польскихъ помѣщиковъ въ русскомъ краѣ, за достаточное вознагражденіе, ихъ поземельной собственности, когда сего требуетъ общественный порядокъ и безопасность государственная. Такой аргументъ можно принять, пожалуй, за аргументъ неопровергаемый. Но столь же ли неопровергаема необходимость прибѣгнуть къ такому энергическому средству?

Не забудемъ, что давно уже юридическая мудрость провозгласила также едва ли удобно-опровергаемое, святое начало: summum ius — summa iniuria!

Посмотримъ, нѣтъ ли иныхъ стредствъ, менѣе насильственныхъ, и, скажемъ мимоходомъ, болѣе дешевыхъ, для достиженія желаемой цѣли утвержденія порядка и безопасности государственной.

Въ чемъ дѣло?

Мы видимъ, что въ западномъ краѣ, неоспоримо русскомъ, посреди огромнаго населенія русскаго, живетъ меньшинство людей, которые, изъ русскихъ, православныхъ сдѣлались поляками, католиками. Почти все сословіе землевладѣльцевъ принадлежитъ къ этому роду поляковъ.*) Они не отрицаютъ, что большинство населенія не польское, а русское; но

---

*) Примѣры того, что высшія сословія легче, скорѣе нежели простой народъ, отказываются отъ своей народности и отъ вѣры отцевъ, встрѣчаются въ различныхъ земляхъ. Такъ въ Босніи и въ другихъ турецкихъ земляхъ христіанами населенныхъ, землевладѣльцы высшаго сословія сдѣлались вполнѣ магометанами. Такъ во Франціи многіе протестанты высшаго сословія сдѣлались католиками, между тѣмъ какъ люди низшаго сословія оставались вѣрными своему вѣроисповѣданію.

„Combien de familles protestantes au temps de Henri IV sont dévenues et restées catholiques par ambition ou par crainte et sans que la conscience y fût pour rien! Ce sont les rangs les plus humbles, ce sont les familles les plus pauvres, qui ont le mieux défendu leur foi; et dans un curieux travail de M. F. Waddington, „Le Protestantisme en Normandie“, nous voyons les habitans de pauvres villages normands lutter non sans péril pour leur réligion, en 1786, à la veille même de la révolution française.“ Journal des Débats. 21 Nov. 1862.

утверждаютъ, что такъ какъ они владѣютъ землею и стоятъ на высшей степени образованности, нежели это русское населеніе, то судьбы края должны согласоваться съ требованіями и интересами не большинства народонаселенія, но съ требованіями и интересами владѣющаго землею и образованнаго меньшинства.

Не нужно прибѣгать къ извѣстному правилу Бентама, что „цѣлію всякаго общества должно быть наибольшее благо наибольшаго числа людей“, дабы отстранить такую неосновательную, можно сказать уродливую претензію. Во всякомъ случаѣ никакое мало мальски справедливое, здравомыслящее правительство не можетъ допустить такихъ правъ землевладѣнія и „интеллигенціи.“ Но не поблажая прихотямъ и затѣямъ землевладѣнія и „интеллигенціи“, нѣтъ нужды и изкоренять то или другое. Слѣдуетъ только обнять взоромъ и участіемъ все народонаселеніе въ совокупности и взвѣсить какъ интересы такъ и силу не только поляковъ — помѣщиковъ, но и русскихъ — крестьянъ. Отъ чего первые, поляки — помѣщики, пріобрѣли такую значительность въ краѣ, что заставили васъ думать о ихъ выселеніи? Только, потому что они одни имѣли и власть и голосъ въ краѣ. Они дѣйствовали и говорили во имя края; русское большинство копало помѣщичью землю и молчало. Дайте власть и слово русскому большинству, и русскій элементъ далеко перевѣситъ элементъ польскій. Освобожденіе крестьянъ съ землею, неоспоримо, улучшило бытъ крестьянъ въ краѣ. Но

этого недостаточно и доказательствомъ сего служитъ, что и послѣ освобожденія, толкуютъ еще о выселеніи помѣщиковъ какъ о единственномъ средствѣ успокоить край. Всякая борьба необходимо требуетъ равенства въ оружіи для обѣихъ сторонъ. Но здѣсь мы видимъ, что польскіе помѣщики продолжаютъ пользоваться такими правами и привилегіями, какихъ крестьяне, русскіе, продолжаютъ не имѣть. Стоитъ только вспомнить, что сіи послѣдніе подлежатъ еще тѣлеснымъ наказаніямъ, дабы убѣдиться, что борьба не можетъ быть равною. Равноправіе предъ закономъ, и одно оно, можетъ успѣшно умиротворить этотъ несчастный край. И здѣсь, какъ вездѣ и всегда, добро, сила добра всего успѣшнѣе упрочитъ благосостояніе государства. Еслибы, какъ мы желаемъ, былъ созванъ въ Россіи „Земскій Соборъ“; то, по началу равноправія, крестьяне, русскіе, явились бы въ немъ на-ровнѣ съ помѣщиками, поляками; число представителей тѣхъ и другихъ, соразмѣрялось бы съ числомъ народонаселенія. На чьей сторонѣ былъ бы тогда перевѣсъ? Одна встрѣча польскихъ депутатовъ съ русскими положила бы конецъ всѣмъ шляхетскимъ затѣямъ. Мы видимъ сколь безсильны оказываются какъ въ галицкомъ сеймѣ, такъ и въ вѣнскомъ рейхсратѣ, польскіе депутаты противъ депутатовъ русскихъ, крестьянство представляющихъ. Только пристрастіе къ одной изъ сторонъ и недобросовѣстность правительства ослабляютъ тамъ силу русскаго элемента.

Вотъ настоящій исходъ дѣлу. Вотъ summum

ius, которое никогда не обратится въ summam iniuriam!

Нельзя и здѣсь не подивиться тѣмъ страннымъ, какъ бы роковымъ эволюціямъ, коимъ подвергался народъ русскій. Мы видимъ, въ исторіи, что вездѣ рабство слѣдовало за покореніемъ, за завоеваніемъ страны. Въ Россіи рабство послѣдовало за освобожденіемъ страны, за побѣдою, и первою жертвою рабства былъ народъ освободившій страну отъ чуждаго ига; между тѣмъ какъ сословіе высшее, рабовладѣльческое наполнилось множествомъ всевозможныхъ иноплеменныхъ элементовъ. Мы видимъ также, что государства, пріобрѣвшія завоеваніемъ чуждыя земли, для обезпеченія своей безопасности или своего могущества, какъ, напримѣръ Франція, присоединившая себѣ Эльзасъ, Пруссія — Силезію, всячески старались привлечь къ себѣ умы и сердца новыхъ своихъ подданныхъ, и вполнѣ успѣли въ этомъ. Малороссія, съ своимъ казачествомъ, освободившись отъ Польши, присоединилась къ Россіи — событіе, давшее и упрочившее рѣшительный перевѣсъ Россіи надъ Польшею. И вотъ — этихъ вольныхъ и отдавшихся Россіи съ надеждою сохранить свою волю казаковъ, Россія обратила въ крѣпостныхъ рабовъ! Наконецъ Россія возвратила подъ свое владычество этотъ западный край, отторгнутый отъ нея въ старыя времена. И въ этомъ краѣ она признала гражданами только поляковъ. Русскіе остались рабами сихъ послѣднихъ! Россія знала этотъ край только въ лицѣ поляковъ-помѣщиковъ. Русскіе крестьяне оставались

въ сторонѣ; какой-то непроницаемый мракъ скрывалъ отъ русскаго народа ихъ житье-бытье, ихъ неволю, ихъ страданія. Россія, наконецъ, называла этотъ край польскимъ краемъ! Даже при освобожденіи крестьянъ въ 1861 году, исполненіе этой благодѣтельной мѣры было поручено польскимъ мировымъ посредникамъ! И теперь, какъ мы видѣли, нѣтъ равноправія между русскими и поляками въ этомъ русскомъ краѣ. И между тѣмъ какъ польскій элементъ имѣетъ своихъ защитниковъ, если не офиціальныхъ, то офиціозныхъ, въ лицахъ, владѣющихъ недвижимою собственностію въ этомъ краѣ, элементъ русскій находитъ себѣ ходатаевъ только въ русской прессѣ, но въ прессѣ, которая, не смотря на свое очевидное, доказанное совершеннолѣтіе, продолжаетъ быть подъ опекою цензуры. И все это зло, съ начала до конца, совершалось безъ всякаго злаго умысла, какъ-то безсознательно.*) Таковы судьбы Россіи! . . .

---

*) Мы читаемъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ No. 171, 6 Августа 1865 года:

„Корсунь, изъ стариннаго русскаго города, основаннаго Ярославомъ, обратился во время польскаго владычества въ старостинское (казенное) имѣніе и поступилъ во владѣніе князей Яблоновскихъ, а по томъ Понятовскихъ. По возвращеніи края, императоръ Павелъ подарилъ Корсунь генералъ-прокурору (въ послѣдствіи князю) Лопухину, при чемъ случилось слѣдующее удивительное дѣло. Всѣ жители мѣстечка, принадлежавшіе къ православному исповѣданію, были объявлены крѣпостными свѣтлѣйшаго князя, между тѣмъ какъ католики и евреи остались свободными. Воинскія команды были испол-

E pur si muove! Не смотря ни на что, она продолжаетъ двигаться, расти, крѣпнуть. Для дальнѣйшаго, полнаго развитія, нуженъ ей только просторъ, возможность говорить, читать, писать, дѣйствовать.

нителями этаго дѣла, сопровождавшагося кровавыми казнями."

Графъ Н. И. Панинъ, въ свое время, говаривалъ: „Все, въ Россіи, совершается премудростію Божіею и глупостію человѣческою!"

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Читай:
Стр. XX	предув. строка 7	
	отгичающія	отличающія.
» XVI	предисл. » 21	
	См. примѣчаніе I[e] стр. 230.	См. примѣчаніе I.
» XXII	» » 21	
	См. примѣчаніе II[e] стр. 234	См. примѣчаніе II.
» XXIII	» » 14	
	Аехандру	Александру.
» XXIX	» » 21	
	См. примѣчаніе III[e] стр. 267.	См. примѣчаніе III.
» 25	» » 16	
	какагото	какаго-то.
» 38	» » 13	
	самыхъ	самихъ.
» 33	» » 23	
	цивилизація	сивилизація.
» 50	» » 26	
	самымъ	самимъ.
» 52	» » 20	
	новышеніемъ	повышеніемъ.
» 58	» » 4	
	имянно	именно.
» 79	» » 9	
	духохвные	духовные.